ISSN 0321-3056
DOI 10.18522/0321-3056

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2016 4

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.С. Золотарёв, В.Е. Закруткин, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор
А.П. Горбунов – кандидат исторических наук, доктор экономических наук, профессор
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики)
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, профессор
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор
Г.С. Денисова – доктор социологических наук, профессор
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор
В.С. Савчук – кандидат исторических наук, доцент
В.В. Черноус – кандидат политических наук, профессор
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор
Е.А. Шинкаренко – редактор отдела журнала
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный лингвистический университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет, Северо-Кавказский федеральный университет, Северо-Осетинский государственный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, Е.А. Шинкаренко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 20.12.2016.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,49. Уч.-изд. л. 14,48.
Тираж 150 экз. Заказ № 5517

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 247-80-51

© Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2016

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - the Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of Historical Sciences, Professor
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor
A.P. Gorbunov - Candidate of History, Doctor of Economics, Professor
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Professor
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor
G.S. Denisova - Doctor of Social Sciences, Professor
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor
V.S. Savchuk - Candidate of History, Associate Professor
V.V. Chernous - Doctor of Political Sciences, Professor
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor
E.A. Shinkarenko - Editor-in-Card
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State Linguistic University, Rostov State Building University, Rostov State University of Railway Transport, North Ossetian State University, Rostov State Economic University, North Caucasus Federal University, South-Russian State Technical University named after M.I. Platov, South-Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, E.A. Shinkarenko, M.S. Shipitko

Signed print 12.20.2016.
Format 60×84 1/8. Offset paper.
Conv. print. sheets 13.49. Publ. sign. 14.48.
Edition 150 copies. Order number 5517

Address editorial board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address editorial board of the series “Social Sciences”:
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, phone (863) 247-80-51

© Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region, 2016

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4

Регистрационный номер 011018 Комитета Российской Федерации по печати
Научно-образовательный и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 4 (192) 2016 г.

Reg. No. 011018 Of the Russian Federation Committee for the Press
Educational-research journal of applied sciences
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 4 (192) 2016

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Антипова И.Г. Субъект принятия решения: между фактом и закономерностью…….. 5
Моисеев А.В. Самоописание сознания и проблема самоопределения современной философии…….. 12
Сарикек Г.Р. Метафизические основания понятий «комфорт» и «счастье»…….. 17

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Antipova I.G. Subject of Decision: Between Fact and Laws…… 5
Moiseev A.V. The Self-description and Problem of Self-determination of Contemporary Philosophy……..... 12
Sarikek G.R. Metaphysical Foundation of Concepts “Comfort” and “Happiness”…….. 17

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Аверьянов А.В. Основные направления национальной политики в Ростовской области во второй половине 1980-х годов: теоретические и практические аспекты……..... 22
Бородин С.В. Современное россиеведение в Японии……... 27
Ибрагимов А.С. Негосударственный сектор высшего образования Республики Дагестан и особенности его функционирования на рубеже XX–XXI веков……... 32
Курмансеитова А.Х. О становлении полиграфической базы Черкесского областного национального издательства (1928–1940)…… 37
Пономарева М.А. Власть и сельско-городские сообщества в контексте формирования условий для развития постурбанистических поселений в новейшей истории России: к постановке проблемы…….. 41

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Averyanov A.V. The Main Directions of National Policy in Rostov Region in the Second Half of the 1980s: Theoretical and Practical Aspects…… 22
Borodin S.V. Modern Russian Studies in Japan……. 27
Ibragimov A.S. Non-state Sector of Higher Education of the Republic of Dagestan and Features of its Operation at the Turn of XX-XXI Centuries…….. 32
Kurmanseitova A.H. The Formation of Printing Base Cherkes Regional National Publishers (1928-1940)……. 37
Ponomareva M.A. To the Problem of Relationship between the Government and Rural and Urban Communities in the Context of the Conditions Formation for Development of Post-urban Settlements in the Modern History of Russia……. 41

Попенков О.Н. Идеологические аспекты «третьей мировой теории» М. Каддафи и революционные преобразования в Ливии на рубеже 70–80-х годов XX века…….. 47
Юшина С.В. Исторический аспект сирийского кризиса как одного из источников и причин террористической активности в современном мире…… 51

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Евграфова О.В. Парадигма институционализма и постсоветская экономическая теория… 56
Бедрик А.В., Сериков А.В. Риски реализации государственной миграционной политики России на современном этапе……. 60
Жукова И.А. Пути преодоления социально-экологических последствий закрытия угледобывающих предприятий Восточного Донбасса в новых экономических условиях…… 65
Лобунец В.С. Занятость населения шахтерских территорий в постреструктуризационный период на примере города Шахты Ростовской области…. 71
Шевелева А.В. Направления совершенствования эколого-экономической политики предприятий нефтегазового комплекса в России……. 75

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Ватульян А.О., Иваночкин П.Г., Чебаков М.И. Владимиру Ивановичу Колесникову – 75! ……. 81
Извеков С.Г. Генрих Стродс (1925–2012). Очерк жизни и деятельности латышского историка…… 83
Кислицын С.А. Фронтовик, историограф революции М.С. Чигринский…….. 86

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Аствацатурова М.А. *Кислицын С.А., Петрова С.В., Репинская О.В.* Проблемы прикладной геополитики Евразии / под общ. ред. С.А. Кислицына. М., 2016. 416 с. ……. 90
Атаев З.В., Черноус В.В. *Гасанов М.Р*. Каспийский поход Петра I 1722–1723 гг. Махачкала, 2015. 111 с. (лучшая научная книга 2015 года по итогам Всероссийского конкурса)…….. 93
Ахмадов Я.З., Акаев В.Х. *Гумба Г.Д.* Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.) / науч. ред. Т.А. Ачугба. Сухум, 2016. 544 с. …….. 95
Денисов В.В., Крючков А.Б. Великая победа. 70 лет: материалы конференции 6 мая 2015 года / отв. ред. В.В. Денисов. Новороссийск, 2016. 62 с. …… 99
Дзидзоев В.Д. *Халилова Д.Г.* Дагестан в составе России: эволюция государственного устройства и права (1860 г. – нач. XXI в.). Махачкала, 2014. 190 с. …… 101

Popenkov O.N. Ideological Aspects of the "Third World Theory" Gaddafi and Revolutionary Transformation in Libya at the Turn of 70-80-ies of the XX-th Century…… 47
Yushina S.V. Historical Aspect of the Syrian Crisis As One of Sources and Reasons of Terrorist Activity in the Modern World……..... 51

ECONOMIC SCIENCE

Evgraphova O.V. Paradigm of Institutionalism and Post-Soviet Economic Theory…… 56
Bedrik A.V., Serikov A.V. The Risks of Implementation of Russian State Migration Policy at Present Stage……. 60
Zhukova I.A. Ways to Overcome Social and Environmental Consequences of the Eastern Donbass Coal Mining Companies Closure in New Economic Conditions…….. 65
Lobunets V.S. Employment in the Mining Areas in the Post Restructuring Period on the Example of Shakhty in Rostov Region……. 71
Sheveleva A.V. Directions of Improvement of Ecological and Economic Policy of Oil and Gas Companies in Russia…….. 75

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Vatulyan A.O., Ivanochkin P.G., Chebakov M.I. Vladimir Ivanovich Kolesnikov - 75 years old! 81
Izvekov S.G. Henrihs Strods (1925-2012). Feature Article of Life and Activity of the Latvian Historian…….. 83
Kislitsyn S.A. The War Veteran, Historian of the Revolution, M.S. Chygrynskiy…… 86

BOOKS REVIEW

Astvatsaturova M.A. *Kislitsyn S.A., Petrova S.V., Repinskaya O.V.* Problems of Applied Geopolitics of Eurasia. Ed. S.A. Kislitsyn. M., 2016. 416 p. ……. 90
Atayev Z.V., Chernous V.V. *Gasanov M.R.* Caspian campaign of Peter I 1722-1723. Makhachkala, 2015. 111 p. (The best scientific book in 2015 on the basis of National competition)… 93
Akhmadov Y.Z., Akayev V.H. *Gumba G.D.* Nakhs: Issues of Ethno-cultural History (I millennium BC) / scientific ed. T.A. Achugba. Sukhum, 2016. 544 p. ……..... 95
Denisov V.V., Kryuchkov A.B. Great Victory. 70 years: Conference Materials of May 6, 2015. Ed. V.V. Denisov. Novorossiysk, 2016. 62 p. 99
Dzidzoev V.D. *Khalilova D.G*. Dagestan as a Part of Russia: the Evolution of the State System and Right (1860 - the beginning of XXI century). Makhachkala, 2014. 190 p. 101

Ищенко А.С. *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015. 336 с. ……. 104
Мининкова Л.В. *Каштанов С.М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. 472 с. …….. 106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Драч Г.В., Тихонов А.В., Подгорная М.Г. Аристотелевские чтения **(**г. Ростов-на-Дону, 25–28 мая 2016 г.)…… 109

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2016 г. …… 112

Ishchenko A.S. *Tolochko A.P*. Essays on the Initial Russia. Kiev; St. Petersburg, 2015. 336 p. 104
Mininkova L.V. *Kashtanov S.M.* Moscow Tsardom and the West: Historiographical Essays. M., 2015. 472 p. ……... 106

SCIENTIFIC LIFE

Drach G.V., Tikhonov A.V., Podgornaya M.G. Aristotelian Reading (Rostov-on-Don, May 25-28, 2016)……. 109

Index of Materials, Published in the Journal "Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences" in 2016……. 112

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 165.5 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-5-11

СУБЪЕКТ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ: МЕЖДУ ФАКТОМ И ЗАКОНОМЕРНОСТЬЮ

© 2016 г. И.Г. Антипова

SUBJECT OF DECISION: BETWEEN FACT AND LAWS

I.G. Antipova

Антипова Ирина Геннадьевна –
кандидат психологических наук, доцент,
кафедра психологии образования,
Южный федеральный университет,
пр. М. Нагибина, 13, г. Ростов-на-Дону, 344038.
E-mail: antipovakaf@mail.ru

Irina G. Antipova –
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Department of Educational Psychology,
Southern Federal University,
M. Nagibina Ave, 13, Rostov-on-Don, 344038, Russia.
E-mail: antipovakaf@mail.ru

Обсуждаются методологические проблемы принятия решений в науке. Показано, что обращение к субъекту исследования может и должно осуществляться в контексте культуры, которая предоставляет две равные возможности выбора решения. Парадоксальность культуры проявляется как двуединство осложняющего и активизирующего деятельность субъекта факторов. На этой основе обсуждаются вопросы о научном выводе, о научном факте и закономерности.

Ключевые слова: *субъект, культура, парадигма, принятие решения, научные исследования, факт, парадоксальность.*

The article discusses methodological problems of decision-making in science. It is shown that the appeal to the research subject can and should be done in the context of culture, which provides two equal choices, decisions. The paradox of culture manifests itself as the duality complicating and energizing the activity of the subject factors. On this basis, we discuss the scientific conclusion, scientific fact and scientific patterns.

Keywords: *subject, culture, paradigm, decision-making, research, facts, the paradox.*

Проблемы принятия решения обсуждаются в различных практиках в связи с попытками построить рациональные объяснительные схемы, которые включали бы возможность расчета эффективности и создания алгоритмов принятия решений (ПР). Эти алгоритмизированные схемы применимы в тех условиях, в которых известны исходные параметры, средства, ресурсы для решения задач. Проблема состоит в том, что в условиях нелинейного изменения системы принятые схемы становятся неэффективными и уточняются по ходу ПР. За этими проблемами стоят вопросы эпистемологической и культурно-психологической характеристики субъекта ПР, на которого возлагают различные функции, активность которого рассчитывают в зависимости от подхода к проблеме субъектности. Обычно признаётся, что субъект отвечает за активное выстраивание готовых программ с учётом конкретных условий познания, а ПР становится выбором готовой программы. Но нельзя отрицать и того, что деятельность субъекта науки сопряжена с возможностью изменения исходных оснований, критериев и параметров, вплоть до проблем экзистенциального выбора, когда субъект не может опираться на системы готовых критериев. В этом случае он способен выходить за границы имеющихся параметров, задач и предлагать свои собственные основания исследования.

Такого рода вопросы затрагивают коренные проблемы научного творчества, характерные для XX в. и проявляющиеся в дискуссиях о критериях и основаниях научного знания. В проблематизациях постпозитивизма доказывается, что предмет, проблема конструируются исследователем на основании используемых методологических средств. Объекты

различаются, категоризуются, оцениваются на основе создаваемой теоретической конструкции, а факт представляет собой не что иное, как продукт ПР. Хотя, надо признать, что ещё И. Кант высказывался о том, что картина реальности конструируется, строится опосредствованно, что допускает мысль о смысловой опосредованности. В этой связи субъект познания предстает различно: то как активный исполнитель предписанных форм, то как субъект ПР о смене исходных его оснований на основе других, более высоких критериев, находящихся вне системы, как свободный субъект, недоступный научному изучению, но подчиняющийся предписанию нравственности, истины, которые не только не обоснованы, но и не редуцируются к эмпирической реальности.

Такие трудности описания параметров ПР, которые восходят к проблемам субъекта, решаются в реальных практиках лишь ограничением своих задач. Одни исследователи решают вопросы ПР в конкретной деятельности, в которой эффективность рассчитывается по исходным потребностям, удовлетворяемым деятельностью, все прочее игнорируется. Другие обсуждают лишь вопросы, связанные со свободным выбором, вопросы оценки адаптивности и эффективности игнорируют как несущественные. Для каждого есть релевантные вопросы и граничащее пространство абсурда, некорректных постановок вопроса. То обстоятельство, что человек как субъект ПР обладает целостностью, распространяющейся и на экзистенциальные вопросы, а экзистенциальный выбор может руководствоваться вопросами адаптации, объясняет имеющиеся попытки различить уровни субъектности (высокий, нравственный, свободный, технический, вещественный, адаптивный). Такого рода «гетерономный синтез» позволяет восстановить целостность субъекта и в то же время обнажает неэксплицированность культурологического подхода, на котором строятся исследования. Культурно-психологический подход, на наш взгляд, наиболее адекватен для изучения проблемы и позволяет эксплицировать культурные основания системы ПР в науке. Такая постановка вопроса непривычна и запутывает, на первый взгляд, классическую схему исследования, в которой субъект ставит перед собой, изучает объект, а не себя, но этот ход и открывает реальность культуры, парадоксальность устройства культуры, не её поверхностный глянец, а условно говоря, «машинерию» культуры. Это может послужить предпочтению такого подхода к культуре, который мог бы применяться и в качестве методологического основания к исследованиям в науке (раскрывал исследовательские шаги как культурные акты и деятельность ученого в контексте культуры).

Проблему включённости субъекта в науку, трансформировавшей постановку философских, методологических вопросов научного исследования, специально рассматривал К. Поппер [1]. Он старался осмыслить проблемы науки через включение критического подхода, в котором проблема субъекта не раскрывается (постоянную критику осуществляет субъект по своим умственным возможностям, изощренности, смелости, но субъект не трансформирует структуру исследования). У Т. Куна научное сообщество [2], ограничивающее (не допускающее) отклонение гипотез в условиях получения факта, противоречащего гипотезе, становится субъектом науки (акцентируем, не исследователь, а сообщество, и это связано с социологической трактовкой парадигмы, за которую философ и подвергся критике). Гуманистический подход П. Фейерабенда уравнял как разные точки зрения [3], теории, так и разных субъектов. Раскрывая вопросы субъектности ученого одни исследователи развенчали роль субъекта в науке, начиная широкие дискуссии (Р. Герох [4]), другие – показали не только наличие субъективности ученого, но и возможность исследования именно на основе субъективного знания, неявных компонентов научного знания (М. Полани [5]). Эти вопросы разъяснил В. С. Стёпин, концептуально признав наличие субъекта в исследовании, в описании факта, объекта, осуществляемое через трансформацию парадигмы [6]. В неклассической науке в научное описание объекта включается используемый метод. В постнеклассической науке приходится признавать наличие субъекта с мировоззрением, аксиологией, неявным знанием.

Следующим шагом может быть включение в науку проблемы человека как субъекта, поскольку собственная субъектность для человека неочевидна, а часто становится то задачей, то трудностью. Это было бы включением культурного субъекта в науку, а правильнее это можно было бы представить как включение науки в культуру. Но не как постулат, а как возможность изучения реальных проблем науки. Исследование В. С. Степиным проблем культуры и цивилизации можно назвать в этом плане неслучайными [7]. Он пишет: «Картина социальной реальности включает представление об этой системе, и в качестве ее составляющих выделяет три основные подсистемы – экономику, социально-политическую подсистему и культуру…» [8, с. 47].

Попытки изучения культурного субъекта в науке должны, по нашему мнению, состоять в том, чтобы проанализировать культурные акты методологического характера. Почему же признание субъекта в науке зачастую еще не включает культуру? Потому

что методолог, изучающий науку, условно говоря, лишь потеснился в универсальности получаемого знания и объективности средств научного исследования, признав субъективность ученого. Свобода ученого освобождает методолога от объяснения большого числа вопросов, изучение которых сопряжено с изучением культурных актов и включением в науку культуры исследователя. Парадоксальность культурного бытия учёного состоит не в том, что одно решение, акт, выбор могут приводить к различным последствиям (в них не наблюдаются ни культурные предпосылки, ни парадоксальность), но в одновременности акта выбора бытийствовать то в одной, то в другой возможности. Исследование проблемы может строиться на подходе, раскрывающем парадоксальность культуры. После легитимации противоречия (Я. Лукасевич) парадоксальным можно назвать лишь попытки выпрямить культуру [9], представляя её как линейное производство культурных форм и практик смыслов. Если классические подходы отличались мировоззренческой ангажированностью, то исследования культуры в XX в. ангажированы политически. Заметнее всего – это ангажированность известных европейских cultural studies, не только не скрывающих своей политической программы, но и апеллирующих к ней. Программа культурных исследований избегает дисциплинарной привязки, разрабатывая теоретические понятия с системой «практических (политических)» компонентов, приближая исследования культуры к политическим реалиям [10, с. 17]. Впрочем, признание такого рода ангажированности не может быть причиной отклонения научного подхода. Если ученый включен в науку вместе со своим мировоззрением, аксиологией, неявным знанием, собранным и построенным на этой аксиологии, можно отбирать приемлемую для науки ангажированность культурологического свойства.

Есть и другие аспекты проблемы: поскольку культуролог не может находиться вне культуры (не по причине своей политической ангажированности и смысловой привязанности к культуре, а по той причине, что культура и предоставляет возможность мыслить, разумно рассуждать, изучать себя), то перспективным в решении будет подход, который предоставляет возможность изучать себя, свои исследовательские шаги в культуре. Этот критерий продвижения в решении проблем не подрывает истину классической науки, которая не только старалась обеспечить человека полнотой смыслов в реальности, но и ставила конкретные проблемы оснащения знаниями техническое производство. Не предполагает такой подход и принятия прагматистской трактовки истины, поскольку изучение себя в культуре обеспечивает возможность осмыслить те вопросы, которые игнорировались в прагматизме (причины, по которой прагматик оценивает проблему как реальную, испытывает желание найти решение, согласен считать решение приемлемым). Исследование культуры возможно лишь в признании её парадоксальности: культура не скрывает своих оснований, ходов, приемов, становится объектом изучения, но получить прочные объективные основания для существования невозможно, если человек не может мыслить себя и управлять собой. Ощущение себя свободным субъектом, находящимся над культурой, иллюзорно.

Предпочтительнее для изучения субъекта подход, который признает противоречивость культуры и предоставляет возможность осмысливать, знать эти парадоксы свободы, производства смыслов, управляющих практик. Этот подход, конечно, не откроет последних истин так, чтобы человек мог полностью управлять собой, смыслами, освоив культуру как предмет, как и того, чтобы полностью слиться со структурой, в которой он вступает в связь с другими, освободиться от возможности мыслить, выпадать за границы смыслов. Те подходы, которые раскрывают противоречия, снимаемые, по Г. Гегелю, в исторической трансформации матрицы культуры, позволяют продуктивно осмыслить культурную историю (Kulturgeschichte), но не раскрывают парадоксальность культуры.

Различая центр и периферию культуры, отдавая приоритет в производстве культурных смыслов центральным текстам, Ю.М. Лотман показал парадоксальную трансформацию значений текстов в условиях изменения культуры [11]. Парадоксальность культуры может быть раскрыта лишь в подходе, допускающем включение исследователя в картину предмета исследования, изучение шагов исследования как культурных актов. В этих случаях открывается возможность постановки вопросов парадоксальности субъекта ПР, изменяющего основания решения. Свобода субъекта предполагает возможность знать и управлять не объектом, а своей смысловой формой, собой, выбирая, оценивая свое основание, но этот субъект все равно находится в границах культуры. Раскрывая свои основания, разрешая человеку управлять собой, основаниями, смыслом, рассуждать, знать о своих основаниях, управлять культурными актами, основаниями, культура этим и удерживает свободного субъекта в своих границах и использует для своих изменений, существования и

производства смыслов. Чем больше человек чувствует себя свободным субъектом, тем больше поддерживает культурную связь с другими объектами, увязая в этой культурной практике.

Вопросы культурных парадоксов свободного субъекта более всего важны для изучения субъекта ПР в науке: допущение ПР в науку, согласие с тем, что факт, объект, реальность существуют не объективно, а становятся в продукте решений ученого объектами исследования, выглядит как уступка релятивизму и конструктивизму. Остается, признав неуниверсальность своих знаний, строить исследования в своем научном сообществе по своему вкусу, но допущение ПР включает в науку и аффирмативный дискурс свободного субъекта, принимающего правильное решение, не обосновывая истинность последнего. Эти парадоксы, как и открывающиеся возможности решения проблем, изучить, на наш взгляд, теоретически трудно по причине неэксплицированности подходов к культуре, лежащих в основании тематизации изменений науки, проблематизации истины. В реальной практике науки конкретными учеными эти парадоксы решаются: ученые принимают решения, оценивают, какие проблемы и проблематизации стоит разрабатывать, а какие можно игнорировать. Хотя неправильно было бы связывать эту свободу в решениях лишь с кризисом науки, с постнеклассической парадигмой, поскольку эти решения принимают все культурные субъекты во всех культурах.

А.А. Пелипенко и И.Г. Яковенко проводят исследование культуры наиболее приближенно к обсуждаемым здесь вопросам. Представляя культуру в широком смысле как бытие человека, как систему смыслополагания, они сосредоточиваются на производстве смыслов как переживании партисипации, присоединения к объекту, заращивающему разрыв, представляющий полагание культурных бинарностей [12, с. 10], предлагают то, что не опровергает предыдущие подходы, не предстает как открытие, трансформирующее парадигму, опрокидывающее все основы, но конкретно раскрывает вопросы парадоксальности субъекта, в том числе субъекта ПР в науке. Полагание бинарностей культуры есть в то же время заращивание этого бинарного разрыва, заращивание как производство смыслов. Эта одновременность может оцениваться как признак парадоксальности культуры, а изучение различных, доступных для описания признаков парадоксальности, возможно лишь в истории культуры. Парадоксальность культуры и есть причина, ход и продукт свободной субъектности человека. Это прямо выводит на проблемы субъектного ПР в науке, парадоксальность которого состоит в том, что научный субъект обладает критериями, основаниями для ПР и одновременно изменяет эти основания.

«Говоря “решение”, мы понимаем под этим либо процесс выбора одного или нескольких вариантов действий из множества возможных, либо результат выбора определенного варианта. И в том, и в другом случае решение – это выбор альтернативы» [13, с. 85]. «Теория принятия решений представляет собой совокупность математических численных методов, направленных на нахождение наилучшего из множества вариантов и, по возможности, позволяющих избежать их полного перебора» [14, с. 94]. Почти во всех подходах к ПР присутствуют исходные основания, правила, по которым субъект, опираясь на эти основания, оценивает условия, принимает решения, в тех случаях, когда субъект изменяет исходные критерии, желания, говорят об изменениях объективных условий, адекватно которым субъект принимает решение изменить исходные основания [15].

Парадоксом могло бы выглядеть наличие у свободного субъекта объективных, несомненных оснований. То в исходных критериях, желаниях, параметрах деятельности, то в изменении условий, контекста, но этот парадокс еще надо отчетливо сформулировать, чтобы поставить как проблему, которую можно разрабатывать. Парадоксальностью ПР в науке можно признать одновременность двух (бинарных) возможностей. Ученый конструирует исходные основания деятельности, поскольку путь к истине двойствен: то через прорыв за границы старой парадигмы к исследовательской системе, которая еще не обоснована, то через обоснованные строгие процедуры получения знания, которые можно найти лишь в старой парадигме. Этот выбор (ПР, восходящее к ответственному экзистенциальному решению) осуществляется, как полагается, по объективным основаниям. Если ученый видит, что научное сообщество не готово к прорыву, то решает пока не осуществлять рискованных исследований, толкуя истину как объективное, строго обоснованное знание. Если ученый готов пойти против старого привычного способа осуществлять исследование (мыслить в старой парадигме), то толкует истину как реальность, которая налична вне старых форм, попытки прорваться к которой и представляют содержание научной деятельности. Исходные основания ученый конструирует, и это можно назвать принятием решения, которое осуществляется то сразу, в акте этого толкования, то через постановку и решение проблемы толкования правил, критериев.

У каждого человека есть две равные (бинарно) возможности толкования истины, но выбор может

задаваться наличием оппонента и предпочтений, склонностей. Парадоксальность и открытость субъекта в том, что и оппонент, и объективные условия, контекст конструируются субъектом, а свои склонности могут то оцениваться, учитываться и использоваться, то игнорироваться. Парадоксальность ПР в культуре не ограничивается тем, что человек конструирует исходные критерии, толкования правил по контексту, который конструирует, а контекст видит и оценивает в зависимости от своих критериев, желаний, толкований. Парадоксальность культуры в том, что, хотя нет единственного решения, которое бы не проблематизировалось другим, непременно найдется то решение, которое будет для человека как субъекта познания очевидным и объективным. Есть две одновременно равные возможности в культуре, и ученый осуществляет культурный выбор между лишь двумя возможностями, а не большим числом средств.

Можно считать истину неосуществимой в практике, а можно признавать истиной лишь обоснование через реальность, можно признавать реальностью лишь осмысливаемые сущности, а вещи называть лишь слабым отпечатком, можно вещи называть реальностью, а мысль оценивать лишь как попытки человека обустроиться в качестве субъекта. Те проблемы, которые продуктивно обсуждали философы в истории, были, становятся, есть конкретные способы существования культуры. Если человек замечает парадоксальность равенства двух возможностей толковать, строить свои исходные основания, то становится в место разрыва этих двух возможностей, которые предстают в качестве предмета. И это место, в котором человек может переживать невозможность смысла, абсурд, есть наличие в культуре другого, для которого культура подберет оппонента, в диалоге с которым и происходит производство артефактов.

Признавая, что парадоксальность культуры не тупик, а условие продуктивного производства смыслов, в котором свободный субъект то конструирует, то профанирует, то игнорирует, то изучает, то осуществляет, то использует свои смыслы, можно приступить к изучению субъекта ПР о факте и закономерности в науке. Эти решения можно назвать наиболее важными в науке, которая описывает факты и приводит причинные объяснения в реконструкции закономерностей. ПР о факте ставит ученого перед двумя различными возможностями: признать факт, конструирование которого основано на базисных допущениях, постараться уточнить, усомнившись в этих допущениях, связать факт с реальностью, а контроль угроз валидности видеть в раскрытии других объективных закономерностей, связывать факт со способами видеть, своими конструкциями, тогда контроль угроз валидности предполагает осмысливание других ходов мысли. По А.А. Пелипенко, культура начинается с провалов, разрывов природной континуальности существования; то, что было слито и осуществлялось как континуум природной заданности, у человека стало бинарным разрывом. Аналогично в науке ученый то видит вещь и обсуждает закономерности, ставя задачи открыть побольше объективных научных фактов, то видит это как продукт своего конструирования, ставя задачи увязать различные части конструкций, найти когеренции.

ПР о факте строится на различных основаниях, выбор между двумя возможностями опирается то на оппонента, но на контекст, то на привычные формы, которые, не подвергаясь сомнению, были сконструированы ранее. Если факт не согласуется со старой парадигмой, то может игнорироваться, а может оцениваться как неприемлемый разрушающий ход мысли, способ вопрошания. Если ученый готов сомневаться в старой парадигме, то непроверенный, необоснованный факт готов признать как реальность, не обсуждая того, что этот факт не только открывает истории науки неизвестные ранее проблемы, но и будет перетолковываться наукой. То ученый апеллирует к факту в борьбе против старой парадигмы, то апеллирует к другому толкованию факта. То ученый старается найти другие факты, то старается расширить толкования. ПР о закономерности представляет собой содержательное разъяснение факта описываемой зависимости. Зависимость как наблюдаемый, экспериментально изученный факт подлежит истолкованию. Для этого факт подводится под готовые известные закономерности (номологический подход) или выстраиваются другие закономерности, началом изучения которых стали попытки растолковать полученный факт [16].

Причинные объяснения и оценивание фактов зависимостей осуществляются в двух возможностях: можно признать причинную закономерность каузальной, а можно выбрать имманентную, структурную закономерность. Можно признать закономерность ограниченной (в отличие от закона), а можно предполагать, что условия проверки могут скрывать закономерность как зависимость от наблюдателя. Для критической проверки можно стараться найти другие закономерности, а можно ставить задачи раскрытия других толкований зависимостей. Это связано с тем, что именно ученый признает как истину,

науку, продвижение в науке, объективность, доказательство. Проблемы, которые признаются решенными в науке, становятся средствами и потому не могут включать двух возможностей ПР и производства артефактов культуры.

Проблемы кризиса науки можно представить как практики реальной науки: есть возможность через ограничение универсальности знания обеспечить объективность на основе допущений системы правил, критериев, корректных приемов, которая принимается в конкретном научном сообществе, но можно через непризнание легитимности постнеклассической науки говорить о том, что лишь на основании классических категорий субъекта, объекта, реальности можно рассуждать о науке, научных фактах и объективном знании. И то, и другое будет возможным культурным актом субъекта в науке, но надо учесть, что обе возможности осуществляются как двумя разными оппонентами, так и одним ученым как субъектом в культуре. Так, решая конкретные вопросы, реалист может мыслить конструктивистски, а конструктивист – объективистски, апеллируя к контексту и адекватности конструкций условиям коммуникации. Теоретически, методологически спор двух точек зрения решать невозможно, а честный мыслитель прямо признает ограничения своего подхода. Но это ограничение и есть возможность диалога с другим, составляющая культурное производство, которое может быть основой изучения субъекта принятия решений.

Литература

1. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избр. работы: пер. с англ. М., 1983. 608 с.

2. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003. 605 с.

3. *Фейерабенд П.К.* Избранные труды и методологии науки / пер. с англ. и нем. А.Л. Никифорова. М., 2007. 413 с.

4. *Geroch R.* Perspectives in computalion. Chikago, 2009.

5. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовского. М., 1985.

6. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. 743 с.

7. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. М., 2012. 409 с.

8. *Степин В.С.* Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В.А. Лекторский. М., 2009. 368 с.

9. *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики : пер. с англ. М., 2000.

10. *Куренной В.А.* Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. 2012. № 1. С. 15–85.

11. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. 447 с.

12. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998. 376 с.

13. *Костикова А.В.* Исторические аспекты развития теории принятия решений // Философия науки. 2010. № 4. С. 85–98.

14. *Кузьмина Л.П.* Развитие теории принятия решений // Вестн. КГЭУ. 2009. № 2. С. 51–55.

15. *Диев В.С.* Риск: оценка и принятие решений // Философия науки. 2010. № 4 (47). С. 15–32.

16. *Воробьев Н.Н.* Развитие теории игр (от редактора перевода) // Нейман Дж., фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970. 708 с.

References

1. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and Growth of Scientific Knowledge]. Sel. Works. Tr. from Engl. Moscow, 1983, 608 p.

2. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, 2003, 605 p.

3. Feierabend P.K. *Izbrannye trudy i metodologii nauki* [Selected Works and Methodology of Science]. Tr. from Engl. and Germ. A.L. Nikiforov. Moscow, 2007, 413 p.

4. Geroch R. *Perspectives in Computalion*. Chikago, 2009.

5. Polani M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal Knowledge. On the Way to the Post-critical Philosophy]. Tr. from Engl. M.B. Gnedovsky. Moscow, 1985.

6. Stepin V.S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, 2000, 743 p.

7. Stepin V.S. *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. Moscow, 2012, 409 p.

8. Stepin V.S. [Constructivism and Problem of Scientific Ontology]. *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist Approach to Epistemology and Human Sciences]. Ch. ed. V.A. Lektorsky. Moscow, 2009, 368 p.

9. Lukasevich Ya. *Aristotelevskaya sillogistika s tochki zreniya sovremennoi formal'noi logiki* [Aristotelian Syllogistics from the Standpoint of Modern Formal Logic]. Tr. from Engl. Moscow, 2000.

10. Kurennoi V.A. Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnykh issledovanii [Research and Political Program of Cultural Studies]. *Logos.* 2012, no. 1, pp. 15-85.

11. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow, 1996, 447 p.

12. Pelipenko A.A., Yakovenko I.G. *Kul'tura kak sistema* [Culture as a System]. Moscow, 1998, 376 p.

13. Kostikova A.V. Istoricheskie aspekty razvitiya teorii prinyatiya reshenii [Historical Aspects of the Decision-making Theory Development]. *Filosofiya nauki.* 2010, no. 4, pp. 85-98.

14. Kuz'mina L.P. Razvitie teorii prinyatiya reshenii [Development of Decision-making Theory]. *Vestn. KGEU*, 2009, no. 2, pp. 51-55.

15. Diev V.S. Risk: otsenka i prinyatie reshenii [Risk: Assessment and Decision-making]. *Filosofiya nauki*. 2010, no. 4 (47), pp. 15-32.

16. Vorob'ev N.N. [The Development of the Theory of Games (from the translation editor)]. Neiman Dzh., fon, Morgenshtern O. *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie* [Theory of Games and Economic Behavior]. Moscow, 1970, 708 p.

Поступила в редакцию / Received ***4 ноября 2016 г. / November 4, 2016***

УДК 130.121; 101.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-12-16

САМООПИСАНИЕ СОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

© 2016 г. А.В. Моисеев

THE SELF-DESCRIPTION AND PROBLEM OF SELF-DETERMINATION OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY

A.V. Moiseev

Моисеев Андрей Викторович –
кандидат философских наук,
г. Ростов-на-Дону.
E-mail: andrey-moiseevF@yandex.ru

Andrey V. Moiseev –
Candidate of Philosophy,
Rostov-on-Don.
E-mail: andrey-moiseevF@yandex.ru

Рассматриваются связь самоопределения стратегии современного философского мышления и проблемы самоописания структур опыта сознания. Отмечается, что выдвинутые в различных онтологических проектах XX в. тезисы о сущности методов самоутверждения сознания и культуры в целом остаются в поле предложенной еще Гегелем характеристики «абсолютного знания» как формы самовыражения субъекта. На примере взглядов Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Р. Барта, Ж. Делёза и других аргументируется тезис о том, что для самообоснования постклассической философии краеугольной является задача обнаружения такой формы выражения, которая будет абсолютно исчерпывать горизонт возможных значений устанавливаемой реальности, т. е. аннулировать дистанцию между «сказуемым» и «подлежащим».

Ключевые слова: *опыт сознания, классическая и неклассическая философия, самосознание, самоутверждение, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Ж. Делёз, Р. Барт.*

The article considers the relationship of self-determination strategies for contemporary philosophical thinking and problems of self-description of structures of the experience of consciousness. It is noted that extended in different ontological projects of the twentieth century theses about the nature of the methods of self-affirmation of consciousness and culture in general remain in the field proposed by Hegel characteristics of "absolute knowledge" as a form of expression of the subject. For example, the views of E. Husserl, M. Heidegger, J.-P. Sartre, R. Barth, G. Deleuze and others argued the thesis that the self-justification of post-classical philosophy is the cornerstone of the problem of detecting such form of expression, which will absolutely exhaust the horizon of possible values established reality, that is to cancel the distance between "predicate" and "subject".

Keywords: *experience of consciousness, classical and non-classical philosophy, identity, self-assertion, E. Husserl, M. Heidegger, J.-P. Sartre, G. Deleuze, R. Barth.*

Если современная философия и может сказать нечто истинное о той действительности человека, общества, культуры и самой истории, которая сегодня вызывает болезненное переживание со стороны части общества, проблематизирующей собственную смыслосимволическую идентичность, и образует фокус схождения оценок прошлого и прогнозирования будущего, то это должно быть слово прежде всего о том, как эта самая драматичная ситуация родилась из отношения сознания к собственному предмету. Данное отношение так или иначе выступает основанием самоутверждения акта означивания и сказывания как такового. Философия не может в принципе заниматься конструированием неких целебных «моделей» или образов желательного устройства социума. Различные *измышления* на сей счет могут только пагубно отразиться на том еще тлеющем потенциале традиционного исторически и по инерции присутствующего остатка форм и правил существования публичного пространства, языка, каких-то ценностей и смыслов, в лоне которого пребывает *предмет* исследований подавляющего большинства современных «гуманитарных» дисциплин.

К сожалению, главный миф о некой «общественной» функции философии, сложившийся еще в эпоху модерна (начиная с Просвещения), а именно, что философия *должна* производить на свет такое знание, которое может как-то менять или реконфигурировать универсум человеческого существования, сохраняется в полной мере и в настоящий момент. Подтверждений тому можно найти сколько угодно много, если присмотреться к содержанию

философских дискуссий и программ, которые наполняют публичное институционализированное пространство современных научных центров, образовательных и исследовательских лабораторий. Понятно, что философское творчество протекает не в форме выступлений с трибун всевозможных «конгрессов» и «симпозиумов». Однако сам факт их проведения и акцентуация определенной «повестки дня» говорит именно о том, что и само философское сообщество сегодня соотносит собственную профессиональную идентичность с необходимостью рефлексии, критики и продуцирования тех или иных социально, культурно значимых форм мышления, языковых «игр» и аксиологически окрашенных норм жизнеустройства. И та критика философии, которая все чаще раздается со стороны сциентизированных «обществоведческих» дисциплин, невольно обязана своим мощным энергетическим импульсом, питаемым «злобой дня» и предчувствием будущего, именно самой же философии, переодевшейся еще в XIX столетии в одежды греческого жреческого сословия. «Подлинный декаданс» [1, с. 9] философской мысли, как заметил С.Л. Франк, есть следствие прямого действия того чувства свободы и простора творчества, который наполнил собой новейшее время как определенную эпоху сознания.

В этом новом облачении извлеченное старанием рефлексии из классической философии желание знать *сущность* и *истину* инициировало для самосознающего субъекта роль *строителя* некой реальности – реальности человека мыслящего и свободного в своем труде и творчестве, прошедшего длительный исторический путь становления собственного самосознания, нравственности, законосообразной всеобщности (различных формализованных структур, права и политического языка, публичной коммуникации) и, наконец, самой философии. Оставаясь в пределах такой самоинтерпретации, философия, что вполне ожидаемо (было бы даже удивительно, если бы это было не так), не может предоставить ответы на вопросы, задаваемые обществом, вообще любым субъектом сказывания и действования. Вопросы, связанные с установлением норм и определением границ *посткризисного* мышления как того общего «эфира» жизни масс людей, который якобы должен наступить в конце концов по итогам разрешения проблем и противоречий современности.

Существующие сегодня проекты философского (трансцендентального в первую очередь) преодоления онтологического нигилизма, спроецированного в том числе и на социально-историческую действительность, обязанные своим появлением на свет феноменологической, структуралистской и конструктивистской интерпретации еще классической философии, не могут предложить принципиально иные парадигмальные основания раскрытия аффирмативной жизни сознания. Те, которые бы выходили за рамки критического дискурса в адрес традиции и исходной установки философского опыта сознания – обнаружения в самом потоке сознания способа референции собственной формы, дабы сознание могло само себя «считывать» во внешней реальности и, следовательно, определять себя как свободно существующее единство означаемого и означающего. «Язык», «знак» или «методология науки» не могут собой исчерпывать предмет философского мышления.

Что дал для философии и ее самоопределения XX в. в её многовековой истории? Что такого фундаментального и действительно нового, кроме критики классической формы самосознания, объемлющей различные вариации духовного стержня антропологического опыта в его европейском образе, а также кроме критики самой современности как сложной и драматичной ситуации самого человека, общественных институций, множащихся форм и видов знания и пр. При этом и критика классики, и стремление разоружить современность сами по себе вполне могут казаться справедливыми и даже – по отношению к «обществу потребления» – необходимыми. Но ни первая, ни вторая стезя современной философски именующей себя мысли не открыли ни одного действительно нового *способа бытия сознания в мире*, способа присутствия реальности, иной по отношению к наличной эмпирической стихии, в том числе человеческого существования. Бессознательное, языковые «грамматики», знаки и символы, время и другие мегаструктуры опыта стали теми лазейками мысли, с помощью которых при общем скепсисе по отношению к традиционной метафизике и риторике пытались реактуализировать те или иные грани уже известного культурного массива.

В конечном счете если внимательно присмотреться к замыслу той же феноменологии (особенно в ее классическом варианте у Э. Гуссерля, интерпретации П. Рикёра, Г. Башляра, а также в развитии феноменологической школы искусствознания), структурализма или герменевтики, философии жизни или экзистенциализма (например, у Ж.-П. Сартра), то становится вполне очевидным одно единственное стремление, которое объединяет различные направления неклассической философии в общее русло. Стремление отыскать такой предмет вопрошания, сталкиваясь с которым философия обязана будет

лишь *собственным акциям именования* в деле утверждения некоего предмета, обладающего в себе *истинностью* и определенностью, конструирования смыслового поля, самоутверждения сознания.

Глобальный тренд современной культуры, связанный с развитием практики именно философского ищущего мышления, – это формирование некоего *метанарратива*. Иными словами, суперструктуры *рассказа* о том, как возможна сама философия, как сбывается в тех или других текстах и фиксируется в соответствующих семиотических кодах ситуация мыслящего субъекта, или, как точнее выразился С.Л. Франк, «человека как *субъекта*» [1, с. 23]. При этом самым трудным для понимания и определения становится естественно возникающий условный *источник* такого повествования, или, говоря проще, *рассказчик*. Вряд ли будет корректным по отношению к современной культуре проведение прямой параллели между классической философией как опытом *самосознания* и современной с этой точки зрения в том смысле, что такого указанного нами рассказчика можно было бы вынести за скобки и определить как эпицентр самосознания, как то, что, например, тот же Сартр определял как «присутствующее отсутствие» сознания или опыт «Возможного» [2, с. 134 и др.]. По крайней мере, если не спекулировать на этой теме в контекстах публичных дискурсов, а брать за основу те конкретные результаты развития той же феноменологии или экзистенциализма. Были ли они успешными с точки зрения реализации собственного внутреннего замысла? Можно ли говорить о наличии целостного портрета такого повествующего субъекта, который как некий *предел* сказывания и процедур означивания сам будет выступать абсолютным тождеством формы и содержания?

Вспомним, как тот же Гуссерль трактовал свою главную задачу в «Феноменологии внутреннего сознания времени» и в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» – поиск такой формы феноменологического знания, в которой все содержимое знания абсолютно исчерпывалось бы самим актом чистого εποχή. То есть для Гуссерля главной проблемой оставался не сам по себе анализ опыта сознания, а возможность выявления, установления и *описания науки* о таком опыте [3, 4]. Поэтому вполне понятными становятся те линии развития феноменологического онто-гносеологического проекта философии XX в., которые мы считываем у П. Рикёра и М. Хайдеггера. Чем стала в итоге такая наука? Рассказом или «рассказанным временем» (как *событием* актуально текущего в *настоящем* модусе времени опыта сознания, фиксируемым в понятии «ко-референция» [5]) у Рикёра и попыткой создания «фундаментальной онтологии» как опыта повествования о *присутствующем* Dasein у Хайдеггера. По мнению Рикёра, такая «наука» вполне может сама себя рассказывать или автореферировать. Приводя в качестве примера такого «абсолютного» знания литературный текст, Рикёр пишет: «Всякая референция есть ко-референция, диалогическая (или совершаемая в диалоге) референция. Нет надобности делать выбор между эстетикой восприятия и онтологией произведения искусства. То, что получает читатель, – это не только смысл произведения, но и осуществляемая через посредство смысла его референция, то есть опыт, который референция вносит в язык, и, в конечном счете, мир и его временность, которые она разворачивает перед собой» [5, с. 96].

Кстати, критика гуссерлевского проекта, которая содержится в «Пролегоменах к истории понятия времени» Хайдеггера, бьет именно по этому ключевому вопросу – невозможности, как полагает автор «Бытия и времени», исчерпывающего решения проблемы самоочевидности феноменологического знания как «чистой науки» по отношению к опыту сознания. Как пишет Хайдеггер, характеризуя данное положение гуссерлевской феноменологии, «сознание в смысле абсолютного означает преимущество субъективности перед всякой объективностью. Это третье определение – абсолютное бытие – опять же не определяет само сущее в его бытии, но фиксирует положение сознания в иерархии конституирования и приписывает ему формальную конститутивную первичность по отношению к объективному» [6, с. 113]. Как известно, с критикой гуссерлевского проекта выступил и Н. Гартман, указавший на иллюзорность «гносеологической близости» как основания имманентности предмета сознания и его самоконституирования [7, с. 546–547]. Понятно и то, что такая специфическая форма научности чрезвычайно далека от позитивистски определяемого знания. Гораздо ближе к образу «абсолютного знания», который стал предметом гегелевского философского проекта, а также к тем его рецепциям, которые составили основание развития интуитивизма (в том числе русского философского интуитивизма в работах Н. О. Лосского, С. Л. Франка, И. А. Ильина, Е. Н. Трубецкого и др.), и критики в его рамках сциентизма и трансцендентализма.

Так же с этой точки зрения дистанция между «чистой наукой» Гуссерля и «наукой о литературе» Р Барта не так уж и велика. Критика «старого» философского языка привела к необходимости закрепления новых формальных структур сказывания, не позволяющих субъекту монополизировать право на

время, на тождество и на смысл. Замысел «науки о литературе», как и различение «текста» и «произведения» [8, с. 415–420], Барта тем и любопытен, что в нем еще более явным становится стремление обнаружения такого возможного опыта Бытия, обнаружение которого одновременно является методом его развертывания и самонаполнения. То есть такого опыта, который всегда бы выступал только в единственном числе как собственное сказуемое, но никогда как подлежащее сказывания.

Кроме того, это общее стремление говорит о том, что само деление истории философии на «классическую» и «неклассическую» вовсе не является некой априорной истиной, данной раз и навсегда как какая-то готовая абсолютная «формула», выступающая нулевой точкой в исследовании западной философской формы самосознания культуры. Как минимум здесь следует внести существенные коррективы. В частности, общеизвестная трактовка классической философии как особого рода субстанционалистского знания, ориентирующегося на рациональные формы познания бытия и овладения истиной, ценностями и культурными идеалами и соответственно неклассической как выбирающей иной – внерациональный путь осмысления человека и универсума и толкующей сами субъективные формы опыта как источники горизонта жизни и познания, вряд ли сегодня может удовлетворять главному требованию времени. А именно: требованию современной эпохи сознания человека выявить собственный *предел*. Который позволит, наконец, выйти из тупиковой ситуации мышления и самой же философии в деле выбора качественно новой стратегии. При этом сразу подчеркнем, что все или почти все ссылки на так называемый «постмодернистский» скепсис и нигилистически окрашенный плюрализм «сознаний» и «точек зрения» как на конечную инстанцию, держащую ответ за невозможность определения такой новой стратегии мышления, самосознания, в действительности просто не работают. По одной простой причине: постмодернистские «проекты», представленные в первую очередь во французской философии XX в. (начиная, как минимум, с Ж. Батая и «гегельянцев» А. Кожева, Ж. Ипполита, Ж. Валя и других и завершая работой на «полях метафизики» Ж. Деррида), вовсе не отвергали сам исходный для всякого духовного формообразования импульс самоутверждения; поиск велся в направлении сыска новых имен и новых «правил» такого самоутверждения. Более того, внутри именно самой что ни на есть постмодернистской философии – в работах Ж. Делёза и Ф. Гваттари – открывается очень любопытный доступ к сердцевине зрелой *классической* формы культуры, связанной с *барочностью* мышления и культурного творчества. Так, как, например, Ж. Делёз определяет «инфлексию», точку сгиба барочной формы или ризоматической структуры вообще, говорит именно о том, что реальность определенного культурного опыта (опыта самостановления художественной формы в барокко) есть процесс автореференциального выражения: «инфлексия является чистым *Событием линии или точки, Виртуальным, идеальностью по преимуществу*. Когда-нибудь она попадет на оси координат, но пока она находится вне мира; она сама – мир или начало мира…» [9, с. 28]. Концепт «ризома» в философии Делёза удивительно близок по своему смыслу и значению с употребляемым Бартом понятием «стемма» (греч. στεμματος) [8, с. 251]. Общее в них как раз то, что определяет опыт самовыражения любой предметности и составляет как таковое основание духовного формообразования в культуре.

Вопрос об отношении сознания к действительности как критериальное лоно оценки современности есть в той же мере вопрос об отношении к ней философии. Потому что только на уровне охвата целого это сознание получало возможность удостоверения самого себя, различения собственной активной деятельности по отношению к тому «материалу», который ей предоставлял прошлый исторический опыт в виде наличной действительности. Допустить безоговорочное отождествление между носителем сознания классической эпохи и субъектом, предъявляющим к философии требования и ожидания сегодня, связанные с аналогичным установлением истины, принципиально нельзя. «Текст» или «опыт сознания», как бы они не определялись в феноменологии или постмодернизме, так и не привели к «*письму*» вновь открываемого в новейшее время «миру» человека и культуры. До сегодняшнего момента философия еще не достигла «дна» собственного определения. Вместе с тем полученные в основных философских проектах новейшего времени результаты в исследовании процесса конституирования форм духовного опыта (языка, временных структур, роли знака и самовыражения смысла) помогают лучше понять процессы самоутверждения сознания именно в классической культуре.

Литература

1. *Франк С.Л.* Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. М., 1917. 253 с.

2. *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., прим. В. И. Колядко. М., 2000. 639 с.

3. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. М., 2009. 489 с.

4. *Гуссерль Э.* Феноменология внутреннего сознания времени // Собр. соч. : в 4 т. Т. 1 / пер. с нем., составл., вступ. ст., общ. ред. В. И. Молчанова. М., 1994. 162 с.

5. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. 313 с.

6. *Хайдеггер М.* Пролегомены к истории понятия времени. Томск, 1998. 384 с.

7. *Гартман Н.* К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю. В. Медведева; под ред. Д. В. Сютяднева. СПб., 2003. 640 с.

8. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1989. 616 с.

9. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко / общ. ред. и послесл. В. А. Подороги; пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 1997. 264 с.

References

1. Frank S.L. *Dusha cheloveka. Opyt vvedeniya v filosofskuyu psikhologiyu* [Human Soul. The Experience of Philosophical Psychology Introduction]. Moscow, 1917, 253 p.

2. Sartr Zh.-P. *Bytie i nichto: opyt fenomenologicheskoi ontologii* [Being and Nothingness: Experience of Phenomenological Ontology]. Tr. from Fr., intr., con. V.I. Kolyadko. Moscow, 2000, 639 p.

3. Gusserl' E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas to Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy]. Coll. Vol. 1. Tr. from Germ. A.V. Mikhailov; intr. art. V.A. Kurennoy. Moscow, 2009, 489 p.

4. Gusserl' E. *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [The Phenomenology of Inner Time Consciousness]. Coll. Works. Vol. 1. Tr. from Germ., coll., intr. art.,ed. V.I. Molchanov. Moscow, 1994, 162 p.

5. Riker P. *Vremya i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskii rasskaz* [Time and Narration. Vol. 1: The Intrigue and Historical Story]. Moscow; Saint Petersburg, 1998, 313 p.

6. Khaidegger M. *Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni* [Prolegomena to the History of the Time Concept]. Tomsk, 1998, 384 p.

7. Gartman N. *K osnovopolozheniyu ontologii* [To Fundamental Principle of the Ontology]. Tr. from Germ. Yu.V. Medvedev; ed. D.V. Syutyadnev. Saint Petersburg, 2003, 640 p.

8. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Tr. from Fr., coll., ed. intr. art. G.K. Kosikov. Moscow, 1989, 616 p.

9. Delez Zh. *Skladka*. *Leibnits i barokko* [Leibniz and the Baroque]. Ed., conc. V.A. Podorogi; tr. from Fr. B.M. Skuratov. Moscow, 1997, 264 p.

Поступила в редакцию / Received ***13 октября 2016 г. / October 13, 2016***

УДК 17.022.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-17-21

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЙ «КОМФОРТ» И «СЧАСТЬЕ»

© 2016 г. Г.Р. Сарикек

METAPHYSICAL FOUNDATION OF CONCEPTS “COMFORT” AND “HAPPINESS”

G.R. Sarikek

Сарикек Галина Рубеновна –
кандидат философских наук,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354348.
E-mail: sarikek@mail.ru

Galina R. Sarikek –
Candidate of Philosophy,
Sochi Institute (Branch)
of the Russian People's Friendship University,
Kuibysheva St., 32, Sochi, 354348, Russia.
E-mail: sarikek@mail.ru

Рассматриваются сущность и философское осмысление понятий «счастье» и «комфорт». Особое внимание акцентируется на выявлении детерминизма между данными дефинициями. Описывается эволюция этико-философских взглядов начиная с Античности и до XIX в. относительно понятия «счастье». В результате анализа социокультурной ситуации XIX в. показано, что благодаря развитию науки и технологий, человек стремится не к достижению счастья, а к комфорту. Предоставлено обоснование того, что стремление к комфорту – ложное счастье.

Ключевые слова: *счастье, добродетель, комфорт, трансцендентное, внутренняя свобода, техника*.

The article is devoted to philosophical reflection on concepts of “happiness” and “comfort”. Particular attention is focused on the identification of determinism between data definitions. It describes the evolution of ethical and philosophical views from antiquity to the XIX century according the concept of “happiness”. Analyzing results of socio-cultural situation of the XIX century, it shows that the development of science and technology causes the achievement of happiness and comfort by the person. The thesis presents the substantiation that the desire of comfort is a false happiness.

Keywords: *happiness, honour, comfort, transcendental, inner freedom, technique*.

Актуальность обращения к сущности понятий «комфорт» и «счастье» обусловлена различием их определения и понимания при всей их, на первый взгляд, синонимичности. Результатом XXI в. является возникновение общества как обособленных и конкурирующих индивидов, которые становятся все более зависимыми от социума. Возникает так называемый кризис личности, приводящий к тому, что человек забывает об индивидуальных потребностях, стремясь подстроиться под «веяния эпохи». Большинство желает сделать свою жизнь комфортной, но никак не счастливой.

В настоящее время существует огромная научная литература (Аристотель, А.Ф. Лосев, В.Ф. Асмус, Х.А. Ливрага, Д.Г. Афонин и М.В. Рагульская, Э. Гидденс, В. Кувалдин, В.В. Миронов, Л.Е. Гринин, В.Ж. Келле, И.С. Хорин и др.), посвященная метафизическим основаниям понятий «счастье» и «комфорт», а также анализу современного общества. Работы вышеперечисленных ученых легли в основу нашего исследования [1–8].

Его цель – выявление метафизических оснований понятий «счастье» и «комфорт», это связано с разграничением их смысловых особенностей и определения вектора движения в сторону развития либо деградации личности.

В последнее время в науках, изучающих человека, становится все более заметной тенденция влияния среды на состояние организма, психики, определяя собой чувство комфорта и состояния счастья. Философское осмысление человека не могло бы считаться полным без рассмотрения его в системе «человек – мир». Нами «мир» понимается в разрезе социальной сферы жизни человека.

В философском энциклопедическом словаре указано, что «счастье – это состояние полного, высшего удовлетворения, абсолютного отсутствия желаний, идеал, осуществить который стремятся путем разумного и совместного действия, высшее из возможных в мире и являющееся конечной целью наших стремлений физическое благо, при объективном условии согласия человека с законами нравственности» [9,

с. 446]. При всей очевидности данного понятия полное логическое определение дать невозможно, так как оно необъяснимо и неуловимо, а данная категория связана со всеми сферами человеческой жизни.

Счастье как моральное понятие следует отнести к глубинным сторонам человеческого существования, к самой его природе. Отметим, что интерес к этико-философской традиции, основанной на мифологическом и религиозном мировоззрениях, вызван устойчивостью и популярностью идей и учений, оказавших существенное влияние на мыслителей многих поколений. Известно, что для древнегреческой философии характерно существование человека в системе определенных паритетных отношений «Космос – человек». Невозможно представить себе древнего грека, который бы не был пропитан идеей своей причастности к Универсуму, осознанием себя как проявления Мировой Души. Для раннегреческой литературы характерно рассмотрение соотношения всеобщего блага и индивидуальной воли, страстей и ума, интересов одного человека и интересов многих, но основной остается нормативная модель поведения. Поэтому античная этика связана с изучением вопроса о добродетелях и добродетельной личности.

Начиная с просветительского учения софистов (V в. до н.э.), связанного непосредственно с человеком, его индивидуальным творчеством, наблюдается релятивизм в отношении понимания категории «счастье». Только с рациональной этики Сократа (469–399 гг. до н.э.) начинается обращение к деятельностному познающему разуму, который должен быть направлен на нравственное самосовершенствование человека. Индивид должен быть не просто деятельным, но разумно деятельным. Сократ впервые указывает на тот факт, что добродетель не должна отрываться от личности и всего многообразия человеческой деятельности, т.е. счастье понимается как смысл человеческого бытия. Таким образом, только нравственный человек может быть счастливым, разумным.

Систематический анализ проблемы соотношения счастья и добродетели проводится в работе «Никомахова этика» Аристотелем (384–322 гг. до н.э.). Философом поставлены и рассмотрены все вопросы, которые стали предметом анализа во всей европейской этико-философской мысли. Именно целесообразная деятельность человека направлена на достижение высшего блага (счастья), как завершенного, самодостаточного и самоценного. Ведь само по себе счастье не может быть средством для достижения цели, оно – всегда сама цель. По этому поводу Аристотель пишет: «все [мы] ради него делаем все остальное, а [такое] начало и причину благ мы полагаем чем-то ценимым и божественным» [1, с. 18].

Философ понятие «счастье» небезосновательно связывает с образом жизни человека. Как известно, Афинское государство являлось политическим образованием, а характерной особенностью полисной демократии было наличие рабов, не обладавших личной свободой в отличие от граждан полиса. Поэтому древние греки считали, что только в рамках полиса можно вести достойную, справедливую, нравственную жизнь. Особенностью гражданина полиса является его свобода, которая выражается в его политических правах, в народных собраниях, в патриотизме. Каждый гражданин обязан дорожить своим полисом и стремиться не только оставить след в его жизни, но и осознавать свою причастность к Универсуму.

Оригинальность Аристотеля в том, что, по его мнению, каждый человек в понятие «счастье» вкладывает свое значение, но неоспоримым остается один единственный факт – счастье выражается во всей полноте жизни, является высшей целью как отдельного человека, так и общим для многих. Только при ударах судьбы, во время «не-счастья», кризисных ситуаций, которые угрожают жизни, человек может осознать всю ценность счастья.

Исследователи в области философии, этики, психологии, как правило, при определении счастья совсем не затрагивают тему несчастья. Как уже было указано, счастье обретается благодаря усилиям, тогда как несчастья приходят вопреки желанию человека. Несчастье трагично, оно состоит в невозможности человека реализовать себя, осуществить свое предназначение. Только пройдя путь, связанный со страданием, огорчением, болью, мучением, человек может испытать духовное пробуждение, а в минуты противоречия «счастье – несчастье» человек способен соприкоснуться с мыслью о том, что значит быть счастливым. Это диалектическое противостояние заставляет не только переосмысливать свой образ жизни, поступки, взгляды, но и дает прочувствовать человеку, что именно он является «просветом бытия», только через него бытие выражает себя. Так и счастье, будучи высшим благом, может выразиться во всей полноте в образе жизни индивида.

Итак, в понимании древних философов, человек есть существо разумное и общественное, но помимо того, что он сам волен выбирать свой путь, он также зависит от превратностей судьбы, по-разному реагируя на ее вызовы. И только в деятельности человек реализует себя, только целесообразность этой деятельности дает ему возможность постигать себя, раскрыть свои возможности.

Нравственное и разумное поведение человека как выражение его добродетельности – путь к счастью.

Таким образом, метафизические основания понятия «счастье» в древнегреческой этико-философской мысли основаны на определении счастья как благоприятной судьбы, удовольствия, блаженства, обладание наивысшими благами, а сочетания различных благ составляет основу счастья для человека, который сам его творит.

Главной особенностью христианства считается мысль о том, что счастье дарит человеку Бог, оно достижимо благодаря посвящению всех своих помыслов Богу, т.е. можно утверждать о счастье как о трансцендентном начале. Истинное счастье могло быть возможным только в небесном царстве, а во время земной жизни человек может достичь его лишь при изменениях в своей душе. Уже в философских взглядах схоластов можно встретить моменты, когда счастье определялось, как и в греческой философии, как обладание наивысшими благами, т.е. удовлетворение не составляет счастья, а само по себе вытекает из счастья. Схоласты считали добро источником счастья, а другие блага признавались изменчивыми и непостоянными. Они считали, что разумная и добродетельная жизнь, вера в Бога, его всеобъемлющую любовь – необходимые условия достижения счастья. Таким образом, человек становится ответственным не только перед собой, но и перед Богом.

Философы Нового времени считали, что счастье есть обладание высшими благами. В XVII в. счастье из объективного понятия превращается в субъективное, оно понимается как чувство удовлетворения. Жизнь считалась счастливой, когда человек был ею доволен независимо от существующих у него благ, следовательно, счастье = удовольствие. Например, И. Кант признавал, что «быть счастливым – необходимое желание каждого разумного конечного существа. Однако потребность в счастье касается лишь «материи» способности желания, а эта «материя» относится к субъективному чувству удовольствия или неудовольствия, лежащему в основе самого желания» [3]. Для XIX в. характерным является наличие разных мнений по поводу определения счастья, но большинство из них сходится на постепенном отождествлении счастья с приятной жизнью, ощущении положительного жизненного баланса, связанного с общей удовлетворенностью. В начале XX в. попытки отделить счастье от удовольствия дали толчок к выделению основных черт, присущих счастью:

– целостность;

– длительность удовлетворения;

– полнота удовлетворения (радость отличается от удовольствия, а счастье – от радости);

– объект одобрения, положительной оценки, а не только чувства.

Каждая их данных характеристик по отдельности не может дать исчерпывающее определение данной дефиниции, поэтому необходим их синтез.

В XIX в. человек уже стремится не к достижению счастья, а к комфортной жизни. Техника окружает человека постоянно, изобретения XVIII–XIX вв. уже становятся неактуальными и никому ненужными. Иногда, созданное человеком, бывает непознанным им же, на этот факт указывают Д.Г. Афонин, М.В. Рагульская: «В современном обществе развитие технологий и изменение быта происходит быстрее, чем человек успевает приспособиться к этим изменением среды своего обитания» [5]. Благодаря развитию науки и технологий, жизнь человека становится все более несчастной. Общение вживую, близкий контакт с собеседником заменяется «виртуальной жизнью». За каждым облегчением своего труда, за всевозможной доступностью, за зависимостью от технологий человек открывает в себе ложное счастье.

Понятие «комфорт» в энциклопедическом словаре определяется как «бытовые удобства: благоустроенность и уют жилищ, общественных учреждений, средств сообщения и т.п.» [10]. Человек становится зависимым от желания иметь, пренебрегая духовной составляющей своей сущности, именно мимолетная иллюзия счастья после приобретения чего-либо делает его рабом желаний и потребностей. Таким образом, комфорт есть одно из отображений глобализации, в свою очередь Э. Гидденс определяет глобализацию как «новое и революционное явление», «образ жизни» [6], при чем «интеллект, знания, технологии становятся важнейшими экономическими активами» [7]. На протяжении своей эволюции человек постоянно стремился к комфорту, к тому, что может сделать его жизнь приятней и легче. Общество постоянно разрастающихся потребностей, «мегаобщество» [7], затуманивает человеческий разум, навязывая тем самым ложные потребности, желания, и с каждым днем все больше убеждая его в том, что данные вещи ему необходимы. Стремление к ложным потребностям убивает в человеке возможность выбора и внутренней свободы. Все больше людей стремится к комфорту, но только немногие могут от него отказаться, даже осознавая ограничения, которые он может привнести в их жизнь. Выходит, что сам «процесс глобализации значительно увеличивает

степень комфортности, позволяющей нам не всегда четко понимать, за счет чего и за счет кого такая комфортность достигается и какие следствия этой комфортности могут превратиться в свою противоположность» [8].

Если понятие комфорта отождествляется с понятием удобства, тогда должно существовать противоположное ему понятие – дискомфорт – условия, которые не обеспечивают состояния внутреннего спокойствия и удобства. Само общество потребления и возрастающих потребностей «вбрасывает» человека в состояние дискомфорта, показывая человеку один единственный выход из данной ситуации – получить то, чего так хочется, используя при этом любые средства. Естественно, моральные нормы отходят на второй план, отдавая первенство удовлетворению земных желаний.

Таким образом, в обществе увеличенных потребностей первенство занимает стремление к комфорту, который в свою очередь разрушает счастье. Основной характеристикой современного человека является постоянное движение к удовлетворению материальных потребностей, когда жизнь становится изнурительным трудом, поглощающим все его свободное время. Постепенно теряется эмоциональная связь с окружающими и близкими людьми, человек превращается в некий элемент глобальной системы, что приводит к обособлению людей, которые теряют интерес к жизни.

Достижение счастья для современного человека уходит на второй план, первое место занимает достижение комфорта, так как человек стремится к производству, к неестественным для него потребностям, что в свою очередь ведет к страданиям. Они сковывают человека, не дают развиваться его индивидуальности в полной мере, он находится в границах, в состоянии «между». Возможность сделать то, что требует его «я», потеряна, вместо того человек занят реализацией интересов, продиктованных обществом. Счастье же состоит в свободе, в индивидуальности, чувстве общности, признании, любви и радости, оно не может довольствоваться симулякрами, для счастья необходимо переживание удовольствия.

Итак, в этико-философской традиции относительно понятия счастья можно выделить основную дихотомию: «объективное-субъективное» с некоторой сменой акцентов в соответствии с ориентирами эпохи. В XIX в. счастье понимается как интенциональное переживание, соединяя в себе объективные и субъективные стороны. Таким образом, метафизическими основаниями счастья на протяжении развития философской мысли считалось достижение как совершенства, так и удовольствия. В свою очередь основаниями комфорта являются удовлетворенные потребности, постоянное движение к достижению цели, зацикленность на материальных благах, некий автоматизм в наших желаниях, которые губительны не только для открытых отношений между людьми, но и для счастья. Получается, что счастье из области трансцендентного переходит в область обыденного – комфорт тем самым разрушает счастье.

Литература

1. *Аристотель.* Никомахова этика // Электронная библиотека «Гражданское общество России». URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf (дата обращения: 17.10.2016).

2. *Лосев А.Ф.* Двенадцать тезисов об античной культуре // Студенческий меридиан. 1983. № 9–10. URL: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm (дата обращения: 15.10.2016).

3. *Асмус В.Ф.* Иммануил Кант. Соч. : в 6 т. Т. 4, ч. 1. URL: http://krotov.info/library/11_k/an/t_4_001.htm (дата обращения: 17.10.2016).

4. *Ливрага Х.А.* Общество комфорта и философия риска. URL: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/ filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (дата обращения: 15.10.2016).

5. *Афонин Д.Г., Рагульская М.В.* Особенности адаптации организма человека к техногенным факторам современного мегаполиса. URL: http://www.inventors.ru/ osobennosti_adaptacii_organizma_cheloveka_k.html (дата обращения: 17.10.2016).

6. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 23–36.

7. *Кувалдин В.* Глобализация – светлое будущее человечества? // Человек без границ. URL: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/GlobalFuture_VictKuv (дата обращения: 17.10.2016).

8. *Миронов В.В.* Глобализация и угрозы унификации // Век глобализации. 2012. № 1. URL: http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/-1-9-2012/14389-globalizaciya-i-ugrozy-unifikacii.html (дата обращения: 17.10.2016).

9. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М., 2005. 576 с.

10. Современная энциклопедия. URL: http:// dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/23598 (дата обращения: 17.10.2016).

References

1. Aristotel'. *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Elektronnaya biblioteka «Grazhdanskoe obshchestvo Rossii». Available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Nikomakhova.pdf (accessed 17.10.2016).

2. Losev A.F. Dvenadtsat' tezisov ob antichnoi kul'ture [Twelve Theses on the Ancient Culture]. *Studencheskii meridian*, 1983, no. 9-10. Available at: http://psylib.org.ua/books/_losew02.htm (accessed 15.10.2016).

3. Asmus V.F. *Immanuil Kant* [Immanuel Kant]. Soch.: v 6 t. T. 4, part 1. Available at: http://krotov.info/library/11_k/an/t_4_001.htm (accessed 17.10.2016).

4. Livraga Kh.A. *Obshchestvo komforta i filosofiya riska* [Society of Comfort and Philosophy of Risk]. Available at: http://www.manwb.ru/articles/philosophy/filosofy_and_life/KomfRisk_JAL/ (accessed 15.10.2016).

5. Afonin D.G., Ragul'skaya M.V. *Osobennosti adaptatsii organizma cheloveka k tekhnogennym faktoram sovremennogo megapolisa* [Features of Adaptation of the Human Body to the Man-made Factors, the Modern Metropolis]. Available at: http://www.inventors.ru/osobennosti_adaptacii_organizma_cheloveka_k.html (accessed 17.10.2016).

6. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Whispered World: How Globalization is Changing Our Lives]. Moscow, 2004, pp. 23-36.

7. Kuvaldin V. Globalizatsiya - svetloe budushchee chelovechestva? [Globalization - the Bright Future of Mankind?]. *Chelovek bez granits*. Available at: http://www.manwb.ru/articles/world_today/contemporary/GlobalFutureVict_Kuv (accessed 17.10.2016).

8. Mironov V.V. Globalizatsiya i ugrozy unifikatsii [Globalisation and the Threat of Unification]. *Vek globalizatsii*, 2012, no 1. Available at: http://www.intelros.ru/readroom/vek-globalizacii/-1-9-2012/14389-globalizaciya-i-ugrozy-unifikacii.html (accessed 17.10.2016).

9. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Ed. E.F. Gubskii, G.V. Korableva, V.A. Lutchenko. Moscow, 2005, 576 p.

10. *Sovremennaya entsiklopediya* [Modern Encyclopedia]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/23598 (accessed 17.10.2016).

Поступила в редакцию / Received ***18 октября 2016 г. / October 18, 2016***

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 94 (47-57) 1917/1991 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-22-26

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2016 г. А.В. Аверьянов

THE MAIN DIRECTIONS OF NATIONAL POLICY IN ROSTOV REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1980S: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

A.V. Averyanov

Аверьянов Антон Викторович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра исторической политологии,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: aver18071981@yandex.ru

Anton V. Averyanov –
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Historical Political Science,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
ul. B. Sadovaya, 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: aver18071981@yandex.ru

Рассматриваются ключевые направления и аспекты национальной политики в Ростовской области во второй половине 1980-х гг. На основе документов региональных партийных органов установлено, что этнополитическая ситуация на Дону в указанный период имела тенденцию к обострению, это было обусловлено рядом факторов. В том числе нарастающей миграцией, ростом этнической конкуренции в социально-экономической сфере, развитием массового национального движения. Выявлены и охарактеризованы основные меры, направленные на стабилизацию межнациональных отношений в Донском регионе.

Ключевые слова: *Юг России, Ростовская область, национальная политика, перестройка, Ростовский обком КПСС, миграция, межэтнические отношения, этнополитические процессы.*

The article is devoted to key directions and aspects of national policy in Rostov Region in the second half of the 1980s. On the basis of the regional party organs' documents it was established that ethno-political situation on the Don in the specified period tended to exacerbate what was due to several factors. In particular, increasing migration, growth of ethnic competition in the socio-economic sphere, development of mass national movement. The main measures aimed at stabilizing inter-ethnic relations in the Don Region were identified and described.

Keywords: *the South of Russia, Rostov Region, national policy, Perestroika, Rostov Regional Committee of the CPSU, migration, interethnic relations, ethnopolitical processes.*

Радикальный характер преобразований в советском обществе в период «перестройки» обусловил резкое нарастание противоречий в межнациональной сфере. По мере обострения этнополитической ситуации в союзных республиках новую актуальность получил национальный вопрос. Эскалация межэтнических конфликтов в Закавказье и Средней Азии во второй половине 1980-х гг. оказала определяющее влияние на характер и динамику социально-демографических процессов Юга РСФСР.

Научные исследования, посвящённые изучению национальной политики в период перестройки, затрагивают прежде всего общесоюзный уровень, а также этнополитическую ситуацию в

республиках Закавказья, Средней Азии, Прибалтики и некоторых регионах РСФСР [1–6]. По-прежнему отсутствуют сколько-нибудь значимые научные работы об этнополитических процессах и национальной политике в указанный период в так называемых русских регионах Юга РСФСР. Между тем прежде всего Ставропольский край, Ростовская область и Краснодарский край оказались основными центрами притяжения возросших миграционных потоков во второй половине 1980 – начале 1990-х гг.

Ростовская область стала одним из крупнейших регионов-реципиентов, принявшая и разместившая на своей территории десятки тысяч переселенцев. Четверть века спустя в условиях сохраняющейся положительной динамики внешней и внутренней миграции, а также роста нестабильности в сопредельных государствах поиск оптимальных механизмов этнической интеграции на Юге России по-прежнему является задачей первостепенной важности. В данной связи актуальным представляется выявление и анализ ключевых направлений национальной политики на Дону во второй половине 1980-х гг.

Резкое изменение привычного уклада жизни позднесоветского общества, глубинный характер и высокие темпы происходивших изменений формировали запрос на скорейшее выявление причин нарастания этнополитической нестабильности, выработку и реализацию действенных мер по оптимизации межэтнических отношений. Несмотря на стремительные процессы демократизации советского общества во второй половине 1980-х гг., развитие наиболее важных сфер общественной жизни по-прежнему определялось высшими партийными инстанциями. Основные задачи и приоритеты обновлённой государственной национальной политики в условиях «перестройки» были закреплены в принятой по итогам XXVIII съезда КПСС платформе «Национальная политика партии в современных условиях» [7].

Попытки теоретического переосмысления природы этнополитических процессов в рамках марксистской доктрины на фоне критики сталинского опыта государственного управления предопределяли обращение к историческому опыту 1920-х гг. Установка на возвращение к ленинским нормам внутрипартийной и общественной жизни обусловливала пересмотр прежних механизмов национальной политики. Жёсткой критике подвергались «деформации общественного развития, начавшиеся вскоре после В.И. Ленина», которые «пагубно отразились и на межнациональных отношениях», а также «административно-командная система, нуждавшаяся в предельно централизованных единообразных структурах», игнорировавшая «потребности национального развития» [7, с. 215].

В качестве важнейших мер «гармонизации межнациональных отношений» в условиях перестройки провозглашалось преобразование советской федерации и наполнение её реальным содержанием, восстановление национально-территориальных образований в местах компактного проживания лиц некоренных национальностей, в том числе национальных районов, а также национальных автономий в составе автономных и союзных республик [7, с. 218].

Между тем динамика этнополитических изменений на Юге России приобретала лавинообразный характер, что значительно затрудняло формирование и реализацию адекватной национальной политики. Директивы сверху не всегда соответствовали текущему политическому моменту в регионах. Многие положения высших органов власти в области национальной политики подвергались критике и считались несостоятельными. В документах донской областной парторганизации неоднократно отмечался факт несоответствия официальных идеологических установок текущей социально-политической обстановке. Тревожной признавалась тенденция обострения межнациональных отношений, а также недооценка влияния национального фактора на ситуацию в регионе.

В рекомендациях, разработанных донской областной партийной организацией к Пленуму ЦК КПСС «О совершенствовании межнациональных отношений в СССР» в 1989 г., указывалось на необходимость «уточнения программных положений о разрешении национального вопроса в нашей стране, ибо соответствующие формулировки новой редакции Программы КПСС расходятся с жизнью». В том числе тезисы об успешном решении национального вопроса в Советском Союзе, ушедшей в прошлое национальной розни, братской дружбе как норме жизни, тесном сотрудничестве и взаимопомощи всех народов СССР [8, л. 1].

При этом отмечалась необходимость скорейшего анализа причин обострения межнациональных отношений в стране, что оставалось прерогативой высших партийных и государственных структур. В числе первоочередных задач признавалась важность «более глубокой разработки всех аспектов теории межнациональных отношений, в том числе проблем культуры межнационального общения, вопросов национальной психологии». В теоретической проработке и пересмотре нуждались такие базовые понятия национальной политики, как

«нация», «народность», «национальная группа», «этническая группа», «советский народ», «интернационализм», «национализм» [8, л. 1].

С целью изучения причин нарастающей межэтнической напряжённости в июле 1990 г. в рамках аппарата Ростовского обкома КПСС был учреждён Информационно-аналитический центр в составе одиннадцати штатных единиц, в том числе трёх технических работников. В его задачи входил мониторинг общественной и экономической ситуации в регионе, своевременное и достоверное информирование партийных организаций и разработка моделей развития социально-политических процессов в межнациональной сфере [9, л. 4–6].

Потребность в глубинном осмыслении природы межэтнических противоречий в Ростовской области и других регионах Юга РСФСР обусловливала необходимость привлечения к системной работе местное научно-экспертное сообщество. Помимо штатных работников аппарата обкома КПСС работу Центра обеспечивала лаборатория социологии партийной жизни Высшей партийной школы (ВПШ), специальные проблемные исследовательские группы Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем при Ростовском государственном университете и социологическая лаборатория кафедры политэкономии РГУ.

Ключевую роль в изучении этнополитических проблем в регионе играли ВПШ и Северо-Кавказский научный центр высшей школы (СКНЦ ВШ), призванные направлять и координировать деятельность вузов региона, а также осуществлять взаимодействие с учёными из других городов страны, в том числе Москвы, Ленинграда, и Северного Кавказа.

В 1989 г. на базе СКНЦ ВШ и ВПШ был учреждён методический центр для анализа и прогнозирования развития межнациональных отношений в регионе. В том же году в рамках ВПШ была создана межвузовская и межкафедральная научно-исследовательская группа по проблемам межнациональных отношений [10, л. 3].

В ходе работы донского научно-экспертного сообщества были проведены многочисленные семинары, симпозиумы, конференции, социологические исследования с целью изучения общественного мнения, популяризации работ классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу среди руководящего звена и широкой общественности, разработки практических рекомендаций по решению наиболее актуальных проблем в сфере межнациональных отношений.

В 1989 г. донскими учёными и экспертами по поручению Совета Министров РСФСР была разработана концепция и программа по изучению межнациональных отношений на Юге РСФСР, в том числе в Ростовской области. Среди ключевых направлений исследования значились анализ этноконфессиональной структуры населения, динамика её изменения в межпереписной период 1979–1989 гг., выявление соотношения этнического состава населения с видами экономической деятельности, определение уровня жизни различных национальных групп и др. Особое внимание уделялось областной периферии. Создание районных и городских социально-демографических паспортов обусловливалось необходимостью мониторинга этнополитической ситуации на местах и предупреждения межнациональных конфликтов [11, л. 1].

Принимая во внимание роль Ростова-на-Дону как координатора научно-образовательных процессов на всём Юге РСФСР, важнейшей задачей донского научного сообщества являлось изучение этнополитических процессов в наиболее проблемных регионах Северного Кавказа. В частности в Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Дагестане. Учитывая, что в восточных районах Ростовской области компактно проживали представители ряда северокавказских народов, прежде всего чеченцев и даргинцев, игравших заметную роль в социально-экономической жизни региона, работа в данном направлении представляла особую актуальность [12, л. 72].

По итогам работы экспертных групп региональными партийными органами фиксировались негативные тенденции развития межнациональных отношений в Ростовской области, связанные с ростом числа конфликтов на этнической почве, этносоциальной изоляции, националистических настроений. Конфликт в Нагорном Карабахе, ферганские погромы в Узбекистане в 1989 г. обусловили резко возросшие темпы миграции на Дон и увеличение численности национальных диаспор, прежде всего армян, азербайджанцев и турок-месхетинцев, чья социально-бытовая неустроенность обусловливала рост напряжённости в отношениях с местным населением и недоверия к органам власти.

Дополнительные сложности для регионального руководства вызывали неопределённый правовой статус, а также культурные и ментальные особенности мигрантов, которые зачастую шли вразрез с официальными идеологическими установками и местными традициями. Наибольшие трудности были связаны с адаптацией турок-месхетинцев, чья численность в 1990 г. составляла около 10 тыс. чел., компактно размещённых в ряде сельских районов

области и отличавшихся высоким уровнем религиозности и социальной замкнутости [13, л. 19].

Завышенные ожидания со стороны мигрантов, связанные с требованием предоставления жилья и строительства мечетей наряду с первоначально ожидавшимся транзитным характером их пребывания в Ростовской области формировали определённую напряжённость в отношениях с представителями местных органов власти [12, л. 69].

Объектом пристального мониторинга со стороны областной партийной организации являлась этнополитическая ситуация в восточной части Донского региона, прежде всего в Ремонтненском районе, где фиксировались бытовые конфликты между представителями северокавказских народов и славянским населением [14].

В числе причин обострения межнациональных отношений в регионе местными партийными органами отмечалась неудовлетворительная работа с представителями национальных меньшинств, низкий уровень вовлечённости их в общественно-политическую и партийную жизнь, в том числе на руководящие и ответственные посты. Из более 130 народов, населявших Ростовскую область по итогам переписи населения 1989 г., в региональной партийной организации было представлено только 86 этнических групп [12, л. 34]. В Ремонтненском районе даргинцы и чеченцы, составлявшие около 25 % населения, не имели представительства в составе бюро райкома [14, л. 13]. Среди важнейших недостатков, требующих немедленного устранения, указывалось на малое количество учебных часов по изучению родного языка и культуры в школах, дефицит газет, радио- и телевизионных передач на национальных языках.

Очевидно, что проблемы, с которыми столкнулось советское общество на рубеже 1980–1990-х гг., декларировавшее успешное решение национального вопроса в рамках концепции «развитого социализма», оказались полностью неожиданными как для власти, так и для широкой общественности. Впервые со времён Великой Отечественной войны Ростовская область столкнулась с беспрецедентным ростом количества беженцев и вынужденных переселенцев. Особенностью миграционной волны конца 1980-х гг. стал её этнический характер.

Несоответствие официально декларируемых высшими органами власти установок с текущей этнополитической реальностью обусловливал во многом спонтанный и импровизационный характер национальной политики на региональном уровне, направленной на решение оперативных задач. Основное внимание уделялось профилактике межнациональных конфликтов, размещению беженцев, культурно-просветительской работе, патриотическому и интернациональному воспитанию молодёжи в районах с наибольшей концентрацией национальных меньшинств. В том числе Ремонтненском, Заветинском, Дубовском, Мясниковском, Егорлыкском, Багаевском и др.

За короткий промежуток времени была проделана значительная работа. В 12 школах Ростовской области были открыты классы и факультативы для изучения армянского, чеченского, даргинского языков. Созданы культурно-просветительские общества армян, евреев, советских немцев, земляческие объединения представителей народов Кавказа и Закавказья, работающих в хозяйствах юго-восточных районов и обучающихся в вузах области. В том числе общество русско-армянской дружбы «Нор-Нахичевань», общество советских немцев «Возрождение», Ростовская ассоциация содействия еврейской культуре (РАСЕК). Отмечался рост поступлений в местные магазины и библиотеки литературы народов СССР, словарей и разговорников, количества национально-фольклорных ансамблей, числа проведённых фестивалей с участием народов Дона [12, л. 73; 15, л. 4].

Однако реализуемые меры не могли устранить причин усиления этнополитической напряжённости в регионе, обусловленных нараставшим системным кризисом в масштабах всего государства. Отсутствие адекватного теоретического инструментария, способного объяснить природу межнациональных конфликтов, на фоне роста национального и религиозного самосознания населявших регион этнических групп делало прежние механизмы национальной политики неэффективными.

Коренная трансформация социально-экономической модели общества, сопровождавшаяся изменением форм собственности и способов ведения хозяйства, обусловила нарастание этнической конкуренции и этнополитической напряжённости в регионе.

Ситуация усугублялась вследствие резкого падения авторитета Коммунистической партии, утратившей роль межнационального интегратора. Выход из партии принял массовый характер. В 1990 г. областную партийную организацию покинуло 90 тыс. членов [16, с. 121]. Одновременно росло влияние неформальных общественных объединений и их лидеров, противопоставлявших себя партийным структурам и создаваемым властями национальным организациям.

В итоге комплекс нерешённых межнациональных проблем стал одним из факторов распада Советского Союза и обострения социально-политической ситуации на Юге России в 1990–2000-е гг.

Литература

1. *Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003. 471 с.

2. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / отв. ред. Г.Н. Севостьянов; сост. С.М. Исхаков. М., 2005. 600 с.

3. *Полынов М.Ф.* Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970 – первой половине 1980-х годов // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 2. С. 3–26.

4. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М., 2012. 448 с.

5. *Пиценко О.В*. Исторический опыт реализации государственной политики Российской Федерации в сфере межнациональных отношений в 1985–1991 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Астрахань, 2009. 24 с.

6. *Москвин И.Ю.* Национальная политика на Южном Урале (1988–2012 гг.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2013. 26 с.

7. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19–20 сентября 1989 г. М., 1989. 255 с.

8. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 101. Д. 128.

9. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 33.

10. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 101. Д. 332.

11. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 101. Д. 333.

12. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 102. Д. 32.

13. ЦДНИРО Ф. 9. Оп. 102. Д. 356.

14. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 101. Д. 23.

15. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 101. Д. 30.

16. Российский политический процесс в региональном измерении: модернизационные аспекты (XX – начало XXI в.) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. С.М. Смагина. Ростов н/Д., 2011. 188 с.

References

1. Zorin V.Yu. *Gosudarstvennaya natsional'naya politika v Rossii: istoriko-politologicheskii analiz :* dis. ... d-ra polit. nauk [State National Policy in Russia: Historical and politological Analysis]. Moscow, 2003, 471 p.

2. *Tragediya velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soyuza* [The Tragedy of Great State: National Question and Collapse of the Soviet Union]. Ed. by G.N. Sevost'yanov; col. S.M. Iskhakov. Moscow, 2005, 600 p.

3. Polynov M.F. Problemy i protivorechiya v razvitii natsional'nykh otnoshenii v SSSR v 1970 - pervoi polovine 1980-kh godov [Problems and Contradictions in the Development of National Relations in the USSR in 1970 - the First Half of the 1980s]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*. 2008, no. 2, pp. 3-26.

4. *Etnicheskii i religioznyi faktory v formirovanii i evolyutsii rossiiskogo gosudarstva* [Ethnic and Religion Factors in the Formation and Evolution of the Russian State]. Ed. by T.Yu. Krasovitskaya, V.A. Tishkov. Moscow, 2012, 448 p.

5. Pitsenko O.V. *Istoricheskii opyt realizatsii gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v sfere mezhnatsional'nykh otnoshenii v 1985-1991 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya* : avtoref. dis. … kand. ist. nauk. [The Historical Experience of the Implementation of the Russian Federation State Policy in the Sphere of Interethnic Relations in 1985-1991 (On materials of the Volga Region)] Astrakhan, 2009, 24 p.

6. Moskvin I.Yu. *Natsional'naya politika na Yuzhnom Urale (1988-2012 gg.)* : avtoref. dis. … kand. ist. nauk [National Policy in Lowlands Ural (1988-2012)]. Orenburg, 2013, 26 p.

7. [The National Policy of the Party in Modern Conditions (CPSU Platform)]. *Materialy Plenuma Tsentral'nogo Komiteta KPSS* [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU]. September 19-20, 1989. Moscow, 1989, 255 p.

8. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (TsDNIRO)* [Documentation Centre of Modern History of the Rostov Region (DCMHRR)]. Fund 9. In. 101. File 128.

9. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 102. File 33.

10. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 101. File 332.

11. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 101. File 333.

12. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 102. File 32.

13. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 102. File 356.

14. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 101. File 23.

15. *TsDNIRO* [DCMHRR]. Fund 9. In. 101. File 30.

16. *Rossiiskii politicheskii protsess v regional'nom izmerenii: modernizatsionnye aspekty (XX - nachalo XXI v.)* [Russian Political Process in the Regional Dimension: the Modernization Aspects (XIX - the Beginning of XXI Century)]. Tutorial. Ed. S.M. Smagin. Rostov-on-Don, 2011, 188 p.

Поступила в редакцию / Received ***18 октября 2016 г. / October 18, 2016***

УДК 93(930.23).520 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-27-31

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ В ЯПОНИИ

© 2016 г. С.В. Бородин

MODERN RUSSIAN STUDIES IN JAPAN

S.V. Borodin

Бородин Сергей Витальевич –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: ddd@sfedu.ru

Sergey V. Borodin –
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Russian History,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: ddd@sfedu.ru

Анализируются основные тенденции в японском россиеведении. Кроме магистральных, ключевых тем, таких как проблема «северных территорий», настоящее возрождение интереса имеет и многообразная тематика по мировой войне в целом, возвращается на одно из первых мест в исследованиях изучение особого пути России с 1991 г. до современности, история российского авторитаризма. В круге внимания и взаимоотношения современной России и Китая. Острая конкуренция Китая и Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе требует новых работ, анализирующих создавшуюся обстановку. Также представлены основные научные центры по изучению России в Японии. Дана характеристика базовым направлениям деятельности центра евразийских исследований университета Хоккайдо.

Ключевые слова: *Россия, Япония, российские исследования в Японии, национальные центры.*

The article analyzes the main trends in the Russian studies conducted in Japan. In addition to the main, key topics, such as the problems of the "northern territories", now we observe the revival of interest to diverse topics of the World War II as a whole; one of the biggest interests is given to the research of the special way of Russia from 1991 to the present days and the history of Russian authoritarianism. The attention is paid to the relationship of modern Russia and China. Acute Chinese and Japanese competition in the Asia-Pacific region requires new research works analyzing the created situation. The main research centers on the study of Russian in Japan are introduced. The characteristic of the main directions of the Slavic Eurasian Research Center, Hokkaido University activity is given.

Keywords: *Russia, Japan, Russian studies in Japan, national centers.*

После распада Советского Союза в японском научном сообществе произошло переосмысление места и роли научных дисциплин, направленных на изучение восточно-европейских стран в целом и России в частности. Несмотря на различные термины, все эти исследования объединяет общее понятие – россиеведение (если речь идёт о российской империи, СССР, Российской Федерации) или евразийские исследования – если изучаются более крупные территории.

В настоящее время россиеведение позиционируется как «академическое поле, в котором наша страна исследуется историками, экономистами, социологами, политологами, филологами, правоведами, философами и другими учёными, экспертами целостно, полидисциплинарно, в качестве сложного монообъекта» [1, с. 3].

Эволюция россиеведения в Европе и США достаточно хорошо изучена и имеет обширную историографическую основу, но, что касается азиатских стран, здесь существуют значительные пробелы в нашем представлении о структуре центров по изучению России, основных направлениях работы, современном состоянии исследований. Несомненный интерес представляет японское россиеведение, имеющее целый ряд особенностей, характерных только для этой страны. Наиболее полно история развития этой полидисциплины отражена в работах японских исследователей, опубликованных в авторитетных журналах [2–5].

Начало систематических исследований России относят к 1873 г., когда правительство Мэйдзи создаёт Институт иностранных языков, в котором русский язык преподаётся как один из важнейших европейских языков. Мотивированность русских исследований в Японии исходила из целого ряда причин, среди которых немаловажную роль играли развивающиеся межгосударственные отношения, внешнеполитические противоречия России и Японии, стремление лучше узнать русскую культуру

(прежде всего через переводную литературу). Немалую роль в расширении проблематики сыграла русско-японская война и оккупация Японией Маньчжурии.

Как подчёркивают японские учёные, в период между двумя мировыми войнами в стране была сформирована отличная группа профессионалов в области языкознания, русской литературы, перевода. Однако в силу строгих мер правительства по предотвращению проникновения в Японию марксистской идеологии специалистов в области социальных наук не было [6, S. 176]. Только после Второй мировой войны началась институализация академической дисциплины «Славянские исследования» (Slavic Studies) в японских университетах. Ключевой фигурой в этом процессе был славист Кимура Сёити (Kimura Shoichi). Он сыграл важнейшую роль в создании русского отделения на филологическом факультете университета Хоккайдо (1947), центра славянских исследований на юридическом факультете того же университета (1953), ныне центр славянских и евразийских исследований (SRC), участвовал в создании русской секции на факультете общественных и социальных наук токийского университета (1966).

Кимура Сёити, как пионер японской славистики, исходил из междисциплинарного подхода преодоления границ между языкознанием и литературоведением, русскими и восточноевропейскими исследованиями, средневековьем и Новым временем. Этими подходами его коллеги руководствуются до сих пор. Радикальные перемены последних десятилетий в странах Центральной и Восточной Европы, СССР изменили и направления японского славяноведения. Поэтому и базовый центр изучения России в университете Хоккайдо, носивший название «Советские и восточноевропейские исследования», с 2014 г. переименован в «Славянско-евразийский исследовательский центр» (Slavic Eurasian Research Center*)* [6, S. 177].

Появление новых государств и формирование новых отношений власти приводят часто к тому, что новые границы становятся источником обострения конфликтов между странами, многие проблемы нельзя рассматривать только с точки зрения интересов отдельных стран, их необходимо изучать в совокупности многочисленных внешних раздражителей, особенно так называемых пограничных территорий, являющихся предметом интереса глобальных игроков. Всё это и многое другое заставляет японских учёных активно применять в своих работах полидисциплинарные методы и расширять территориальные границы исследований. Вместе с тем тематика проектов показывает, что традиционные сферы изучения, такие как, например, Сибирь и Дальний Восток, бывшие среднеазиатские республики СССР, Китай, внешняя политика России в тихоокеанском регионе, остаются востребованными и сегодня. Это, кстати, явилось гарантом устойчивого финансирования «советских» – «русских» исследований в Японии, в то время как многие подобные центры в Европе и США, нацеленные на глобальные темы по СССР и странам социалистического содружества, вошли в начале 90-х гг. в финансовый и тематический кризис в связи с распадом изучаемых структур.

В настоящий момент база данных японских экспертов евразийских и восточноевропейских государств насчитывает около полутора тысяч человек [6, S. 178]. Большинство из них состоят в одном или нескольких авторитетных объединениях, список которых приводится ниже:

– Японский союз по изучению русского языка и литературы (JASRLL) является объединением специалистов по русскому (славянским) языку, литературе, искусству, истории, истории идей и религий. Основан в 1950 г. и насчитывает 470 членов. Самый старый и большой из всех союзов славистов в Японии;

– Японское общество по исследованию русской истории (JSSRH) было основано в 1956 г. и является дискуссионным форумом для японских историков России. Насчитывает около 260 членов общества;

– Японская ассоциация международных отношений (JAIR) основана в 1956 г. японскими экспертами по международной политике и истории дипломатии, объединяет около 2000 чел., в том числе группу специалистов по Евразии;

– Общество по внутриазиатским исследованиям (SIAS) с 1960 г. изучает азиатскую историю, языки, культуру. В него входят 260 участников, много специалистов по славянской Евразии;

– Японская ассоциация сравнительных экономических исследований (JACES) была создана в 1963 г. для изучения социалистического народного хозяйства. Задействованы 250 специалистов, в том числе эксперты по Китаю, Вьетнаму и другим странам;

– Японская ассоциация русских и восточноевропейских исследований (JAREES) состоит из представителей общественных и гуманитарных наук – историков, философов, политологов, экономистов, правоведов, социологов, искусствоведов и т. д. Основана в 1971 г., насчитывает около 400 членов;

– Общество по изучению Восточной Европы (AEES) образовано в 1975 г. с целью изучения восточноевропейской истории. Насчитывает 210 участников;

– Японское общество славянских и восточноевропейских исследований (JSSEES) создано в 1980 г. Его представляют 230 ученых по различным дисциплинам. Издаёт англоязычный журнал «Japanese Slavic and East European Studies» для ознакомления зарубежных коллег со своими результатами;

– Ассоциация переводчиков русского языка (AIRL) существует с 1980 г. и насчитывает 130 чел.;

– Японское общество изучения славянских языков и литературы (JSSSLL) действует с 1984 г. Имеет 80 участников;

– Японское общество по преподаванию русского языка (JSRLE) также насчитывает 80 участников и направлено на совершенствование методики преподавания русского языка. Существует с 2000 г.

Для координации деятельности и усиления междисциплинарности исследований в 1998 г. шесть ассоциаций (JAREES, JASRLL, JSSEES, JSSRH, JACES и JSSSLL) создали Единый японский совет по русским и восточноевропейским исследованиям – JCREES. С 2008 г. Совет организует совместно с корейскими и китайскими коллегами ежегодные Восточноазиатские конференции по славянско-евразийским исследованиям.

Нельзя обойти вниманием и ведущий центр страны – Центр славянско-евразийских исследований, более известный по своему англоязычному наименованию как Slavic Research Center (SRC) [7]. Он был образован в составе юридического факультета университета Хоккайдо 24 июня 1953 г., а статус общенационального научно-исследовательского института обрел в 1990 г., одновременно с разрушением берлинской стены – символа холодной войны.

В разные годы в SRC работали такие светила японской славистики, как историки Хасэгава Тоси (Hasagawa Tsuyoshi) и Хара Тэруюки (Hara Teruyki), политолог-международник Кимура Хироси (Kimura Shoichi). В настоящее время центр возглавляет Табато Синисиро (Tabata Shinichiro), специалист по российской экономике. Состав штатных сотрудников представлен 15 специалистами по многим направлениям россиеведения и евразийским исследованиям.

Сегодня SRC – единственный в Японии центр славяно-евразийских исследований, который призван оказывать консультативную помощь как японским славистам, включая ученых-россиеведов всех категорий, так и всевозможным государственным структурам. Его профессора читают лекции студентам и аспирантам университета Хоккайдо, консультируют магистрантов и докторантов, но главное предназначение Центра – фундаментальные исследования. В числе его неизменных научных приоритетов – история и современность России (с упором на сибирские и дальневосточные территории), включая политическую и социально-экономическую историю России; историю религий, русской повседневности, русской культуры.

В текущей работе сотрудников SRC постоянно находится полтора десятка научных проектов не только регионального масштаба или истории и современности государств Средней Азии, но транснационального и даже глобального охвата. В ряду последних – многоуровневое сравнительное изучение ведущих держав Евразии, включая Россию, Китай и Индию, исследование «парадигмы “Восток – Запад” в славяно-евразийской культуре».

Под грифом Центра выходит несколько периодических изданий: «Acta Slavica Iaponica», «Eurasia Border Review», «Slavic Eurasian Studies Series», «Comparative Studies of Regional Powers Series», книги и отдельные публикации.

Наиболее авторитетным и известным является ежегодник «Acta Slavica Japonica», издаваемый с 1983 г. К настоящему времени вышло 37 томов. Это одно из ведущих зарубежных научных изданий, посвященных истории и современности государств постсоветского пространства. Отличительной особенностью издания является двуязычие. Авторы публикуют статьи либо на русском, либо на английском. Второй особенностью является то, что все статьи доступны для чтения в pdf. формате без ограничений и дополнительной оплаты.

Серьёзный научный потенциал центра, активное сотрудничество с зарубежными коллегами, поддержка государства и целого ряда фондов позволяют одновременно разрабатывать научные направления, отражающие не только интересы учёных, но и потребности властных структур. Сейчас в работе находятся такие проекты, как «Сравнение моделей развития крупных региональных держав в Евразии: Россия, Китай и Индия»; «Антропологические исследования предпринимательства в постсоциалистических странах»; «Символы и социальное влияние теории “hokushin” (продвижение к северу) в японской империи: на примере Сахалина и Курильских островов»; «Новые исторические подходы к славянской Евразии между странами с формирующимся рынком Восточной Европы и Императорской Японии»; «Реконструкция международных отношений через пограничные территории».

Магистральная научная задача SRC сегодня состоит в разработке (а фактически – создании) ака-

демической дисциплины славяно-евразийских исследований. Именно этот масштабный проект, который напрямую финансирует японское Министерство образования и науки, цементирует весь институт, превращая его в единое целое. Начиная с 2004 г. здесь издаются сборники статей, посвященных различным аспектам междисциплинарного и транснационального анализа евразийских славянских мезорегионов.

Разработка трансграничного подхода в изучении региональной интеграции и глобализации в их прошлом и настоящем, а также идея подготовки и издания книг этой серии принадлежат Центру. Авторами же научных текстов выступают не только и даже не столько сотрудники самого института, сколько приглашенные исследователи – историки, религиоведы, экономисты, политологи, социологи, многие из которых – россияне. Книги сразу публикуются на русском языке (для распространения в России), на английском, а отдельные еще и на японском. «Свою приоритетную цель руководители института сегодня видят в расширении пространства и углублении тематики исследований, в упрочении связей с ведущими зарубежными научно-исследовательскими институтами и обретении таким образом устойчивого влияния уже не только на свою собственную, японскую, но и на “глобальную аудиторию”» [8, с. 86].

Что касается основных трендов в изучении России, то следует обратить внимание на ряд тем, являющихся магистральными как в исторических, так и в политических исследованиях последнего времени. Несомненно, одной из ключевых тем продолжает оставаться проблема «северных территорий». Несмотря на распад СССР, в сознании японцев унижение от потери этих земель по результатам Второй мировой войны является главным фактором, тормозящим нормализацию отношений с современной Россией. Настоящее возрождение интереса как в России, так и в Японии имеет и многообразная тематика по мировой войне в целом. Для японцев принципиально важно представить в свете новых документов и интерпретаций свои подходы к сотрудничеству нацистской Германии и Советского Союза перед войной, отношению Гитлера и Сталина, договору о ненападении 1939 г., роли Японии в создании и функционировании оси Рим – Берлин –Токио.

Как отмечает Т. Линчоева (T. Linchoeva), неожиданно возвращается, после перерыва на одно из первых мест в исследованиях изучение особого пути России, анализ истории российского авторитаризма. Это связано с изменениями политического тренда России с 1991 г. до современности. Предпринимаются попытки проследить непрерывность развития царской России, советской России и современной Российской Федерации [9, S. 36].

Естественно, в круге внимания и взаимоотношения современной России с Китаем. Усиливающаяся мощь КНР в экономическом и политическом измерении серьёзно беспокоит Японию. Острая конкуренция этих стран в азиатско-тихоокеанском регионе, осложнённая горькой памятью многочисленных войн, требует новых работ, анализирующих создавшуюся обстановку.

Эти базовые направления тем не менее не умаляют важность и актуальность других тем, традиционно изучаемых японскими россиеведами.

За относительно короткий срок японское «россиеведение» из локального, внутреннего продукта, замыкавшегося только на исследовании близлежащих территорий, издававшее большинство публикаций на японском языке, имевшее ограниченный круг партнеров, превратилось в признанный международный центр славяно-евразийских исследований.

Литература

1. Зарубежное россиеведение : учеб. пособие / под ред. Д.А. Безбородова. М., 2014. 574 с.

2. *Ito Takajuki*: Slavjanovedenie v Japonii. Istorija, u reždenija I problem // Slavic Studies. 1980. № 25. S. 127–147.

3. *Kenzo Kiga:* Osteuropaforschung in Japan // Osteuropa. 1982. № 10. S. 853–857.

4. *Togava Cuguo*: Slavistika v Japonii. Istorija, razvitie i segodnjašnee sostojanie // Obozrenie. Analitieskij žurnal Russkoj mysli. 1984. № 2.

5. *Hasegawa Tsuyoshi*: Soviet Studies in Japan. History, Problems, and Prospects // Soviet Studies in the Asia-Pacific Region / eds. Ch.E. Morrison, P. Thambipillai. Honolulu, 1986, S. 15–45.

6. Autorenkollektiv. Aufbruch, Dynamik, Internationalisierung. Slavisch-Eurasische Area Studies in Japan // Osteuropa. 2015. № 5–6. S. 175–192.

7. Центр славянских и евразийских исследований университета Хоккайдо. URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/index-e.html (дата обращения: 26.06.2016).

8. *Павлов Д.Б.* Университет Хоккайдо («Boys, be ambitious!») // Российский японоведческий журнал (Russian Journal of Japanese Studies). 2010. Вып. 1. С. 70–86. URL: http://japanstudies.ru (дата обращения: 14.07.2016).

9. *Linchoeva T.* Der Fremde. Russlandbild und Russlandpolitik in Japan, 1715–2015 // Osteuropa. 2015. № 5–6. S. 33–47.

References

1. *Zarubezhnoe rossievedenie* [Russia Studies in Foreign Countries]. Tutorial. Ed. D.A. Bezborodov. Moscow, 2014, 574 p.

2. Ito Takajuki: Slavjanovedenie v Japonii. Istorija, u reždenija I problem. *Slavic Studies*, 1980, no. 25, pp. 127-147.

3. Kenzo Kiga: Osteuropaforschung in Japan. *Osteuropa*, 1982, no. 10, pp. 853-857.

4. Togava Cuguo: Slavistika v Japonii. Istorija, razvitie i segodnjašnee sostojanie. *Obozrenie. Analitieskij žurnal Russkoj mysli*, 1984, no. 2.

5. Hasegawa Tsuyoshi: Soviet Studies in Japan. History, Problems, and Prospects. *Soviet Studies in the Asia-Pacific Region*. Eds. Ch.E. Morrison, P. Thambipillai. Honolulu, 1986, pp. 15-45.

6. Autorenkollektiv. Aufbruch, Dynamik, Internationalisierung. Slavisch-Eurasische Area Studies in Japan. *Osteuropa*, 2015, no. 5-6, pp. 175-192.

7. *Tsentr slavyanskikh i evraziiskikh issledovanii universiteta Khokkaido* [Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University]. Available at: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/index-e.html (accessed 26.06.2016).

8. Pavlov D.B. Universitet Khokkaido («Boys, be ambitious!») [Hokkaido University ("Boys, be ambitious!")]. *Rossiiskiy yaponovedcheskiy zhurnal* (Russian Journal of Japanese Studies), 2010, no. 1, pp. 70-86. Available at: http://japanstudies.ru (accessed 14.07.2016).

9. Linchoeva T. Der Fremde. Russlandbild und Russlandpolitik in Japan, 1715-2015. *Osteuropa*, 2015, no. 5-6, pp. 33-47.

Поступила в редакцию / Received ***6 октября 2016 г. / October 6, 2016***

УДК 94.4 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-32-36

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

© 2016 г. А.С. Ибрагимов

NON-STATE SECTOR OF HIGHER EDUCATION AND FEATURES OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN OF ITS OPERATION AT THE TURN OF XX-XXI CENTURIES

A.S. Ibragimov

Ибрагимов Арсен Сулейманович –
аспирант, кафедра истории,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
ул. М. Ярагского, 57б, г. Махачкала, 367003.
E-mail: medzhids_saidov@mail.ru

Arsen S. Ibragimov –
Postgraduate Student, Department of History,
Dagestan State
Pedagogical University,
M. Yaragskogo St., 57b, Makhachkala, 367003, Russia.
E-mail: medzhids_saidov@mail.ru

Дается обзор формирования негосударственного сектора высшего образования в 90-х гг. XX в. Прослеживается процесс активизации вузов, сотрудничество государственных и негосударственных секторов высшей школы, анализируется качество подготовки специалистов негосударственными вузами. Вывод – Дагестану необходимы новые ориентиры развития науки и подготовки специалистов, отвечающих нуждам и требованиям рыночных механизмов.

Ключевые слова: *рыночная экономика, научный потенциал, высшее образование, негосударственный сектор, образование, прогресс, филиал, образовательное учреждение.*

This article provides an overview of the formation of state higher education sector in the 90-es. The author traces the process of revitalization of universities, cooperation between state and non-state sectors of high school; the quality of specialists training by non-state universities are analyzed. Conclusion - Dagestan requires new guidelines for the development of science and training to meet the needs and requirements of market mechanisms.

Keywords: *market economy, scientific potential, higher education, private sector, education, progress, branch, educational institution.*

Демократические реформы в России в 90-е гг. создали условия для возникновения негосударственных высших учебных заведений. Им было предъявлено требование готовить больше и лучше образованных людей, способных активно участвовать в непосредственном содействии экономического развития за счет совместных с промышленностью научных исследований.

В сфере высшего образования и вузовской науки в Республике Дагестан сложился следующий парадокс: с 90-х гг. наряду с государственными вузами, сформировался негосударственный сектор высшего образования. Начали функционировать множество филиалов российских вузов с новыми «престижными» факультетами и отделениями, которые сняли определенную напряженность при выборе будущей профессии и поступлении. Они решали такие же задачи, как и государственные высшие учебные заведения, готовили специалистов по новым специальностям, предоставляли возможности дополнительного заработка для профессорско-преподавательского состава государственных вузов. Наличие негосударственного сектора разрушило монополию государственной системы высшего образования и создало ситуацию конкуренции (табл. 1) [1].

Развитие негосударственного сектора высшей школы сначала носило стихийный характер и осуществлялось вопреки различным государственным и общественным структурам. Оно характеризуется высоким уровнем мобильности. Этим, в частности, объясняется быстрая переориентация вузов на различные виды и модели образования. В

результате смены ориентации часть негосударственных образовательных учреждений сумели приспособиться к современным рыночным отношениям.

Формирование образовательной государственной политики в отношении негосударственных вузов способствовало решению коллегии Минобразования РФ, которая в апреле 1999 г. обсудила вопрос «О проблемах развития негосударственных образовательных учреждений по материалам лицензионной, аттестационной и аккредитационной работы Министерства, а также Всероссийской конференции негосударственных вузов в мае 1999 г. [2].

Таблица 1

Динамика роста высших учебных заведений в Дагестане за период 1992–2002 гг. / The dynamics of growth of higher education institutions in Dagestan for the period of 1992-2002

Показатель	1992	2002
Число высших учебных заведений, всего	5	20
В том числе государственных негосударственных	 5 –	 6 14
На 10 000 населения приходилось студентов вузов В том числе государственных	142 142	343 308
На 10 000 населения выпущено специалистов вузов В том числе государственными вузами	23,3 тыс. чел. 23,3 тыс. чел.	43,5 тыс. чел. 35,8 тыс. чел.

Одной из основных идей, которая звучала на коллегии и на конференции, была мысль о сотрудничестве государственных и негосударственных секторов высшей школы.

За период с 1991 по 1998 г. количество негосударственных вузов при базовом методе исчисления (когда один из годов берется за основу, а остальные рассчитываются по отношению к нему) увеличилось со 102 до 807 %, т. е. более чем в 8 раз [3, с. 45].

Контингент студентов, обучающихся в негосударственных вузах и филиалах, составляет всего 10 % от общей численности студентов. Сокращение в 2001/2002 уч./г. связано с закрытием института «Инсан» и преобразованием филиала Московского открытого социального университета в государственный филиал Санкт-Петербургского педагогического университета им. А. Герцена (табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели по негосударственным высшим учебным заведениям (на начало учебного года) / Main indicators of non-state higher education institutions (at the beginning of the academic year)

Показатель	1994/ 1995	1995/ 1996	1996/ 1997	1997/ 1998	1998/ 1999	1999/ 2000	2000/ 2001	2001/ 2002	2002/ 2003	2003/ 2004
Число негосударственных вузов	4	5	6	10	11	15	16	14	16	19
Численность профессорско-преподавательского состава	101	200	212	414	380	589	606	642	740	739
Из них имеют ученую степень: доктора наук кандидата наук	 30 58	 22 76	 22 91	 38 162	 27 128	 48 223	 62 231	 52 195	 63 247	 82 254
Из общего числа профессорско-преподавательского состава – численность преподавателей, работающих на условиях штатного совмест.	–	86	88	213	204	274	353	317	328	311

В государственных вузах по дневной форме обучается 65 % студентов, по заочной – 35 %, в негосударственных – 51 и 49 % соответственно. Численность обучающихся в государственных вузах на условиях полного возмещения трат за год выросла на 3 %, за счет федерального бюджета снизилась на 49 %. Общая динамика подготовки специалистов в учебных заведениях отражена в табл. 3.

Таблица 3

Динамика подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием в учебных заведениях Дагестана / The dynamics of training of specialists with higher and secondary special education in the educational institutions of Dagestan

Вид учебного заведения	2001	2001 г. в %	
		к 1995 г.	к 2000 г.
Государственные высшие учебные заведения, включая филиалы			
Число учебных заведений, включая филиалы	24	в 4 раза	114,3
Численность студентов, тыс. чел.	67,2	в 2,2 раза	111,4
Прием, тыс. чел.	15,3	в 2,1 раза	107,0
Выпуск, тыс. чел.	7,8	191,2	112,7
Негосударственные высшие учебные заведения, включая филиалы			
Число учебных заведений, включая филиалы	14	в 3,5 раза	87,5
Численность студентов, тыс. чел.	7,7	176,0	92,1
Прием, тыс. чел.	1,7	156,4	101,4
Выпуск, тыс. чел.	1,7	в 14 раз	в 2 раза
Государственные средние специальные учебные заведения			
Число учебных заведений	29	107,4	100,0
Численность студентов, тыс. чел.	20,8	119,5	103,3
Прием, тыс. чел.	7,2	133,4	103,8
Выпуск. тыс. чел.	5,9	125,5	111,2

Официальные направления на работу получили 24,7 % выпускников вузов (в 1998 г. – 33,7 %) и 22,3 % – выпускники средних специальных учебных заведений (в 1998 г. – 27,9 %) [1, с. 234].

В республике действуют 7 государственных аспирантур. В 2001 г. в них принято 352 чел., в том числе 61,1 % – с отрывом от производства. Из общего числа поступивших в 2001 г. 58,5 % – женщины.

В 2001 г. аспирантурами выпущено 214 специалистов, из них 14,0 % защитили диссертации. По сравнению с 2000 г. выпуск аспирантов увеличился на 6,5 %.

В целом активизировалась вузовская наука, повысился академический и научный статус самих государственных вузов. Бывшие институты были преобразованы в университеты (педагогический и технический) и академии (медицинский и сельскохозяйственный), оживились их связи не только с российскими, но и с европейскими вузами. Но, к сожалению, многие престижные специальности и по сей день остаются невостребованными в условиях республики. С другой стороны, резко снизилось качество самого образования. Учебная дисциплина и традиционные порядки в вузах во многом подорваны, заметно ослабла творческая самоотдача преподавателей.

Не происходит даже простой обмен накопленным разными вузами опытом, нет творческого сотрудничества между их коллективами.

Практика показывает, что республиканским структурам легче перенять «готовые» научные разработки и проекты, нежели разрабатывать свои и внедрять их в производство, а для этого не осталось и самого производства.

Заметим, что в новых условиях эффективность деятельности научных учреждений не очень ясна, а применительно к интересам республики незначительна (и все это при том, что в массовом количестве защищаются кандидатские и докторские диссертации, присваиваются громкие титулы профессоров и академиков, и т.д.). Сложился также определенный разрыв в подготовке специалистов и их востребованности (к примеру, республика на 40 лет вперед обеспечена юристами и экономистами, но не снижается прием на эти отделения). Практически все вузы выпускают специалистов «для улицы».

Следует отметить, что в течение последующей деятельности для многих профессий в развитых странах предусмотрена периодическая переподготовка, что в свою очередь вынуждает специалистов постоянно «быть в форме» и повышать свои знания и компетентность всеми доступными способами.

Как подчеркивают многие специалисты, в условиях рынка знания становятся предметом применения, а не поиска истины. Новое знание – больше не результат стремления постичь истину, а итог поиска решения. Знание из общественного блага становится частью рыночного механизма. В результате вузы утрачивают контроль качества социального блага и становятся частью инструментария в конкурентной борьбе за лидерство в сфере высоких технологий.

В наши дни образовательные учреждения оказались перед двойным вызовом: с одной стороны, им предстоит отстоять и развить то, что делает их особенными – их научную и образовательную автономию, свободу исследования и обучения, подготовку специалистов; с другой – установить, усилить и умножить связи с общественной и экономической жизнью, поставить свой потенциал на службу предпринимательским и общественным структурам.

Кризис высшего образования в России, вызванный «диким» рыночным механизмом, потребовал от общества и государства осознание ситуации и разработки мер по преодолению сложившегося положения.

В частности, была разработана Федеральная программа развития образования в России, которая содержала раздел «Высшее образование» [4].

В новых условиях развития рынка на передний край научно-технического прогресса выдвинулась биотехнологическая наука и производства, используемые при решении многих вопросов по обеспечению народного хозяйства сырьем, повышении эффективности здравоохранения, создании рентабельных источников энергии и безотходных производств.

Достижения в области селекции, молекулярной генетики и генной инженерии способствуют внедрению прогрессивных технологий в переработку сельскохозяйственного сырья, создание новых кормов для животноводства, осуществление биохимических процессов в области виноделия, использование отходов винодельческой и пивоваренной промышленности в качестве питательной среды для производства кормовых и пищевых дрожжей, и др.

В современном обществе, где очевидными и фундаментальными факторами стали конкурентоспособность промышленности и экономическая жизнеспособность, стремительное нарастание темпов изменений в науке и технологии, промышленное производство во все большей мере зависит от состояния знаний и интеллектуальных способностей кадров. Это делает образование главным источником экономического и культурно-нравственного развития общества.

Современный специалист любой отрасли народного хозяйства и тем более специалист обозримого будущего должен владеть не только практическими навыками профессии, но и быть подготовленным к проведению научного поиска, применению на производстве рекомендаций других исследователей, максимально использовать передовой опыт и достижения НТП, уметь приспосабливаться к новым технологиям и рыночным стандартам.

В условиях рынка эффективность науки зависит от того, насколько быстро и полно результаты научных исследований внедряются в производство.

Кризисное состояние экономики, резкое ухудшение общественно-политического положения и нравственно-психологической атмосферы – все это негативно отразилось на вузовской науке. Традиционные порядки и централизованные требования в вузах были подорваны, заметно ослабла творческая самоотдача преподавателей, психологический настрой и профессиональная ориентация студентов были деформированы; в оценке знаний не проявлялось должной требовательности и объективности. В результате из стен вузов с дипломами специалистов высшей квалификации «выходит немало неучей, которые не подготовлены к серьезной профессиональной деятельности» [5].

Переход к рыночной экономике предполагает радикальное изменение производственных отношений, что в свою очередь связано с существенным изменением социально-политического строя и культурно-образовательного облика самого общества. В этих условиях актуализируются вопросы о новых ориентирах развития науки и подготовки специалистов, отвечающих нуждам и требованиям рыночных механизмов.

Рыночная экономика требовала выработки новых концепций и продуманных программ организации и координации научной деятельности и оптимизации системы образования в республике. Настала необходимость провести аналитическую инвентаризацию научного потенциала, дать объективную оценку реальному уровню науки и основным ее направлениям в республике. Целью такого анализа явилось обеспечение консолидации научных сил и возможностей с приданием им практически-целевого назначения в сторону развития республики и обеспечения успешной адаптации ее к условиям рыночных отношений.

Дагестану следовало бы выработать собственную научно-образовательную политику, определить новые социальные заказы на целевые научные результаты и на подготовку специалистов высшей квалификации.

Литература

1. Дагестан: 2001 : стат. сб. / Госкомстат РД. Махачкала, 2002.
2. Вузовские вести. 1999. № 8. С. 7.
3. Вопросы статистики. 1999. № 1. С. 45.
4. Развитие образования в России : федеральная программа. М., 1993.
5. Проблемы развития науки и высшего образования в Дагестане в условиях рыночной экономики / отв. ред. З.А. Астемиров. Махачкала, 1992.

References

1. *Dagestan: 2001* [Dagestan: 2001]. Stat. col. Goskomstat RD. Makhachkala, 2002.
2. *Vuzovskie vesti*. 1999, no. 8, p. 7.
3. *Voprosy statistiki*. 1999, no. 1, p. 45.
4. *Razvitie obrazovaniya v Rossii* : federal'naya programma [Development of Education in Russia: Federal Program]. Moscow, 1993.
5. *Problemy razvitiya nauki i vysshego obrazovaniya v Dagestane v usloviyakh rynochnoi ekonomiki* [Problems of Development of Science and Higher Education in Dagestan in the Conditions of Market Economy]. Ed. Z.A. Astemirov. Makhachkala, 1992.

Поступила в редакцию / Received ***14 ноября 2016 г. / November 14, 2016***

УДК 947.9(470.6)+002.(470.6) DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-37-40

О СТАНОВЛЕНИИ ПОЛИГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ЧЕРКЕССКОГО ОБЛАСТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА (1928–1940)

© 2016 г. А.Х. Курмансеитова

THE FORMATION OF PRINTING BASE CHERKES REGIONAL NATIONAL PUBLISHERS (1928-1940)

A.H. Kurmanseitova

Курмансеитова Аминат Хасановна –
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник, отдел этнографии КЧР,
Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований,
ул. Ленина, 17, г. Черкесск, КЧР, 369000.
E-mail: akseit@yandex.ru

Aminat H. Kurmanseitova –
Candidate of History, Senior Researcher,
Department of Ethnography KCHR,
Karachay-Cherkes Institute
for Humanities Research,
Lenina St., 17, Cherkessk, KCHR, 369000, Russia.
E-mail: akseit@yandex.ru

Полиграфическая база национального издательства Черкесской автономной области была основана на базе типографии Баталпашинского района. Из-за отсутствия необходимого оборудования в типографии и специалистов в области полиграфического производства книжное дело народов Черкесской автономной области развивалось слабо. Впоследствии площадь типографии была расширена, установлены линотип и цинкография, приобретен необходимый набор шрифтов. В годы культурного строительства Черкесская областная типография, несмотря на слабую полиграфическую базу и отсутствие квалифицированных кадров, выпустила достаточно большой объем книжной продукции на языках местных народов.

Ключевые слова: *Баталпашинская типография, кириллица, латиница, национальная книга, Черкесская областная типография, Черкесское областное издательство.*

Printing base of national publishing Cherkess Autonomous Region was developed on the basis of the printing of Batalpashinsk area. Due to lack of printing equipment and specialists in the field of printing industry the book business of Cherkess Autonomous Region peoples was developing poorly. Subsequently, the printing area was extended and installed linotype zincography, equipped with the necessary fonts. The author found out that during the cultural construction the Circassian regional printing house dispitee of weak printing base and lack of skilled workers managed to release large amount of books in languages of indigenous people.

Keywords: *Batalpashinsk typography, Cyrillic, Latin, national book, Cherkess regional printing house, Cherkess regional publishing.*

Становление полиграфической базы Черкесской областной типографии в годы культурного строительства до сих пор не являлось предметом специального исследования. Руководители Северо-Кавказского отделения Центриздата У. Алиев [1, с. 48] и А. Тлюняев [2, с. 44] отмечают слабую материально-техническую базу типографий в горских областях Северного Кавказа. Однако в их публикациях отсутствуют сведения непосредственно о полиграфической базе Черкесской областной типографии. Сегодня известны лишь статьи «Получен проект издательства» [3] и «Утвержден проект строительства типографии» [4], в которых сообщается о предполагаемом строительстве Черкесской областной типографии.

Нами использованы документы из Государственного архива Карачаево-Черкесской Республики и его филиала «Центр документации новейшей истории» (г. Черкесск). В большинстве случаев в них приведены фамилии без инициалов. Следовательно, и в статье инициалы указываются только тогда, когда они имеются в документе.

Карачаево-Черкесская автономная область была упразднена 26 апреля 1926 г. постановлением ВЦИК и созданы Карачаевская автономная область и Черкесский национальный округ, который 30 апреля 1928 г. преобразован в Черкесскую автономную область. В ней не было издательства и собственной типографии. С открытием в г. Нальчике Кабардино-Балкарского издательства учебники для

черкесских школ и литература по другим отраслям знаний поступали из Кабардино-Балкарии. Однако литературой на родном языке черкесское население полностью не обеспечивалось. Руководство Черкесского обкома партии было вынуждено поставить вопрос об организации книжного дела в области. 5 сентября 1928 г. секретариатом Северо-Кавказского крайкома партии принято постановление «Об организации национального издательства в Черкесской автономной области» [5, л. 324]. Но так как в области не было типографии, оснащенной полиграфическим оборудованием, было принято решение использовать типографию Баталпашинского района.

21 сентября 1928 г. на бюро Черкесского обкома ВКП(б) принято постановление «О типографии» [5, л. 340–341]. Дано поручение фракции облисполкома обратиться в Орджоникидзевский крайисполкомом с ходатайством о передаче типографии Баталпашинского района в ведение Черкесской автономной области (ЧАО). Предполагалось просить крайком ВКП(б) поддержать это ходатайство. Однако данный вопрос не был решен своевременно, переписка о передаче Баталпашинской типографии в собственность Черкесской автономной области продолжалась длительное время.

В соответствии с постановлением «Об издательской деятельности» (6 декабря 1928 г.) бюро Черкесского обкома ВКП(б) обращается с ходатайством в Баталпашинский райком ВКП(б) «ускорить разрешение вопроса о передаче типографии Бат[аталпашинского] района в распоряжение Черкесской области» [5, л. 471]. После продолжительной переписки руководства Черкесской автономной области с Северо-Кавказским крайкомом и крайисполкомом типография Баталпашинского района стала собственностью Чероблнациздата. Следует отметить, что типография располагалась в старом здании, имела маленькую площадь и низкие производственные мощности.

С первых дней работы издательство испытывало трудности, так как в типографии было старое оборудование и не хватало специалистов в области полиграфического производства. 3 сентября 1929 г. поставлен вопрос о расширении и капитальном вложении средств на переоборудование типографии. Однако она так и не была полностью оснащена необходимым оборудованием.

В связи с переходом на латинскую графику типографию необходимо было обеспечить латинским шрифтом и пишущими машинками. Центральный комитет Нового алфавита выделил Чероблнациздату 3 пишущие машинки с кабардинским шрифтом [6, л. 57]. Тем не менее типография постоянно испытывала недостаток латинского шрифта. Руководство области для приобретения необходимого количества шрифта на латинице и типографского оборудования направило заявку в Москву через представительство во ВЦИКе [7, л. 34]. Однако данный заказ не был выполнен.

Изначально издательство и типография не имели специального здания, приспособленного для выпуска книжной продукции. 19 марта 1931 г. на бюро Черкесского обкома ВКП(б) принято специальное постановление «О Чернациздательстве» [8, л. 117]. В документе отмечено, что для осуществления основных задач издательством, надо построить главный корпус издательства с одновременным техническим оборудованием типографии, принципиально установив место нахождения Чероблнациздата в Баталпашинске (ныне г. Черкесск). Предполагалось закрепить за издательством здание типографии и обязать фракцию ВКП(б) Черкесского облисполкома оформить отведение всех строений за областным издательством, находящихся на территории типографии. Партийной части издательства поручено обеспечить и ускорить получение средств на достройку здания издательства, утвержденных краем по «промфинплану» на 1930/1931 финансовый год. Рекомендовано просить отдел культуры и пропаганды крайкома ВКП(б) и партийную часть Крайнациздата оказать содействие в разрешении данного вопроса. Фракция ВКП(б) Черкесского облисполкома, парт[ийная] часть издательства и «Чероблстройконторы» должны были провести мероприятия для достройки и переоборудования национального издательства. В связи с отсутствием материальных средств реализовать данный проект Черкесского обкома ВКП(б) в полном объеме не удалось.

В 1938 г. реформа письменности народов Черкесской автономной области в связи с переходом на славянский шрифт предполагала модернизацию типографии для издания национальной литературы на кириллице, однако типография не была обеспечена шрифтами на кириллице в необходимом количестве. Для модернизации типографии была составлена смета и принято решение ходатайствовать перед Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) о дополнительном ассигновании в размере 121 тыс. р. В связи с тем что техническое оснащение Черкесской областной типографии не было проведено своевременно, выпуск книг на национальных языках осуществлялся с большими трудностями. Из-за отсут-

ствия в типографии полиграфического оборудования Чероблнациздат заказы на обложки книг размещал в типографиях Пятигорска и Ставрополя.

21 июня 1939 г. бюро Черкесского обкома ВКП(б) обязало заведующего Чероблнациздатом [Х.] Гашокова и директора типографии Григорьева немедленно принять меры к обеспечению типографии силовой и световой электроэнергией и организовать бесперебойную работу типографии по выпуску учебной и социально-политической литературы [9, л. 181]. Из-за маломощности городской электростанции типография не была обеспечена в полном объеме электроэнергией.

Черкесская областная типография печатала газеты и книжную продукцию на черкесском, ногайском, абазинском и русском языках. Однако ее производственная мощность была слабой и не обеспечивала своевременный выход в свет периодических изданий и национальной литературы. В связи с этим в 1940 г. бюро Черкесского обкома ВКП(б) обратилось с просьбой в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разрешить купить стационарную цинкографию и включить в разнарядку на приобретение необходимого оборудования [10, л. 32]. Черкесский облисполком был обязан изыскать 25 тыс. р. на покупку цинкографии. В 1940 г. типография производственный план по выпуску литературы выполнила лишь на 80 %.

Директор типографии Громак создавшуюся ситуацию с невыполнением производственного плана объяснил так: «80 % выполнения плана типографией является неудовлетворительным. Выпуск учебников на национальных языках не выполнили. Причина невыполнения – это отсутствие квалифицированных кадров, особенно национальных. В результате отсутствия квалифицированных кадров, мы имеем низкое качество выпускаемой продукции. Мы послали одного товарища в Ленинград на линотиписта и готовим некоторых специалистов здесь на месте. Из-за недостатка бумаги мы были вынуждены производить окраску макулатуры и таким образом выходим из создавшегося положения. Для типографии также нужна электроэнергия, которую мы должны получить от гор[одской] электростанции. Необходимо решить вопрос с помещением типографии. Надо существующие помещения передать типографии, чтобы можно было ее расширить» [11, л. 116–117].

Несмотря на то, что в типографии были установлены два линотипа и ручной наборный цех, отсутствие специалистов мешало использовать имеющиеся мощности в полном объеме. 7 мая 1940 г. на бюро Черкесского обкома ВКП(б) принято постановление «О работе национального издательства и типографии» [9, л. 180]. В документе указано, что для обеспечения бесперебойной работы типографии по выпуску учебной и социально-политической литературы, обязать председателя городского Совета Гончарова предоставить издательству дополнительное помещение для размещения переплетного цеха типографии и аппарата издательства, а также обеспечить жилплощадью рабочих, не имеющих до сих пор квартир. Поручено обязать областное издательство форсировать окончание проекта по строительству новой типографии. Рекомендовано партийной группе облисполкома ускорить разрешение вопроса об отпуске областному издательству дополнительных средств на проектно-сметные работы по строительству новой типографии. Данное решение руководства Черкесской автономной области по обеспечению типографии производственными помещениями и жильем работников типографии не было выполнено. В 1940 г. при обсуждении работы областного издательства и типографии было выявлено, что производственные площади типографии не соответствуют нормам, полиграфическая база слабая. Несмотря на то, что проектно-сметные работы по строительству новой типографии были в стадии завершения, но ввиду отсутствия средств к строительству типографии не приступили.

В 1930-х гг. руководством Черкесской автономной области предпринимался ряд мер по формированию квалифицированного штата специалистов для работы в областной типографии. 14 мая 1932 г. на бюро Черкесского обкома партии принято постановление «О состоянии работы областного издательства и редакции газеты “Черкес Плиж”» [12, л. 223]. В документе отмечено невыполнение фракцией горсовета директив обкома ВКП(б) «Об улучшении материального положения рабочих типографии и снабжении их продуктами питания». Фракции горсовета поручено решить вопрос о нормальном плановом снабжении рабочих типографии продуктами питания первой необходимости и обеспечении их коммунальными квартирами.

Северо-Кавказским крайисполкомом 14 марта 1932 г. принято постановление «Об организации краевой полиграфической школы ФЗУ на базе полиграфии при Адыгейском областном национальном издательстве» [13, л. 19]. Предполагалось расширить контингент учащихся Адыгейской национальной полиграфической школы до 120 человек, возложив на неё подготовку полиграфистов для

всех национальных областей края. Черкесской автономной области было выделено 10 мест, сведений об обучении местных жителей в данной школе не выявлено.

Неоднократно предпринимались меры подготовить полиграфистов из среды местных народов, для чего набирали учеников в типографию. В 1929 г. на бюро Северо-Кавказским крайкома ВКП(б) принято постановление «Об итогах книгоиздательской работы на горских языках на Сев[ерном] Кавказе за три года и перспективы». В документе отмечено, что, придавая большое значение необходимости подготовки национального ученичества при типографиях на местах поручить предусмотреть в бюджете средства для их содержания. В 1934–1935 гг. в Черкесской областной типографии «обучали трех наборщиков и четырех переплетчиков» [14, л. 55].

В 1938 г. из-за отсутствия наборщиков в Черкесской областной типографии учебники для национальных школ не были изданы к началу учебного года [15, л. 101]. Для решения данной проблемы было принято постановление о наборе учеников (наборщиков) – черкесов, абазинцев и ногайцев.

Областная типография Чероблнациздата в годы культурного строительства не была оснащена современным полиграфическим оборудованием и не укомплектована квалифицированными специалистами. В то же время следует отметить, что именно в годы культурного строительства Чероблнациздат выпустил наибольший объем книжной продукции на черкесском, ногайском и абазинском языках. В последующие годы показатели выпуска национальной книги на языках местных народов были гораздо ниже.

Литература

1. *Алиев У.* Книгоиздательское дело на национальных языках Северного Кавказа // Революция и горец. 1928. № 2. С. 45–49.

2. *Тлюняев А.* Новые задачи издательского дела в связи с постановлением ЦК о реорганизации национального книгоиздания // Революция и горец. 1931. № 9. С. 39–46.

3. Получен проект издательства // Красная Черкесия. 1939. 12 мая.

4. Утвержден проект строительства типографии // Красная Черкесия. 1939. 4 июля.

5. Центр документации новейшей истории Карачаево-Черкесской Республики (ЦДНИ КЧР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 29.

6. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (ГА КЧР). Ф. Р-14. Оп. 1. 1935–1936 гг. Д. 43.

7. ЦДНИ КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32.

8. ЦДНИ КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41.

9. ЦДНИ КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106.

10. ЦДНИ КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112 а.

11. ЦДНИ КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 113 в.

12. ЦДНИ КЧР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50.

13. ГА КЧР. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 75.

14. Государственный архив Республики Дагестан. Ф. Р-511. Оп. 4. Д. 2.

15. ЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 100.

References

1. Aliev U. Knigoizdatel'skoe delo na natsional'nykh yazykakh Severnogo Kavkaza [Book Publishing in National Languages of the Northern Caucasus]. *Revolyutsiya i gorets.* 1928, no. 2, pp. 45-49.

2. Tlyunyaev A. Novye zadachi izdatel'skogo dela v svyazi s postanovleniem TsK o reorganizatsii natsional'nogo knigoizdaniya [New Challenges of Publishing in Connection with the Decision of the Central Committee of the Reorganization of the National Book Publishing]. *Revolyutsiya i gorets.* 1931, no. 9, pp. 39-46.

3. Poluchen proekt izdatel'stva [Publishing Project Was Received]. *Krasnaya Cherkesiya*. 1939, May 12.

4. Utverzhden proekt stroitel'stva tipografii [Project of Construction the Printing House Was Approved]. *Krasnaya Cherkesiya*. 1939, July 4.

5. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki (TsDNIKChR)* [Center of the Modern History Documentation of the Karachay-Cherkessian Republic (CMHDKCR)]. Fund 1. In. 1. File 29.

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Karachaevo-Cherkesskoi Respubliki (GAKChR)* [State Archive of the Karachay-Cherkessian Republic (SAKCR)]. Fund R.-14. In. 1. 1935-1936. File 43.

7. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 32.

8. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 41.

9. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 106.

10. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 112a.

11. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 113c.

12. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 50.

13. *GAKChR* [SAKCR]. Fund R-307. In. 1. File 75.

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan* [State Archive of Dagestan Republic]. Fund R-511. In. 4. File 2.

15. *TsDNIKChR* [CMHDKCR]. Fund 1. In. 1. File 100.

Поступила в редакцию / Received ***9 сентября 2016 г. / September 9, 2016***

УДК 94(470) DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-41-46

ВЛАСТЬ И СЕЛЬСКО-ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

© 2016 г. М.А. Пономарева

TO THE PROBLEM OF RELATIONSHIP BETWEEN THE GOVERNMENT AND RURAL AND URBAN COMMUNITIES IN THE CONTEXT OF THE CONDITIONS FORMATION FOR DEVELOPMENT OF POST-URBAN SETTLEMENTS IN THE MODERN HISTORY OF RUSSIA

M.A. Ponomareva

Пономарева Мария Александровна –
кандидат исторических наук, доцент,
Институт истории и международных отношений
Южного федерального университета,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082.
E-mail: ponomariya@sfedu.ru

Maria A. Ponomareva –
Candidate of History, Associate Professor,
Institute of History and International Relations
of the Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: ponomariya@sfedu.ru

Рассматриваются особенности взаимоотношений между властью и обществом в контексте процессов формирования постурбанистических поселений в России. Сравниваются новейшие взгляды российских и зарубежных исследователей, выявляются основные методологические подходы к изучению данного вопроса. Уделяется внимание положениям концепций новой локальной истории, длительности исторического развития, маргинального человека. Отмечается этап формирования особенностей, обоюдных практик, правовых границ взаимоотношений, их зависимость от степени влияния на обе стороны сложившихся традиций и представлений в конкретных исторических условиях.

Ключевые слова: *органы государственной власти России, новейшая история России, сельско-городские сообщества, постурбанистические поселения, новая локальная история, социально-экономическое развитие.*

This article is about features of the relationship between government and society in the context of processes of post-urban settlements formation in Russia. The author compares the latest views of Russian and foreign researchers, identifies the main methodological approaches to the study of this issue. Most attention is paid to the provisions of the concept of a new local history, duration historical development, marginal man. The article refers to the stage of formation characteristics, common practices, the legal boundaries of the relationship, and their dependence on the degree of influence on both sides of the traditions and views in specific historical conditions.

Keywords: *public authorities of Russia, the modern history of Russia, a rural-urban community, post-urban settlement, a new local history, socio-economic development.*

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года», на 01.01.2015 г. в нашей стране в сельской местности насчитывалось 20,2 тыс. муниципальных образований, в том числе 1,8 тыс. муниципальных районов и 18,4 тыс. сельских поселений, объединяющих 153 тыс. сельских населенных пунктов. В среднем на один муниципальный район приходилось примерно 10 сельских поселений, 84 сельских населенных пункта и 31,5 тыс. жителей, а на одно сельское поселение – около 8 сельских населенных пунктов и 1835 жителей. Более половины сельских поселений имели число жителей от 500 до 2000 чел., а 25 % сельских поселений – 2000 чел. и более. По этим же сведениям, жители малочисленных поселений вынуждены самостоятельно решать возникаю-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, № 15-02-00444.

щие перед ними вопросы социально-экономического развития, не обладали финансовыми и кадровыми ресурсами. В связи с этим практически единственным фактором, гарантирующим выживание, оставалось налаживание взаимоотношений с органами государственной власти. При этом участие жителей в принятии решений по-прежнему было неэффективным [1]. В особенности данная проблема касается сельско-городских сообществ, поскольку она осложняется психологическим настроем конкретных жителей подобного рода поселений, отличным от общепринятого взглядом на свое место в системе административно-территориального управления.

В новейшей истории России появляются постурбанистические поселения нового типа, которые можно классифицировать на несколько видов, исходя из самоидентификации их жителей: неоязыческие поселения, родовые поместья, этнические поселения, коммуны. Особенности взаимоотношений между органами власти и сельско-городскими сообществами определяются рядом факторов, в частности, наличием исторических традиций, характерных для той или иной местности проживания, степени укорененности исторических мифов в сознании конкретного сообщества, социально-культурными особенностями развития региона в целом.

В рамках новейшей истории России складываются методологические подходы к изучению взаимоотношений между органами власти и обществом в контексте развития постурбанистических форм поселений. В первую очередь это идея «longue duree», ориентирующая на изучение факторов, влияющих на историческое развитие России в контексте «долгой длительности», отложенных перспектив [2]. Для выявления особенностей взаимоотношений между такими новыми институтами, как постурбанистические поселения, и органами власти необходимо обратиться также к основным идеям концепции «новой локальной истории». Она позволяет изучить данный аспект с точки зрения общероссийской истории и одновременно с позиций междисциплинарного подхода через использование методов, накопленных в гуманитарных науках в течение XX–XXI вв. С помощью концепции «новой локальной истории» можно рассмотреть уникальные проявления, свойственные конкретным регионам, процессам [3]. Данный подход позволяет проследить восприятие мира как жителями, так и представителями властных элит с точки зрения разделения на «свое» и «чужое», отделив понятия «своего» и «чужого» места [4].

Концептуальным основанием для интерпретации причин, особенностей и тенденций развития постурбанистических форм жизнедеятельности считаются теории «чужака» Г. Зиммеля [5]. В целом данные подходы можно свести к единой идее о маргинальном горожанине, характерными чертами которого являются: деконструкция как ценностно-смысловой картины мира, так и исторически сложившихся универсальных категорий (Бог, смысл, истина); неустойчивость самоопределения личности; кризис социальности и идентичности, ограничения включенности в городское развитие [6].

Важнейшим подходом к изучению заявленной проблемы является типологизация так называемой обратной миграции: эксурбанизация, ложная урбанизация, антиурбанизация. Исследователи поднимают проблемы локализации сообществ, отрицающих влияние данных факторов на жизнь конкретного человека. Интересным направлением научного анализа становится изучение «перехода», «выхода из города», создания и развития устойчивых местных сообществ для решения этих проблем. В противовес городу, который рассматривается как «локальная ловушка», постурбанистические сообщества выступают базой для дальнейшей государственной модернизации [7].

Н.Е. Покровский и его последователи на примере сельско-городских сообществ Ближнего Севера России сделали вывод, согласно которому на процесс их формирования влияет как личностный фактор (неустроенность жизни, осознание опасности для здоровья, семьи и т.п.), так и государственная политика [8]. Группа «Циркон» в ходе одного из последних своих исследований сделала вывод о том, что государство в лице центральных и местных властных элит представляет себя главным противником развития постурбанистических поселений, поскольку видит в их жителях радикально настроенную силу, направленную против сохранения сложившегося порядка [9].

В современной историографии процесс развития взаимоотношений между властью и обществом рассматривается в первую очередь как один из аспектов процессов урбанизации и постурбанизации. В 2011 г. европейские ученые провели исследование процесса урбанизации на основе репрезентативной выборки из 30 городов. Анализ показал, что 28 из них в течение XX в. увеличились более чем в 16 раз. В целом города расширяются в среднем в два раза быстрее темпов роста населения и в настоящее время охватывают почти 0,5 % населения суши планеты. Исследователи создали новый набор

данных, включающий все 3646 названий столичных агломераций и городов мира, которые имели население свыше 100 тыс. чел. в 2000 г., и данные об их площади. Полученные результаты были определены в мобильную карту. Используя этот набор данных, авторы оценили потенциал развития земель в небольших городах и поселках во всех странах и пересчитали данные в сравнении с количеством всего городского наземного покрова в каждой стране в 2000 г. В итоге были получены модели множественной регрессии, которые могут объяснить более 90 % вариаций развития городских земель. Затем, используя данные ООН о прогнозах развития городского населения, исторические исследования изменения плотности населения в каждой стране, ученые спрогнозировали структурные изменения городского развития в каждой стране и регионе мира с 2000 по 2050 г. в новых постиндустриальных условиях [10].

Изучению постурбанизационного этапа развития постиндустриальных городов посвящен целый ряд работ, в том числе одна из последних статей А. Соренсена в журнале «Города». Автор предлагает процесс постурбанизации понимать как условный и динамичный фактор местных институционализаций. Он отмечает, что ключевым направлением исследований должно быть изучение трансформационных и генерирующих аспектов данного процесса, а также факторов, его формирующих. Отмечая, что формирование новых форм постурбанистического жизнеустройства сельско-городских сообществ происходит в момент институциональной открытости, когда изменяются существующие ранее правила землепользования и учреждений, автор в качестве характерной особенности выделяет конкуренцию за городское пространство и создание новых институтов, инфраструктур и отношений власти. Предлагает рассмотреть постурбанизацию не просто как освоение земель, но и как место решений и процесс институционального строительства, в ходе которого формируются матрицы новых институтов, имеющих зачастую долговременные последствия. Это наложение новых институциональных структур на уже существующие на местах механизмы и институты сильно варьируется в зависимости от уровня развития городского общежития в конкретных странах, разных местах, и вырабатывает условные наборы возможностей, которые имеют долгосрочные последствия для постурбанистических форм жизнеустройства [11].

В связи с этим важнейшую роль приобретает изучение процесса реализации взаимоотношений между постурбанистическими поселениями и органами власти в постсоветской России. Отличительной чертой данного этапа является постепенное складывание условий для формирования и развития постурбанистических поселений. Так, еще в 2010 г. в Минэкономразвития РФ поступило обращение от группы жителей Свердловской области с просьбой рассмотреть возможность предоставления каждому гражданину бесплатного земельного участка в собственность для создания родового поместья. В ответном письме Минэкономразвития РФ от 01.10.2010 г. № Д23-3946 «О бесплатном предоставлении гражданам земельных участков в частную собственность, в том числе в Свердловской области» значилось, что «исходя из основных принципов земельного законодательства, основания бесплатного предоставления гражданам земельных участков в частную собственность должны носить характер мотивированного исключения для отдельных групп граждан, а не общего правила. Кроме того, предоставление земельных участков в любом регионе по требованию заявителя приведет к злоупотреблениям со стороны граждан, желающих приобрести бесплатно земельный участок в самых густонаселенных регионах, где стоимость земельных участков наиболее высокая» [12]. Аналогичные письма были направлены в Минэкономразвития РФ и в 2011 г. от лица жителей Республики Башкортостан, Кировской и Ленинградской областей. Однако инициативы имели аналогичное завершение [13–15].

В 2014 г. рядом депутатов на рассмотрение Государственной Думы ФС РФ был представлен паспорт проекта Федерального закона № 555205-6 «О Родовых поместьях и Родовых поселениях в Российской Федерации» [16]. В соответствующей пояснительной записке отмечалось, что законопроект разработан с целью защиты прав и законных интересов граждан, желающих создавать и развивать родовые поместья в России. В настоящий момент уже существуют тысячи таких поместий, объединенных в более чем 200 агломераций. При этом граждане получат возможность беспрепятственно реализовывать модель построения и организации населенных пунктов и сельских поселений, а также социально-бытовой сферы, соответствующую их мировоззрению. С другой стороны, реализация данного закона не потребует дополнительных расходов из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации, местных бюджетов и бюджетов государственных внебюджетных фондов, но будет способствовать увеличению числа сельских

жителей и объема производимой в стране сельхозпродукции. Тем не менее комиссия, которая оценивала данный проект, его отклонила, поскольку отметила, что создание в такой большой стране, как Россия нового особого уклада земельных отношений не имеет социально-экономической целесообразности расходов. Возрождаемый социальный тип – помещик – скорее всего, не будет обременять себя капитальными вложениями в свое поместье [16].

Данный вопрос был решен только в 2016 г. В соответствии с принятым Федеральным законом гражданину на основании его заявления однократно может быть предоставлен в безвозмездное пользование земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности и расположенный на территории одного из субъектов Дальневосточного федерального округа, площадь которого не превышает одного гектара. Согласно ст. 3 данного закона, высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Дальневосточного федерального округа по согласованию с федеральным органом исполнительной власти вправе определить территории, в границах которых земельные участки не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование.

В проекте «Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» важное место отводилось развитию микрофинансирования в сельской местности, включая сельскую кооперацию. Отмечалось, что организационная поддержка будет оказываться посредством взаимодействия Минсельхоза России с союзами (ассоциациями) и саморегулируемыми организациями участников финансового рынка. Органы местного самоуправления при этом должны были иметь возможность самостоятельно или во взаимодействии с органами государственной власти субъектов РФ осуществлять исполнение закрепленных за ними полномочий по вопросам местного значения, в том числе связанных с предоставлением муниципальных услуг, развитием жилищной инфраструктуры, инженерно-коммунальной инфраструктуры, благоустройством поселений, развитием дорожно-транспортной инфраструктуры, эффективной реализацией кадровой, демографической и молодежной политики [17]. Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года была принята в 2015 г. Она определяет термин «сельские поселения» как «один или несколько объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления» [1]. Кроме того, до 1 июня 2016 г. органы местного самоуправления городских округов, муниципальных районов, расположенные на указанных территориях, обязаны обеспечить опубликование уведомлений о наличии у них прав (обременений прав) на земельные участки и (или) на расположенные на таких земельных участках объекты недвижимости в случае, если сведения о правах (обременениях прав) на земельные участки не внесены в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним, а также обеспечить размещение информации на официальном сайте органа местного самоуправления городского округа, органа местного самоуправления муниципального района [18].

Таким образом, в новейшей истории России идет процесс формирования новых взаимоотношений между властью и обществом, связанный с появлением так называемых постурбанистических поселений, среди которых наибольший вес имеют сообщества неоязыческих, родовых, этнических, коммунарных поселений. Постурбанистические поселения на сегодняшний момент определяют новый тип социального устройства, что приводит к изменению основных направлений взаимоотношений между различными уровнями власти, органами управления и обществом, между жителями региона и сельско-городскими сообществами. Разработка проектов закона по выделению земли для создания родовых поместий явилась наглядным примером процесса возрождения в России такого социального слоя, как помещик, и формирования в связи с этим новых социальных отношений.

В современной историографии поставлен вопрос о формировании методологических основ изучения подобного рода взаимоотношений. На данный момент изучение вопроса носит преимущественно междисциплинарный характер, историко-методологические подходы находятся в фазе наращивания исследовательского объема. Важное значение имеют идеи концепции «новой локальной истории», позволяющей рассмотреть постурбанистические поселения как исторически сложившееся локальное сообщество, обладающее собственным мифотворчеством, пониманием границ отделения себя от внешних факторов в виде государственных структур. Кроме того, для изучения вопросов о взаимоотношениях между органами власти и сельско-городскими сообществами нового типа необхо-

димо обратиться к тезису о «длительности» исторического развития, в рамках которого власть и общество предстают в качестве участников отложенного на перспективу исторического процесса. Взаимоотношения между указанными сторонами на практике в новейшей истории России находятся в стадии их формирования и заключаются в установлении обоюдных практик, позволяющих определить границы и условия подобного рода взаимодействия.

Литература

1. СЗ РФ. 2015. № 6. Ст. 1014.
2. Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2005. 192 с.
3. *Маловичко С.И., Булыгина Т.А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1 : материалы первой Всерос. интернет-конференции. Ставрополь, 2003. С. 6–7.
4. *Лотман Ю.М.* Понятие границы // Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 174.
5. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос: философско-литературный журнал. 2000. № 3-4. С. 23–30.
6. *Заковоротная М.В.* Информационные технологии: индивидуализм и тотальность (социально-психологические аспекты) // Человек и город : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 91–93.
7. *Anneleen K., Erik M.* Depoliticising the local: The case of the Transition Towns movement in Flanders (Belgium) // Journal of Rural Studies. 2014. № 34. P. 172–183.
8. *Покровский Н.Е., Нефедова Т.Г.* Угорский проект – перспективы развития Ближнего Севера // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5 (111). С. 185–196.
9. *Задорин И.В., Мальцева Д.В., Хомякова А.П., Шубина Л.В.* Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. 2014. № 2. С. 64–77.
10. *Angel S., Parent J., Civco D.L., Blei A., Potere D.* The dimensions of global urban expansion: Estimates and projections for all countries, 2000–2050 // Progress in Planning. 2011. Vol. 75, Iss. 2. P. 53–107.
11. *Sorensen A.* Periurbanization as the institutionalization of place: The case of Japan // Cities. 2015. Vol. 52. P. 1–7.
12. URL: http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req= doc;base=QUEST;n=90611 (дата обращения: 12.11.2016).
13. URL: http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=97778 (дата обращения: 12.11.2016).
14. URL: http:// www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=101299#0 (дата обращения: 12.11.2016).
15. URL: http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=105228 (дата обращения: 12.11.2016).
16. URL: http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=120253 (дата обращения: 12.11.2016).
17. URL: http://regulation.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2016).
18. СЗ РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.

References

1. *SZ RF*. 2015, no. 6, art. 1014.
2. *Konfliktogennye faktory na Yuge Rossii: Metodologiya issledovaniya i sotsial'nye realii* [Conflict Factor in the South of Russia: Research Methodology and Social Realities]. Ed. V.V. Chernous. Rostov-on-Don, 2005, 192 p.
3. Malovichko S.I., Bulygina T.A. [Modern Historical Science and Study of Local History]. *Novaya lokal'naya istoriya* [New Local History]. Proceedings of first all Russia Internet Conference. Stavropol, 2003, vol. 1, pp. 6-7.
4. Lotman Yu.M. [The Concept of the Border]. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow, 1996, p. 174.
5. Zimmel' G. Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn' [Big Cities and Spiritual Life]. *Logos: filosofsko-literaturnyi zhurnal*. 2000, no. 3-4, pp. 23-30.
6. Zakovorotnaya M.V. [Information Technology: Individualism and Totality (the socio-psychological aspects)]. *Chelovek i gorod* [Human and City]. In 2 vol. Moscow, 2000, vol. 1, pp. 91-93.
7. Anneleen K., Erik M. Depoliticising the local: The case of the Transition Towns movement in Flanders (Belgium). *Journal of Rural Studies.* 2014, no. 34, pp. 172-183.
8. Pokrovskii N.E., Nefedova T.G. Ugorskii proekt - perspektivy razvitiya Blizhnego Severa [Ugric project - the Prospects of the North]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 2012, no. 5 (111), pp. 185-196.
9. Zadorin I.V., Mal'tseva D.V., Khomyakova A.P., Shubina L.V. Al'ternativnye sel'skie poseleniya v Rossii: stikhiinaya vnutrennyaya emigratsiya ili osoznannyi transfer v budushchee [Alternative Rural Settlements in Russia: Spontaneous Domestic Migration or Deliberate Transfer to the Future]. *Labirint.* 2014, no. 2, pp. 64-77.

10. Angel S., Parent J., Civco D.L., Blei A., Potere D. The dimensions of global urban expansion: Estimates and projections for all countries, 2000–2050. *Progress in Planning*. 2011, vol. 75, no. 2, pp. 53-107.

11. Sorensen A. Periurbanization as the institutionalization of place: The case of Japan. *Cities*. 2015, vol. 52, pp. 1-7.

12. Available at: http://base.consultant.ru/cons/ cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=90611 (accessed 12.11.2016).

13. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=97778 (accessed 12.11.2016).

14. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=101299#0 (accessed 12.11.2016).

15. Available at: http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=QUEST;n=105228 (accessed 12.11.2016).

16. Available at: http:// base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=120253 (accessed 12.11.2016).

17. Available at: http://regulation.gov.ru/ (accessed 12.11.2016).

18. *SZ RF*. 2016, no. 18, art. 2495.

Поступила в редакцию / Received ***8 ноября 2016 г. / November 8, 2016***

УДК 94(612) DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-47-50

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ «ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ТЕОРИИ» М. КАДДАФИ И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЛИВИИ НА РУБЕЖЕ 70–80-Х ГОДОВ XX ВЕКА

© 2016 г. О.Н. Попенков

IDEOLOGICAL ASPECTS OF THE “THIRD WORLD THEORY” GADDAFI AND REVOLUTIONARY TRANSFORMATION IN LIBYA AT THE TURN OF 70-80-IES OF THE XX-TH CENTURY

O.N. Popenkov

Попенков Олег Николаевич –
почетный академик Европейской академии естественных наук, помощник ректора,
Воронежский государственный университет,
Университетская площадь, 1, г. Воронеж, 394018.
E-mail: fnagrada@list.ru

Oleg N. Popenkov –
Honorary Academician of the European Academy of Natural Sciences, Assistant Rector,
Voronezh State University,
Universitetskaya Sq., 1, Voronezh, 394018, Russia.
E-mail: fnagrada@list.ru

Раскрываются основные положения «третьей мировой теории» М. Каддафи, примененные революционным командованием в качестве новой идеологии для политического и экономического строительства в Ливии на рубеже 70–80-х гг. XX в. Исследуются начатые в этот период ливийские реформы и результаты, к которым они привели; какое влияние оказал этот опыт государственного строительства на дальнейшее развитие внутренней ситуации в стране; какие уроки извлекла из реформ начального периода революции «аль-Фатех» революционная власть во главе с её лидером М. Каддафи.

Ключевые слова: *«третья мировая теория», революция «аль-Фатех», идеологическая платформа, российские радикал-революционеры, «Зелёная книга», «прямое народовластие».*

The article describes the main provisions of the «third world theory” Gaddafi, revolutionary command applied as a new ideology for political and economic development in Libya at the turn of 70-80-ies of the twentieth century. The author explores the Libyan reforms started in this period, and the results to which they led; what was the impact of this experience of state building on the further development of the internal situation in the country; what are the lessons learned from the reform of the initial period of the revolution of “al-Fateh” revolutionary government headed by its leader Gaddafi.

Keywords: *“third world theory”, the revolution of “al-Fateh”, the ideological platform of the Russian radical revolutionaries, “Green book”, the direct democracy.*

«Третья мировая теория» пути развития ливийского общества стала идеологической платформой революции «аль-Фатех» в Ливии. Однако сформулированная наспех, в условиях надвигающихся социальных потрясений, требовала уточнения и более тщательной проработки, так как содержала в себе многочисленные неясные, расплывчатые положения.

Каддафи, задумав собственную политическую модель страны, отличную от капиталистической и коммунистической идеи, изучил и проанализировал то, что было наработано в этой области до него. Читая западных авторов, он отверг их демократические модели государственного устройства, как неадекватные восточным реалиям. Но и восточные азиатские модели не вызывали у него особого интереса.

Разочаровавшись в отношении насеровского наследия в области строительства арабского социализма, уже в 70-е гг. XX в. Каддафи принялся изучать опыт русских радикал-революционеров. И если истоки социализма Каддафи следует искать в бедуинском племенном обществе, то прочтение теоретического наследия радикал-революционеров Российской империи подвигло ливийского лидера к дальнейшей разработке и детализации «третьей мировой теории». Исследование эволюции взглядов Каддафи и влияния на него российской радикал-революционной мысли достаточно подробно представил в своих трудах российский востоковед А.З. Егорин [1, 2].

В 1985 г. М. Каддафи впервые высказался в том смысле, что ливийская джамахирийская политическая система выстроена подобно системе советов в

СССР, а его «третья мировая теория» продолжает развитие идей марксизма и других социалистических учений [3, p. 8].

Представив свои идеи в «Зелёной книге», Каддафи на рубеже 70–80-х гг. XX в. приступил к их практической реализации, преодолевая феодальные отношения в ливийском обществе.

Суть изменений в политической системе Джамахирии состояла в том, что в новую политическую структуру, имеющую идеологические и юридические элементы – народные конгрессы, их секретариаты, народные бюро и пр., входили и такие, которые не имели правового оформления, но были элементами «прямого народовластия». Эта новая политическая структура революционных комитетов, управляемых революционным руководством, исполняла роль политической организации с некоторыми функциями политической партии.

Революционные комитеты играли идеологическую и организационную роль во всех сферах политической, социальной и экономической жизни страны, были проводниками в жизнь основных политических решений. Старыми структурами оставались административно-управленческий аппарат и армия, а также те, что пришли из традиционного ливийского общества, и хоть и в несколько изменённом виде были вписаны в институты «прямого народовластия».

Эта новая структура ливийского общества функционировала и в 80-е гг., отражая те процессы и тенденции, которые происходили в социально-экономической жизни страны.

Что касается армии, то она и после революции продолжала играть важную роль в политической жизни ливийского общества, несмотря на то, что напрямую не стала элементом создаваемой «джамахирийской системы».

Однако Каддафи предложил провести реорганизацию вооружённых сил страны, одновременно наделяя их новой функцией. Он возложил на ВС задачу по осуществлению всеобщей военной подготовки всего населения страны с целью «защиты завоеваний революции».

«В армии, – констатировал Каддафи, – нет коррупции, ливийские офицеры – это обычные и простые люди… Армия – это наследие прошлого, и она исчезнет, так как её существование противоречит принципам нового ливийского общества. Она будет заменена “вооружённым народом”» [4, p. 151].

Со стороны лидера ливийского руководства это было прямым посягательством на независимое положение армии, сил безопасности и полиции, на права командования этих структур, которые были не только опорой режима, но и основной силой, способной его свергнуть.

Но проведение реформирования в армии было крайне необходимо для Каддафи. Ненадёжность части офицерского состава ливийскому лидеру заставила его заняться реорганизацией этого важнейшего института государства. В 1988 г. Каддафи объявил о «роспуске классической армии и традиционной полиции» и образовании формирований «вооружённого народа» [5].

На самом деле виды вооружённых сил (сухопутные войска, ПВО, ВМС, ВВС) оставались нетронутыми отрядами «вооружённого народа», которые продолжали выполнять свои функции, только под непосредственным контролем ревкомов и «народного командования». Старую же гвардию заменили молодые кадры, для которых Каддафи создал особые условия.

«Третий мировой путь» развития Ливии в экономической сфере подразумевал развитие средств производства, накопление общественного фонда, общественное распределение средств, полное самообеспечение.

«Все законы, – заявил Каддафи, – будут пересмотрены в интересах рабочего человека, так как он основа производства, и он должен быть хозяином распределения общественных продуктов [6].

В соответствии с этой задачей в Ливии была развёрнута работа по регистрации всей недвижимости, находившейся в частных руках. Незарегистрированная же недвижимая собственность подлежала конфискации. Выяснялись размеры и источники частных вкладов ливийцев; был ограничен частный сектор – каждая семья могла иметь не более двух лицензий на торговлю. Развернулась кампания против «паразитов, живущих за счёт ливийского народа», затронувшая землевладельцев, домохозяев, владельцев средств транспорта, торговцев, перекупщиков, посредников и спекулянтов. Ливийский лидер явно стремился выйти на путь, альтернативный капитализму, только через всемерное развитие госсектора.

Однако нужно помнить, что в мире экономики существуют два рода частной собственности. Одна основывается на собственном труде производителя, другая – на эксплуатации чужого труда. Собственность же частника в буржуазном обществе по своей сути существует именно благодаря тому, что он вправе поступать с нею по своему усмотрению. При этом без всякого согласования с властями (государственными и муниципальными органами). Оттого иногда частная собственность владельца рассматривается в качестве альтернативы государственной и муниципальной собственности, как это и имело место в случае с Ливией времён Каддафи.

Вышеперечисленные крутые меры ливийского руководства по претворению в жизнь «экономической программы» вызвали негативную реакцию зажиточной части ливийского общества, представленной мелкой и средней буржуазией, которая увидела в радикализме Каддафи грядущий крах национального капитализма как такового. Каддафи прослыл «коммунистом, поддавшимся влиянию Москвы». Но революционное руководство Ливии не отступило от намеченных ею целей, стремясь уничтожить социальное неравенство в ливийском обществе.

Изменение степени социального неравенства в процессе истории исследовал в своих трудах известный социолог П. Сорокин. Опираясь на факты, он подверг критике гипотезу Парето, который считал, что степень экономического неравенства, доля богатых людей в составе любого населения – вещь постоянная [7, с. 315–316]. Он также опроверг высказывание Маркса о том, что в современном мире происходит процесс экономической дифференциации – богатые всё больше богатеют, а бедные всё больше беднеют, средний класс исчезает [7, с. 316–317].

Сравнив этапы развития общества с точки зрения царящего в нём неравенства, П. Сорокин сделал следующие выводы: в обществах охотников и собирателей растений неравенство проявляется в наименьшей степени; в садоводческих обществах наибольшим влиянием пользуются политический лидер, купец и священник, здесь степень социального неравенства невысокая. Неравенство наиболее ярко проявляется в аграрных обществах, где возникла наследственная монархия и рабовладение. А в промышленных обществах неравенство и концентрация власти много меньше, чем в аграрных [7, с. 322].

П. Сорокин дал определение «среднему классу» как совокупности социальных слоёв населения, занимающих в стратификационной системе общества промежуточное положение между низшим классом (бедными) и высшим классом (богатыми). Он утверждал, что «в развитых странах средний класс составляет наиболее многочисленную группу населения» и сделал вывод, что именно он удерживает общество в стабильном состоянии [7, с. 323].

М. Каддафи подверг обструкции именно эту, стабилизирующую часть ливийского общества, пытаясь реформировать свой социум.

Он сформулировал идеи самоуправления в экономике, в соответствии с которыми предприятия должны были перейти в коллективное управление тех, кто на них трудится. Этот принцип, известный в высказывании «партнёры, а не наёмные работники», стал основной идеей второй части «Зелёной книги», которую ливийский полковник посвятил экономическим проблемам. Под этим высказыванием-принципом подразумевалось ликвидировать основы эксплуатации в сфере производства путём уничтожения системы наёмного труда, заработной платы, перехода средств производства в руки непосредственных руководителей и превращение их в равноправных участников производственного процесса. Эта реформа предполагалась как необходимое условие для осуществления «всеобъемлющей экономической революции».

Несмотря на то что рабочие и служащие «захватывали» средства производства и управления, их действия контролировались революционными комитетами и государственными органами. На всех «захваченных» предприятиях началась перестройка организационно-управленческой структуры и системы оплаты труда. Вместо прежней производственной администрации создавались выборные органы самоуправления.

Однако многие практические вопросы, связанные с деятельностью народных предприятий, не были до конца продуманными на местах. В 1977–1978 гг. молодые лидеры революции выработали политическую стратегию и только наметили тактику действий, но не имели представлений, каковы будут практические результаты предпринимаемых мер. Не были до конца понятны функции новых административных органов на предприятиях, порядок их взаимоотношений, с одной стороны, с техническими, коммерческими и хозяйственными службами. И, с другой стороны, с владельцами конфискованных частных предприятий и компаний. Не была выработана организационная структура народных предприятий на отраслевом уровне. Но вместе с тем в каждой из отраслей хозяйства (промышленность, подрядное строительство, торговля, услуги и туризм) были созданы отраслевые собрания (конференции), в которые входили председатели народных рабочих комитетов предприятий, представители технических служб и профсоюзов отрасли, союза производителей, консультанты.

Важной особенностью новой структурной реформы по превращению «наёмных работников в партнёров» было то, что она не касалась иностранных рабочих. Иностранцы составляли свыше трети всей рабочей силы в стране, а в сфере физического труда их число превышало 50 %, так что реформа коснулась только около половины рабочего населения Ливии.

Революционная перестройка и ревкомовские «облавы» хотя и были направлены против зажиточных слоёв населения, но не изменили общественных отношений в Ливии таким образом, чтобы богатые и бедные стали «партнёрами». Политические и социально-экономические противоречия в стране не были преодолены в результате проведения новых реформ.

Ливии пришлось увеличивать добычу нефти для строительства производственных мощностей. 50 % всех капиталовложений шло на услуги и производственные объекты [8]. Поэтому был взят курс на создание мощной промышленно-сельскохозяйственной базы и крупных производственных объектов, доходы от которых могли бы заменить доходы от нефти [8].

Основным тормозом проводимых реформ явился разбухший административный аппарат, составлявший до 40 % самодеятельного населения страны. К началу 1979 г. на администрацию приходилось 140 тыс. служащих всех категорий. Такой рост был связан с желанием некоторых руководителей расширить своё влияние в управленческом аппарате за счёт «своих» людей.

Преобразования рубежа 70–80-х гг. носили в основном верхушечный характер, проводились «сверху» и «уходили нередко дальше того, что могла осилить ливийская революция», – полагает А.З. Егорин [1].

Неподготовленность к радикальным реформам, которые опережали развитие страны, привели к волнениям народа и активности оппозиции. В числе основных причин возникновения трудностей в осуществлении реформ были несовершенство и низкая эффективность управленческого аппарата, нехватка кадров и технического опыта, коррупция, противодействие со стороны частного капитала, нежелании значительной части рабочих и крестьян участвовать в производительном труде, распространении среди ливийцев потребительских и иждивенческих настроений. Стало ясно, что проводить социально-экономические преобразования за счёт развития только государственного сектора при одновременном свёртывании частного предпринимательства было невозможно. В ливийских условиях нельзя было давать привилегий какому-то одному сектору, например государственному. В тех сферах, где это было выгодно и народу и государству, должны были сосуществовать государственный, смешанный и частный сектора.

Ещё в 1980 г. западная исследовательница Р. Ферст высказывала сомнение в том, что Ливия вообще сможет пойти по пути, альтернативному капиталистическому, поскольку «народовластие» опутало себя бюрократизмом, и это завуалировало классовую борьбу и способствовало развитию капиталистических ростков [9, с. 18].

В самом деле в 1987 г. в Ливии наступил резкий «откат» в другую сторону: частный сектор был восстановлен в правах, армия, полиция и даже некоторые государственные предприятия были распущены. Вчерашние «паразиты» стали полноправными гражданами страны. Ливийское руководство признало многоукладность экономики и занялось перестройкой всей структуры «народовластия». Однако идеи «исламского социализма» оставались основой «третьего мирового пути» развития Ливии.

Литература

1. *Егорин А.З.* История Ливии XX век. М., 1999.
2. *Егорин А.З.* Муаммар Каддафи. М., 2009.
3. Libya Antiqua: Papiers of the Symposiume organized by UNESCO in Paris 16 to 18 January 1985. Paris, 1985.
4. Middle Cost J. 1983. № 2.
5. Известия. 1988. 2 сент.
6. Аль-Фаджр аль-Джадид. 1974. 14 апр.
7. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. М., 1992.
8. Аль-Фаджр аль-Джадид. 1978. 17 дек.
9. *First R.* Lybia: The Elusive Revolution. L., 1974.

References

1. Egorin A.Z. *Istoriya Livii XX vek* [History of Lybia XX Century]. Moscow, 1999.
2. Egorin A.Z. *Muammar Kaddafi* [Muammar Gaddafi]. Moscow, 2009.
3. *Libya Antiqua*: Papiers of the Symposiume organized by UNESCO in Paris 16 to 18 January 1985. Paris, 1985.
4. *Middle Cost J*. 1983, no 2.
5. *Izvestiya*. 1988, Sept. 2.
6. *Al'-Fadzhr al'-Dzhadid*. 1974, Apr. 14.
7. Sorokin P. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Human. Civilization. Society]. Tr. from Engl. Moscow, 1992.
8. *Al'-Fadzhr al'-Dzhadid*. 1978, Dec. 17.
9. First R. *Lybia: The Elusive Revolution*. London, 1974.

Поступила в редакцию / Received ***6 июля 2016 г. / July 6, 2016***

УДК 101.1 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-51-55

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА КАК ОДНОГО ИЗ ИСТОЧНИКОВ И ПРИЧИН ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

© 2016 г. С.В. Юшина

HISTORICAL ASPECT OF THE SYRIAN CRISIS AS ONE OF SOURCES AND REASONS OF TERRORIST ACTIVITY IN THE MODERN WORLD

S.V. Yushina

Юшина Светлана Владимировна –
кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и культурологии,
Донской государственный технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону, 344000.
E-mail: yushinasv@mail.ru

Svetlana V. Yushina –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Department of History and Culturology,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don, 344000, Russia.
E-mail: yushinasv@mail.ru

Анализируется исторический аспект сирийского кризиса как одного из факторов противоречий между глобальными и региональными политическими игроками. Эти противоречия спровоцировали серьезный политический конфликт и последовавшую за ним полномасштабную войну. В результате этой динамики сирийский внутриполитический конфликт превратился в локальную войну, которую в международной науке определяют как «proxywar» (войну «чужими руками» или войну «по доверенности»), обусловленную наличием ряда «наслаивающихся» измерений – социальных, экономических, религиозных, этнических, региональных и глобальных.

Ключевые слова: *сирийский политический конфликт, гражданская война, вооруженные формирования, региональные игроки, политическая система, оппозиция.*

The article is devoted to historical aspect of the Syrian crisis as one of the factors of contradiction between global and regional political players. These contradictions have provoked a serious political conflict and spark all-out war behind it. As a result of the dynamics of Syrian political conflict turned into a local war in the international science defined as "proxywar" ("proxy war" or "war by proxy"), due to the existence of "laminated" dimensions - social, economic, religious, ethnic, regional and global.

Keywords: *Syrian political conflict, civil war, armed forces, regional players, the political system, the opposition.*

Сирийская Арабская Республика – многоконфессиональная и полиэтническая страна расположена в юго-западной Азии у побережья Средиземного моря. Ее население в 2011 г. составляло 20,8 млн чел., но к настоящему времени примерно 13 млн бежали из страны. Население имеет сложный этноконфессиональный состав. Более половины его – сунниты, около 25 % – шииты, 12 % – алавиты и 10 % – христиане.

В ноябре 1970 г. в результате военного переворота к власти пришел алавит Хафез Асад. На все руководящие посты были назначены представители конфессионального меньшинства – алавиты (алавизм – маленькое ответвление ислама шиитского толка с 3,5–4 млн последователей. Они противопоставляют себя суннитам, чтят двоюродного брата и зятя пророка Мухамеда – Али, женой которого была дочь пророка Фатима. Алавиты живут главным образом в Сирии, а также в Турции и Ливане). Хафез Асад доверял только алавитам. На роль своего преемника он готовил старшего сына — Басиля. Но в 1994 г. тот погиб в автокатастрофе, и Хафез Асад стал готовить на роль преемника младшего сына, получившего образование в Англии, врача-офтальмолога Башара. Чтобы выиграть время для создания верных Башару Асаду людей, Хафез продлил срок службы в армии до 5 лет, чтобы исключить возможность выхода на пенсию недовольных и готовых поднять бунт офицеров, и уволил из армии многих представителей военной элиты, которых он считал «потенциальными бунтовщиками» [1, с. 19].

10 июня 2000 г. президент Сирии Хафез Асад скончался, правящая партия БААС выдвинула в качестве единственного кандидата на пост президента Башара Асада. После избрания президентом он оказался в сложной ситуации. С одной стороны, на него оказывали давление соратники его отца, с другой – люди, ожидавшие от президента новых демократических реформ. Скоро и вся страна разделилась на консерваторов и реформаторов. Б. Асад пытался с большим или меньшим успехом лавировать между теми и другими. С одной стороны, он в 2000 г. разрешил выпустить из тюрем около 600 политических заключенных, назначил в различные властные структуры новые и молодые кадры, разрешил выпускать частные, не зависящие от правительства газеты. В результате реформ этот период в истории Сирии стали называть «Дамасской весной». Люди уже не боялись рассказывать политические анекдоты. Однако под давлением консерваторов в марте 2001 г. Б. Асад ясно дал понять, что национальное единство, партия БААС, вооруженные силы и курс Хафеза Асада не подлежат осуждению и критике. В середине февраля 2001 г. в Сирии была запрещена деятельность большинства политических клубов, к осени того же года были поставлены под правительственный контроль независимые СМИ [2].

Явными сигналами, свидетельствующими о резкой перемене курса Б. Асада, стали также его отказ от данного им в 2001 г. обещания провести следующие выборы президента на альтернативной основе и фактическое переутверждение президента на новый семилетний срок. Общество было поставлено под тотальный контроль. Таким образом, «Дамасская весна», сирийская «оттепель» закончилась, едва успев начаться. Силовые структуры и спецслужбы стали играть доминирующую роль в стране. В борьбе консерваторов и реформаторов Б. Асад после некоторых колебаний встал на сторону консерваторов, возродив модель и стиль руководства, которых придерживался его отец. Главное внимание он стал уделять развитию экономики Сирии. Однако, поскольку основу экономики, как и при Асаде-старшем, составлял неэффективный государственный сектор, а запасы нефти быстро иссякали, экономическое положение страны оставалось крайне тяжелым. Одновременно произошло сращивание партийно-государственной и военной элиты с торгово-промышленной буржуазией. Коррупция проникла во все сферы госаппарата [3].

Военные расходы в последнее десятилетие составили 60 % бюджета. Долг Сирии России превысил 10 млрд дол. Большая часть населения живет на грани голодной смерти. В Дамаске беднота проводит долгие часы в ожидании работодателя, которому понадобятся плотник, столяр, маляр, кровельщик, электрик, водопроводчик. Ожидание длится много дней. К началу лета 2011 г. все крупные городские и сельские центры страны были охвачены протестными движениями. Ситуация стала стремительно сдвигаться в сторону начала полномасштабной гражданской войны.

С 2011 г. политический режим Сирии оказался в эпицентре одного из важных узлов мировой политики, которые возникли в результате окончания холодной войны и перераспределения глобального господства. В связи с этим ключевые характеристики политического режима Сирии стали объектом пристального внимания многих аналитиков в контексте противоречий между глобальными и региональными политическими игроками [4].

Характер конфликта изменился по сравнению с тем, каким он был в начале 2011 г., и в политико-религиозном отношении, и в отношении качественного роста ресурсов и вооружений, используемых сторонами конфликта. Гражданскую войну в Сирии, которая началась с мирных демонстраций, выдвигавших лозунги проведения обещанных социально-экономических реформ, и совершенно не говорилось о смене режима, невозможно рассматривать вне регионального контекста. Именно вмешательство во внутриполитический конфликт заинтересованных региональных и международных сил привело к эскалации ситуации и скатыванию к кровопролитной войне. Саудовская Аравия является одной из ведущих стран региона, включена в систему важных ближневосточных проблем, таких как ситуация в Ираке, ядерная программа Ирана, арабо-израильский конфликт, межпалестинские отношения, деятельность террористических структур, противостояние суннитов и шиитов, и по каждому из этих вопросов имеет свою позицию, которая до событий весны 2011 г. определяла независимую внешнюю политику государства [5].

Представляется, что одним из важнейших поводов вмешательства региональных игроков, в частности Саудовской Аравии, в сирийские события стало союзничество Сирии и Ирана – заклятого врага саудитов. Саудовско-иранские отношения никогда простыми не были, но особенно обострились после совершения в Иране исламской революции в 1979 г. С тех пор противостояние между Саудовской Аравией и Ираном протекает на идеологическом фронте (к началу 80-х гг. официальными доктринами Ирана и СА были признаны шиитская и суннитская версии исламского фундаментализма

соответственно). При этом иранский шиизм имеет революционную направленность, а саудитский суннизм характеризуется консервативно-охранительным принципом на этноконфессиональном (в СА и других монархиях Персидского залива проживает весомое шиитское меньшинство: в Бахрейне – 75 % населения; в Кувейте – 30 %; в Катаре – 20 %, в СА – от 10 до 15 %. Это меньшинство является активным проводником внешнеполитической линии Ирана и угрожает стабильности государств Залива), а также общерегиональном («шиитизация» Ирака, усиление «Хезболлаха», распространение иранского влияния, события арабской весны) уровнях.

Противостояние Ирана и СА предопределило вмешательство Королевства в сирийские события. Связывающие Дамаск и Тегеран отношения «стратегического партнерства» начали формироваться после победы в Иране в 1979 г. исламской революции и планомерно укреплялись при Б. Асаде. Религиозная общность, совпадение внешнеполитических интересов по отношению к Израилю, Ливану, ХАМАС, совместная поддержка террористической антиизраильской структуры «Хезболлах», а также отсутствие у сторон иных надежных партнерских отношений оформили прочный внешнеполитический союз, который на деле доказал свою стратегическую значимость.

Когда в Сирии начались выступления, руководство Саудовской Аравии увидело в этом шанс уничтожить главного иранского союзника, лишить Исламскую Республику надежного проводника в арабский мир, помогающего поддерживать контакты с шиитскими общинами в Ираке, Ливане, Йемене. В самом начале сирийских событий министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал в беседе с главой администрации бывшего американского вице-президента Дика Чейни Джоном Ханной говорил о том, что король понимает, что ничего кроме падения самого Ирана не может ослабить его больше, чем потеря сирийской республики. Фактически это привело к беспрецедентному вмешательству СА и Исламской Республики Иран (ИРИ) в сирийскую гражданскую войну на стороне оппозиции и официальных властей Сирии соответственно.

Иран оказал влияние на вооруженные формирования «Хезболлах», которая с мая 2013 г. принимает непосредственное участие в боевых действия, а также боевиков иракских шиитских отрядов «Бригады Абу'ль Фатха Аббаса». Саудовская Аравия в свою очередь деньгами и оружием поддерживает радикальные исламистские группировки: по линии спецслужб осуществляются контакты с такими террористическими группами, как «Джабхат ан-Нусра», «Джайш аль-Ислам», «Ахрар аш-Шам», «Ансар аш-Шам» и др.

Помимо активно поддерживающей суннитскую оппозицию в Сирии Саудовской Аравии значительную роль в эскалации, исламизации и интернационализации конфликта в САР играет богатейшее государство региона и Персидского залива газовый гигант Катар. Наличие общего газового месторождения между территориями ИРИ и Катаром на шельфе Персидского залива – Южный Парс и Северное месторождение соответственно – и стремление увеличить поставки голубого топлива в Европу по безопасным и дешевым путям предопределило участие Катара в сирийских событиях на стороне оппозиции и еще больше усилило его противостояние с Ираном.

Катар обеспечивает мировой рынок 77 млн т сжиженного природного газа в год, из них около трети поставляется в Европу. При этом Доха стремится увеличить поставки голубого топлива в европейские страны, что, несомненно, значительно потеснит главного конкурента Катара – «Газпром». С целью увеличения поставок в 2009 г. во время визита эмира Катара шейха Хамада аль-Тани в Анкару была достигнута договоренность о строительстве газопровода через Саудовскую Аравию, Иорданию и Сирию в Турцию с дальнейшей транспортировкой в Европу. Однако Сирия встала на пути реализации данного проекта и, учитывая общность политических, идеологических и экономических интересов с Ираном, в июле 2011 г. подписала с Тегераном и Багдадом Трёхсторонний меморандум о строительстве газопровода Иран – Ирак – Сирия. В этот период в стране уже шли столкновения между силами режима и протестующими, однако демонстрации носили внутренний характер и касались требований проведения реформ, а не свержения Б. Асада. Представляется, что вступление Катара на стороне оппозиции, активное финансирование террористических структур, подготовка и обучение джихадистов были обусловлены необходимостью смены алавитской власти в Дамаске на лояльный исламистский режим с целью претворения в жизнь как выгодных экономических проектов, так и общего стремления к политическому и идеологическому доминированию в регионе [6].

До событий арабской весны Анкара и Дамаск были настроены идти навстречу друг другу, что объяснялось политическими амбициями Турции и желанием Сирии найти стратегического союзника в

регионе помимо Ирана, который мог бы содействовать в решении проблемы Голанских высот и палестинской проблемы в целом. Союз с сирийцами давал Анкаре возможность участвовать в палестино-израильском процессе через оказание влияния на движение ХАМАС, штаб-квартира которого располагалась в Дамаске и который поддерживал партнерские отношения с сирийским режимом. Кроме того, сближение с Сирией давало Турции явный козырь в борьбе с курдскими повстанцами из Рабочей партии Курдистана, которая во времена сирийско-турецкого противостояния финансировалась и поддерживалась сирийской стороной [1, с. 96].

Когда в Сирии начались столкновения демонстрантов и сил правопорядка, Анкара заняла максимально осторожную позицию: не выражала поддержки режиму Асада и не выступала за его свержение. Такая аккуратность была связана с общим выжидательным настроем стран Запада. Поначалу Турция выступала за реформирование режима во главе с Асадом и предлагала президенту Сирии предоставить места во властных и силовых структурах умеренным исламистам, которые были заинтересованы в реализации «турецкой модели» государства. Также это позволило бы Турции стать посредником в переговорном процессе, чтобы направить его к политической либерализации. Однако влияние Анкары на Асада оказалось ограниченным, сирийский режим продемонстрировал невосприимчивость к внешнему давлению, что заставило премьер-министра Турции Р. Эрдогана сменить курс и признать невозможность решения сирийского конфликта при сохранении режима Асада.

Чтобы заручиться поддержкой сирийской оппозиции, на которую возлагались надежды быстрого свержения режима Асада, а также действовать в русле западной политики, особенно США, Турция стала предоставлять свою территорию для размещения баз созданной в июле 2011 г. Свободной сирийской армии, транзитный коридор для переброски оружия и «добровольцев» из Ливии, размещать раненых повстанцев. В октябре 2011 г. в Стамбуле был создан Сирийский национальный совет, который объединил представителей «Братьев-мусульман», а также образовавшихся на Западе правозащитников и стал представлять себя легальной сирийской оппозицией. В ноябре того же года Анкара поддержала решение Лиги арабских государств приостановить членство Сирии в организации и наложение санкций на Дамаск. Эти действия Турции привели к окончательной катастрофе турецко-сирийских отношений и способствовали дальнейшей эскалации конфликта в Сирии [7].

Особая роль в эскалации конфликта в Сирии принадлежит США, которые не только выступили за свержение режима Асада, но и активно поддерживают сирийскую оппозицию дипломатически, финансово и технически. Стоит отметить, что с началом противостояния демонстрантов и сил правопорядка в Сирии Вашингтон воздерживался от решительных действий и громких заявлений, ограничиваясь лишь призывами к властям Сирии прекратить насилие. В августе 2011 г. президент США Барак Обама впервые заявил о том, что Асад должен покинуть свой пост. В октябре 2011 г. стороны отозвали своих послов, дипломатические контакты были фактически заморожены. В начале августа 2012 г. Обама подписал указ, разрешающий ЦРУ и другим ведомствам оказывать помощь сирийским повстанцам. В декабре 2012 г. США признали созданную месяцем ранее в Дохе (Катар) на «объединительном форуме сирийской оппозиции» Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил как законного представителя сирийского народа. Конец лета 2013 г. ознаменовался согласием Конгресса США на поставки оружия оппозиционным силам Сирии. Общий объем финансовой помощи США на нужды сирийской оппозиции с 2012 по 2015 г. составил 500 млн дол. [8].

В результате этой динамики сирийский внутриполитический конфликт превратился в полномасштабную локальную войну, которую в международной науке определяют как «*proxywar*» (войну «чужими руками» или войну «по доверенности»), обусловленную наличием ряда «наслаивающихся» измерений – социальных, экономических, религиозных, этнических, региональных и глобальных. Динамика конфликта усугубляется борьбой за власть между региональными игроками: фактический союз политического режима Сирии с Ираном, Ираком и организацией «Хезболлах» противостоит главным региональным силам поддержки антирежимных сил – Саудовской Аравии, Катара и Турции, которые базируются на суннитском исламизме [9].

Усугубление конфликта резко противопоставило сирийскую общину мусульман-суннитов светскому режиму Башара аль-Асада, что дало исламистским радикалам определенные идеологические и мобилизационные преимущества. Иностранная поддержка непропорционально расширила ресурсы и возможности исламистских группировок среди сирийской «вооруженной оппозиции». Иностранная интервенция с помощью иностранных вооруженных формирований под флагом «глобального джихада» явилась одной из причин развития

ситуации, где была пройдена «точка невозврата», после которой конфликт превратился в полномасштабную войну.

Литература

1. *Ахмедов В.М.* Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания. М., 2015.

2. *Хазанов А.М.* В плену романтики Востока. М., 2011. С. 33–34.

3. Известия. 2006. № 17. С. 7.

4. Российская газета. 2014. № 29. С. 10.

5. *Кныш А.Д.* Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты, идеи и интерпретации. СПб., 2015. С. 48.

6. *Саргон Хадая*. Сирийский гамбит: столкновение интересов в геостратегическом комплексе «Большого Ближнего Востока» // Вестн. РУДН. Политология. 2013. № 1. С. 50–59.

7. *Исаев Л., Шишкина А.* Сирия и Йемен: Неоконченные революции. М., 2012. С. 101–105.

8. *Сапронова М.А.* Электоральный процесс после «Арабской весны». М., 2015. С. 119.

9. *Саргон Хадая*. Сирия и США: международные отношения в свете дестабилизации «Большого Ближнего Востока» // Вопросы политологии. 2012. № 4. С. 65–78.

References

1. Akhmedov V.M. *Rol' islamskogo faktora v obshchestvenno-politicheskom razvitii arabskikh stran Blizhnego Vostoka i ego evolyutsiya v usloviyakh siriiskogo vosstaniya* [Role of Islamic Factor in Social and Political Development of Arab Countries of the Middle East and its Evolution in the Conditions of the Syrian Revolt]. Moscow, 2015.

2. Khazanov A.M. *V plenu romantiki Vostoka* [In Captivity of Romanticism of the East]. Moscow, 2011, pp. 33-34.

3. *Izvestiya*. 2006, no. 17, p. 7.

4. *Rossiiskaya gazeta*. 2014, no. 29, p. 10.

5. Knysh A.D. *Sufizm i musul'manskaya dukhovnaya traditsiya: teksty, instituty, idei i interpretatsii* [Sufism and Muslim Spiritual Tradition: Texts, Institutes, Ideas and Interpretations]. Saint Petersburg, 2015, p. 48.

6. Sargon Khadaya. Siriiskii gambit: stolknovenie interesov v geostrategicheskom komplekse «Bol'shogo Blizhnego Vostoka» [Syrian Gambit: Collision of Interests in Geostrategic Complex of “the Big Middle East”]. *Vestnik RUDN. Politologiya*. 2013, no. 1, pp. 50-59.

7. Isaev L., Shishkina A. *Siriya i Iemen: Neokonchennye revolyutsii* [Syria and Yemen: Unfinished Revolutions]. Moscow, 2012, pp. 101-105.

8. Sapronova M.A. *Elektoral'nyi protsess posle «Arabskoi vesny»* [Electoral Process after “The Arab Spring”]. Moscow, 2015, p. 119.

9. Sargon Khadaya. Siriya i SShA: mezhdunarodnye otnosheniya v svete destabilizatsii «Bol'shogo Blizhnego Vostoka» [Syria and USA: the International Relations in Light Destabilizations of “the Big Middle East”]. *Voprosy politologii*. 2012, no. 4, pp. 65-78.

Поступила в редакцию / Received ***27 октября 2016 г. / October 27, 2016***

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 330.837+330.101 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-56-58

ПАРАДИГМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И ПОСТСОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

© 2016 г. О.В. Евграфова

PARADIGM OF INSTITUTIONALISM AND POST-SOVIET ECONOMIC THEORY

O.V. Evgraphova

Евграфова Ольга Владимировна –
кандидат философских наук, доцент,
Ростовский филиал Российской таможенной академии,
пр. Буденновский, 20, г. Ростов-на-Дону, 344002.
E-mail: dia7@bk.ru

Olga V. Evgraphova –
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Rostov Branch of the Russian Customs Academy,
Budennovskii Ave, 20, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: dia7@bk.ru

В поисках теоретических оснований новой модели экономической жизни России большой интерес представляют идеи институциализма, парадигма которого вводит собственно экономические институты в социально-политический, культурный, гуманитарный контекст. Это открывает возможности преодоления доминирования в экономике России (нео)либеральной модели «рыночного фундаментализма», обогащения, модернизации экономической теории в соответствии как с реалиями постиндустриализма, так и с политическими и «хозяйственными» традициями социально-экономической жизни России.

Ключевые слова: *экономика, кризис, теория, институты, парадигма, социокультурное, человек.*

According to the author, in theoretical foundations searching for a new model of Russia economic life, the institutionalism ideas are of great interest, the paradigm of which introduces the actual economic institutions in the socio-political, cultural and humanitarian context. It gives the possibility of overcoming the (neo)liberal model of «market fundamentalism» domination in Russian economy, the economic theory enrichment and modernization according to the realities of post-industrialism, political and «economic» traditions of socio-economic life of Russia.

Keywords: *economy, crisis, theory, institutions, paradigm, socio-cultural, individual.*

Продолжающийся кризис значительно актуализировал поиски новой теоретической основы понимания экономической жизни, необходимой для построения модели анти- и посткризисной модернизации экономики страны. Это вполне соответствует парадигмальной концепции Т. Куна. По его мнению, в жизни научного сообщества действуют так называемые парадигмы – общепризнанные дисциплинарные модели-образцы, состоящие из научных достижений, знаний, убеждений, правил деятельности, методологических принципов, ценностей, которые являются неизменными для «нормальной» (объясняющее-прогнозирующей) науки [1]. В нашем случае парадигма лежит в основе доминирования той или иной экономической теории.

Все еще действующая (неолиберальная) экономтеория, несмотря на критику, уже явно не справляется со своей ролью. Это подтверждается не только состоянием отечественной экономики, но и растущей несовместимостью безличностного, рационального, оторванного от всей полноты человеческих измерений бытия человека в индустриальной экономике с современной социокультурной ситуацией постиндустриализма и постмодернизма, характеризуемой контекстуализмом, плюрализмом, полицентричностью, конкретностью культурного контекста, гетерогенностью и мозаичностью социума, этикой «демобилизации», приходящими на смену рациональной экономической «аскезе», изменением предпочтений и ценностей современного человека, который не хочет быть просто

«homo economicus», становится все более личностным, «хозяйствующим» субъектом экономической деятельности. Для России эти тенденции «мутируются» особенностями отечественной культуры, спецификой ее экономической релевантности.

В качестве *постановки и обоснования проблемы* в этих условиях перспективным направлением, в русле которого экономическая наука может освоить отмеченные выше тенденции, является использование парадигмы *институционализма*. Дело в том, что современное, постиндустриальное общество знаменует новый этап экономического развития, в его теории возрастает осмысление социокультурных институтов, чего не было в классической политэкономии, происходит синтез областей экономической науки, ее гуманизация. Это явление не сразу было оценено во всей его глубине. По мнению В.М. Белоусова, в XXI в. основные задачи поиска новой парадигмы экономической теории будут решаться не в сфере неоклассической теории, а скорее в сфере институциональной [2, с. 238]. Добавим, что институционализм во многом оппонирует идеологии «экономикс» с ее доминантой формализации и абстрактности в анализе экономической жизни, что уже не адекватно трендам теоретического осмысления современных экономических реалий.

Почему парадигма институционализма представляется весьма перспективной в интересующем нас плане модернизации современной экономической теории России?

Сначала немного истории. Возникновение институционализма своими идейными корнями восходит к принципам немецкой исторической школы. Именно «историки» стали родоначальниками альтернативной классическому либерализму «антисциентистской» традиции, акцентирующей социокультурный и гуманитарный характер экономического (по)знания. Для исторической школы, а позднее, в XX в., и для ее преемника – институционализма – экономика – это мир хозяйства в контексте культуры; хозяйство есть лишь одна из сторон общественной жизни и должно быть познаваемо в зависимости от прочих явлений культуры.

Принято считать, что институционалистское направление экономической мысли олицетворяет труд Т. Веблена «Теория праздного класса: Экономическое исследование институтов» [3], а также более поздние публикации Дж. Р. Коммонса [4] и У.К. Митчелла [5]. Ими придавалось важное значение воздействию всей системы общественных институтов и отношений на экономическую жизнь. Собственно рынок не рассматривался как единственный оптимальный механизм, обеспечивающий производство, распределение и обмен товаров, а идея оптимального удовлетворения общественной выгоды более не выступала в качестве производной из известной теории максимального удовлетворения личной выгоды «невидимой рукой» рынка. Таким образом, расширялся сам предмет исследования экономики, трансформировалось восприятия понятия «homo economicus» [6]. В этом смысле целью институционалистов было создание социально-экономической теории в альтернативу (дополнение?) чистому, «классическому» экономическому знанию.

Важно подчеркнуть, что для институционализма характерен широкий, «политико-экономический» охват факторов, влияющих на экономику, анализ функционирования ее реальных институтов (институций) и их эволюции под влиянием социологических, политических, правовых, социально-психологических, общекультурных, гуманитарных и технологических факторов. Понятие «институт» включает при этом не только различного рода организации (государство и его подразделения, корпорации, торгово-промышленные ассоциации, профсоюзы, союзы потребителей), но и правовые нормы, социальные ценности, обычаи и стереотипы поведения.

Для нас особенно важно то, что институционализм настаивает на включение в сферу интересов экономической теории социокультурной проблематики (исторической, правовой, политической), деятельности социальных институций (общество, государство, семья, и др.), различных гуманитарных практик. Институционалисты в качестве движущей силы экономического развития рассматривали и характер предпринимательской активности, влияние органов власти, частной собственности, профсоюзов, религии, менталитета, общественной психологии, анализировали характер функционирования этих «институтов» в экономике. В частности, по мнению Веблена, в списке важнейших экономических побудительных причин существенно «родительское чувство», приобретение знаний и «инстинктивное» стремление к высококачественному выполнению работы. В дальнейшем факторный ряд, формирующий экономическое поведение, расширился за счет рассмотрения воздействия таких психологических факторов, как подсознание, инстинктивное стремление и т.д., к которым Веблен частично обращался в процессе своих экономических исследований. Из чего следует, что экономи-

ческое поведение может быть не только рациональным. Важно отметить, что все это недостаточно было представлено в «классической» экономической теории.

Кроме подчеркивания социокультурного контекста экономики, заслугой институционалистов является обоснование положения, что экономические институты выступают результатом происходивших в прошлом явлений, адаптированы к обстоятельствам прошлого. А так как жизнь – это сложный эволюционный процесс, то в условиях сформировавшихся в настоящем приоритетов деятельность экономических институтов не всегда так востребована, как в прошлом, может осуществляться по-иному. Согласно этой логике, вытекает необходимость их обновления в соответствии с требованиями времени.

Для институционализма характерен опыт интеграции экономической теории с другими общественными науками: в теоретическом аспекте формирования институционализма выделились три его направления – социально-психологическое, социально-правовое, конструкторско-статистическое [7]. Первое направление институционализма возглавлял Т. Веблен. Лидером второго (юридического) был Дж. Р. Коммонс. (Термин «институциональная экономика» связан с именем этого экономиста). Для данного направления характерен подход, что в условиях приоритета закона любой экономический уклад будет действовать наиболее эффективно. Третье – «эмпирически-предвидящее» – представлял У.К. Митчелл. Он особо выделял роль сильной государственности в обеспечении эффективной жизнедеятельности экономической системы.

Как уже отмечалось, теория институциональной экономики возникла в качестве альтернативной классическому направлению в экономической теории. Однако в отличие от возникновения политэкономии в настоящее время наряду с постиндустриализмом большое значение приобретают социокультурные проблемы, связанные как с процессами глобализации мировой экономики, так и выделением специфических особенностей общественного и регионального разделения труда (глокализации).

В рамках краткого обзора современного институционализма имеет смысл обратиться также к аналитическим предвидениям Дж. К. Гелбрейта, показывающим совместимость идей институционализма и эволюционализма. Подчеркивая необходимость ограждения экономической системы от революционного вмешательства, он полагал, что рыночная система эволюционным путем преобразуется в обеспечивающую стабильное развитие экономики плановую систему. Учитывая это, необходимо осуществлять мероприятия в направлении действия экономических институтов: регулировать цены; обеспечивать гарантированный минимальный уровень дохода; формировать предпосылки для внедрения новейшей техники; посредством создания государственных инфраструктур составить программы содействия в сферах здравоохранения, строительства, транспорта и т.д. [8]. (Звучит весьма актуально для современной России!). Примечательно и авторитетно и то, что основоположник «нового» институционализма, нобелевский лауреат по экономике 1991 г. Р. Коуз критиковал «классическую» экономическую теорию за то, что она практически исключает из рассмотрения факторы общественной жизни, которые важны для анализа современной экономики [9, с. 91–92].

Приведенный краткий очерк истории и теории институционализма подвигает к мысли, что в условиях кризиса простое совершенствование экономических институтов при всей важности и необходимости этой работы не в состоянии решить застарелые системные проблемы; необходима разработка новой экономической парадигмы на основе анализа имеющихся наработок, осмысления их адекватности современным реалиям. В частности, кроме институционализма, интересно (но требует специального рассмотрения) предложение по «перестройке» экономической теории на основе социокультурной (мета)парадигмы [10].

Итак, почему институционализм нужно рассматривать не как исторически преходящее учение, а как актуальную парадигму осмысления экономических реалий современной России? Дело в том, что в центре внимания институционализма находится экономическая релевантность деятельности государства, власти, связанная прежде всего с теорией управления процессами концентрации производства и капитала, нацеленностью на выработку теории социального контроля над экономикой и подчинение ее общественным интересам: идеи такой парадигмы в полной мере отвечают российским традициям «хозяйствования» и важнейшей роли государства в экономике.

Вышеизложенное может иметь значение в деле модернизации отечественной экономической теории в ее поисках материала для построения модели анти- и посткризисной экономики, ибо модернизация всегда предполагает не только становление нового, но и определенные процессы наследования и

преемственности, в частности – восприятие парадигмы институционализма с его акцентом на социальный контекст экономики.

Литература

1. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975. 288 с.

2. *Белоусов В.М., Ершова Т.В.* История экономических учений. Ростов н/Д., 1999. 542 с.

3. *Веблен Т.* Теория праздного класса: экономическое исследование институтов. М., 2011. 368 с.

4. *Commons J.R.* Institutional Economics: Its Place in Political Economy. Vol. 1. New Jersey, 1989. 400 p.

5. *Mitchell W.C.* Types of Economic Theory. From Mercantilism to Institutionalism. Vol. I, II. New York, 1971. 875 p.

6. *Бренделева Е.А.* Неоинституциональная экономика. М., 2006. 348 с.

7. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений. М., 2000. 320 с.

8. *Galbraith J.K.* Economics in Perspective: A Critical History. Boston, 1987. 324 p.

9. *Мяки У.* Является ли Коуз реалистом? // Истоки. Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. 584 с.

10. *Королев В.К.* Экономическая теория: необходимость культурологической метапарадигмы? // Ученые записки РИЗП : межвуз. сб. Вып. 12. Ростов н/Д., 2008. С. 123–131.

References

1. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, 1975, 288 p.

2. Belousov V.M., Ershova T.V. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of Scientific Studies]. Rostov-on-Don, 1999, 542 p.

3. Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institutov* [The Theory of the Leisure Class: an Economic Study of Institutions]. Moscow, 2011, 368 p.

4. Commons J.R. *Institutional Economics: Its Place in Political Economy*. Vol. 1. New Jersey, 1989, 400 p.

5. Mitchell W.C. *Types of Economic Theory. From Mercantilism to Institutionalism*. Vol. I, II. New York, 1971, 875 p.

6. Brendeleva E.A. *Neoinstitutsional'naya ekonomika* [Neo-institutional Economics]. Moscow, 2006, 348 p.

7. Yadgarov Ya.S. *Istoriya ekonomicheskikh uchenii* [History of Economical Studies]. Moscow, 2000, 320 p.

8. Galbraith J.K. *Economics in Perspective: A Critical History*. Boston, 1987, 324 p.

9. Myaki U. [Is Coase a realist?]. *Istoki. Ekonomika v kontekste istorii i kul'tury* [The origins. Economy in the context of history and culture]. Moscow, 2004, 584 p.

10. Korolev V.K. [Economic theory: the Need in Culturological Metaparadigmy?]. *Uchenye zapiski RIZP* [Scientific notes of the Rostov Institute of Protection of Entrepreneurs]. Interuniversity collection. Vol. 12. Rostov-on-Don, 2008, pp. 123-131.

Поступила в редакцию / Received ***17 октября 2016 г. / October 17, 2016***

УДК 316.347 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-60-64

РИСКИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ[1]

© 2016 г. А.В. Бедрик, А.В. Сериков

THE RISKS OF IMPLEMENTATION OF RUSSIAN STATE MIGRATION POLICY AT PRESENT STAGE

A.V. Bedrik, A.V. Serikov

Бедрик Андрей Владимирович –
кандидат социологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: abedrik@bk.ru

Сериков Антон Владимирович –
кандидат социологических наук, доцент,
и.о. директора,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
ул. Пушкинская, 160, г. Ростов-на-Дону, 344006.
E-mail: aserikov@inbox.ru

Andrei V. Bedrik –
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Leading Researcher,
Institute of Sociology and Regional Studies
of Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: abedrik@bk.ru

Anton V. Serikov –
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Deputy Director,
Institute of Sociology and Regional Studies
of Southern Federal University,
Pushkinskaya St., 160, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: aserikov@inbox.ru

Анализируется опыт реализации государственной миграционной политики России на современном этапе. В 2012 г. была утверждена Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г., первый этап реализации которой уже завершен и позволяет выделить определенные риски: институциональные, средовые, ситуационные. Нейтрализация каждой группы сделает миграционную политику в России более эффективной и позволит избежать роста межэтнической напряженности.

Ключевые слова: *миграция, миграционная политика, концепция государственной миграционной политики России, мигрантофобия, риски миграционной политики.*

The article analyzes the experience of implementation of the state migration policy in Russia at the present stage. In 2012 the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period until 2025 was approved, the first phase of which has been already completed, and allows to determine certain risks. The authors suggest to reduce the total risks by the realization of the Concept of the three main groups: institutional, environmental, situational risks. Neutralization of each group will make the migration policy in Russia more effective and help avoid the growth of ethnic tension.

Keywords: *migration, migration policy, the concept of the state migration policy of Russia, migrantophobia, migration policy risks.*

Миграционный процесс в России является одним из базовых факторов социально-экономического и политического развития страны. Миграция – не только инструмент перераспределения трудовых ресурсов между российскими регионами, их экспорта и импорта на международном рынке, но и потенциал социокультурной и этнодемографической трансформации общества. Мигранты и их диаспоры являются носителями иной ментальности и систем социальной регуляции, нежели старожильческое население регионов-реципиентов миграции. В силу этого миграция обладает значитель-

[1] Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

ным конфликтогенным потенциалом, проявляющимся в деструктивных формах межэтнического взаимодействия, практиках бытового национализма, установках ксенофобии, может приводить к росту экстремистских настроений и проявлениям этнического насилия [1].

Особенностью российского миграционного процесса, отличающей его от миграционной динамики в странах Европы и других регионах мира, является превалирование внутренних миграционных потоков над внешними. Несмотря на то, что подавляющее число мигрантов в России – это ее же граждане, в стране имеет место тот же конфликтогенный эффект миграционного процесса, что и в государствах, где внешний сегмент миграции преобладает над внутренним. Это обусловлено вектором развития миграционных потоков: из периферийных, аграрных регионов, имеющих статус национальных окраин, в финансово-индустриальные центры страны, где в этнической структуре населения преобладают русские [2]. Внутрироссийский миграционный котел дополняется внешними потоками миграции из стран постсоветского пространства и регионов дальнего зарубежья, что только усиливает риски воспроизводства систем социального взаимодействия в регионах концентрации иммиграционных масс.

Миграционная политика представляет собой основанную на принципах конституционного строя систему объективно обусловленных целей, задач, направлений развития общественных отношений в сфере миграции, норм миграционного законодательства, а также механизмов управления государством, реализуемых субъектами миграционного процесса (физические лица, общественные организации, государственные органы) и направленных на перемещение, переселение, размещение, обустройство и интеграцию физических лиц на территории государства и (или) в отдельных его регионах, обеспеченных стимулирующими и контрольными факторами [3]. Основным риском реализации государственной миграционной политики в России является отсутствие в обществе согласия относительно долгосрочных и среднесрочных целей и приоритетов развития страны, на решение которых и должна быть направлена миграционная политика. Кроме того, значимую роль играют социокультурные ограничения, связанные с отношением общества к мигрантам [4].

Базовым программным документом реализации миграционной политики в России является утвержденная 13.06.2012 г. Указом Президента РФ «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [5]. Реализация целей и задач Концепции планировалось проводить в три этапа, первый из которых завершился в 2015 г. и был связан с созданием нормативно-правовых, институциональных и инфраструктурных инструментов регулирования миграционных потоков. В 2016 г. начался второй этап реализации Концепции, в рамках которого должны получить апробацию созданные на первом этапе инструменты миграционной политики в виде принятия и практического осуществления федеральных и региональных целевых программ. Накопленный шестилетний опыт позволяет сделать некоторые выводы о тех группах рисков и трудностей объективного и субъективного порядка, с которыми на практике столкнулись субъекты реализации миграционной политики в России.

Первой группой являются институциональные риски. Программные мероприятия реализации Концепции предполагали модернизацию институциональной среды интеграции мигрантов в новые социальные условия. В частности декларировались следующие задачи: 1) создание центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию и медицинского освидетельствования иммигрантов, в том числе за рубежом; 2) создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства; 3) создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации. Фактически Концепция предполагает переход от моноцентрической модели к полисубъектной модели государственной миграционной политики, которая имеет широкое применение в странах Запада [6].

Моноцентрическая модель предполагает, что единственным регулятором всего миграционного потока как на стадии формирования миграционных установок, так и на этапах переезда и адаптации на новом месте является государство в лице органов власти, уполномоченных осуществлять миграционное регулирование. Недостатки такой модели очевидны и связаны с тем, что сфера миграции является саморегулируемой системой сетевого типа, в которой государство, безусловно, задает общие рамки циркуляции миграционных трендов, но не определяет их. Кроме того, многие годы главным субъектом реализации миграционной политики являлось силовое ведомство – Федеральная миграционная служба РФ, которая в апреле 2016 г. была упразднена, а ее полномочия переданы в ведомство Министерства внутренних дел

РФ. Силовой характер регулирования миграции является дополнительным фактором политизации миграционной проблематики, источником воспроизводства ведомственного национализма и зачастую блокирует перспективы успешной интеграции институтов гражданского общества в процессы адаптации мигрантов, их обустройства, гармонизации отношений между мигрантами, принимающими социумами и СМИ [7].

Полисубъектная модель миграционной политики отказывается от монополии государства на регулирование миграции и вовлекает в регулирование миграционных проблем, формирование миграционных мотивов и запросов общества более широкого спектра участников: государственные службы, органы местного самоуправления, институты гражданского общества в лице национально-культурных объединений (диаспор) и религиозных общин, объединений самих мигрантов (в том числе их профсоюзов), правозащитные, гуманитарные и просветительские организации, СМИ, учреждения образования и здравоохранения, социальные службы, союзы работодателей и предпринимателей, и т.д. Расширение круга субъектов придает системе регулирования миграции синергетический эффект, который позволяет решать возникающие проблемы более оперативно, субсидиарно, с учетом их конкретной специфики. Именно через децентрализацию миграционной системы при сохранении общей государственной стратегии и принципов миграционной политики возможна нейтрализация институциональных рисков. Однако до сих пор программные цели формирования полисубъектной модели, заложенные в текст Концепции, не реализованы. Исключительная монополия государства на сферу миграции и переподчинение миграционной службы Министерству внутренних дел, а не гражданскому ведомству, блокируют перспективы формирования такой модели и сохраняют инерционность всей миграционной системы.

Второй группой рисков реализации Концепции государственной миграционной политики являются средовые риски. Они связаны с воспроизводством установок мигрантофобии в российском обществе как среде адаптации и интеграции мигрантов. Источником мигрантофобии являются циркулирующие в СМИ и публичном дискурсе устойчивые миграционные стереотипы и мифы, которые сводятся к следующим [8]: конкуренция мигрантов и местного населения за рабочие места; криминализация за счет миграции российского общества; снижение уровня заработной платы; анклавизация мигрантов, порождающая межэтническое напряжение; отвлечение бюджетных средств на себя; отток финансовых ресурсов за рубеж и др. Однако на практике большинство перечисленных проблем имеют исключительно спекулятивный характер, а их актуальность обусловлена отсутствием адаптационной и интеграционной составляющих миграционной политики, что увеличивает градус социального напряжения в российском обществе.

Наличие в российском обществе мигрантофобии следует объяснять причинами аксиологического и бихевиорального порядка: культурной и социальной дистанцией между мигрантами и старожилами, их различиями в ценностях и поведенческих практиках в сфере гендерных, семейных, религиозных отношений, языковыми и знаково-символическими барьерами коммуникации [9]. Так, в ходе социологического опроса населения г. Ростова-на-Дону, проведенного в октябре 2016 г., более 44 % опрошенных отметили, что их отношение к мигрантам – представителям другой национальности однозначно или, скорее всего, изменилось бы в лучшую сторону, если бы из общения с ними было понятно, что они хорошо владеют русским языком и знают русскую культуру, демонстрируют светский тип социального поведения [10].

Инструментом снижения степени актуальности средовой группы рисков миграционной политики является изменение информационного пространства миграционной сферы, которое в настоящее время аккумулирует преимущественно негативный и спекулятивно-эмоциональный контент [11]. Такая информационная среда не позволяет в полной мере реализовать такие принципы Концепции, как гармонизация интересов личности, общества и государства, недопустимости любых форм дискриминации, а также задачи по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом, которое на практике приобретает форму «непринимающего». Мониторинг СМИ является необходимым инструментом реализации Концепции, а правоприменительная деятельность государственных служб в отношении информационных ресурсов, использующих этнические маркеры в негативных коннотациях, отождествляя этнические и мигрантские группы с социальными недугами общества (безработица, преступность, санитарно-эпидемиологическое состояние, насилие и т.д.), должна опираться на положения ст. 13.15 Кодекса об административных правонарушениях РФ (Злоупотребление свободой массовой информации) и ст. 282 Уголовного кодекса РФ (Возбуждение

ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства).

Третья группа рисков реализации Концепции связана с влиянием ситуационного фактора на миграционные тренды. Срок реализации Концепции охватывает более полутора десятка лет. В этих условиях сложно прогнозировать как внутреннее экономическое и политическое развитие, так и изменение международного фона. Концепция закладывала среди своих задач – выполнение гуманитарных обязательств в отношении вынужденных мигрантов. Уже в процессе реализации Концепции наше государство столкнулось с массовизацией вынужденной (стрессовой) миграции внешнего происхождения за счет потоков беженцев из Украины и Сирии. Так, по состоянию на 19 мая 2016 г. начиная с июня 2014 г. на территорию Ростовской области прибыло 7 366 254 гражданина Украины, из которых 129 970 чел. остались в РФ, из них 119 530 чел. размещены на территории Ростовской области[1]. Таким образом среднегодовой объем стрессовой миграции в регионе за счет Украины составил почти 40 тыс. чел. Общий миграционный прирост в Ростовской области за 2012 г. составлял 3 633 чел., а в следующем 2013 г. и вовсе был отрицательным: –141 чел. [12]. Такой миграционный всплеск требует принципиально новых инструментов, которые обеспечили обустройство мигрантов и их интеграцию. Следует также учитывать региональную специфику миграционных волн, которая имеет ярко выраженный приграничный маятниковый характер. Поэтому расчет на возможности межрегионального распределения массива вынужденной миграции очень ограничены и позволяют решить проблемы обустройства только частично.

Ситуационные риски охватывают и фоновую напряженность развития миграционного процесса, продуцируемую как внешними, так и внутренними акторами. Так, в случае с украинской иммиграцией в Россию фоновое напряжение концентрировалось вокруг тематики государственного переворота в Киеве, изменения государственной принадлежности Крыма, боевых действий в районе Донбасса. Совокупно это спровоцировало распространение в российском обществе негативных стереотипов в отношении украинцев, институтов украинской диаспоры в России, привело к ее маргинализации, массовому тиражированию в публичной риторике негативных этнических маркеров в отношении украинцев («бандеровцы», «укропы» и т.д.). По данным обозначенного выше социологического опроса, количество респондентов, негативно оценивающих приток беженцев из Украины в Россию, увеличилось от 12 % в 2015 г. до 27 % в 2016 г. Политизация украинского миграционного фактора относится к числу наиболее рисковых проблем развития сферы межэтнических отношений в регионе Юга России [13].

Таким образом, реализация приоритетных направлений государственной миграционной политики в России осложняется комплексом рисков институционального, средового и ситуационного характера. Перспективы нейтрализации всей совокупности данных рисков увеличиваются в случае практического, а не декларативного воплощения полисубъектной модели миграционной политики. Данная модель опирается на гражданский потенциал российского общества и принцип субсидиарности, позволяющий решать социальные проблемы миграции на самом малом или удалённом от центра уровне, на котором их разрешение возможно и эффективно. В этом случае центральная власть должна играть субсидиарную (вспомогательную), а не субординативную (директивную) роль, решая только те задачи, которые не могут быть эффективно выполнены на местном/локальном уровне. Базовыми акторами полисубъектной модели миграционной политики являются местное принимающее сообщество в лице муниципальных органов управления и институты гражданского общества. Местные власти выступают как «заказчик» миграции, а гражданские институты – как адаптационно-интеграционные инструменты. Прямое же государственное регулирование должно затрагивать сферу вынужденной (стрессовой) миграции и профилактику этнофобии и мигрантофобии в деятельности государственных ведомств, муниципальных и социальных служб, СМИ, институте образования, и т.д.

Литература

1. *Дмитриев А.В., Жуков В.И., Пядухов Г.А.* Миграция: конфликт, безопасность, сотрудничество. М., 2009. 354 с.

2. *Рязанцев С.В., Хорие Н.* Трудовая миграция в лицах: Рабочие-мигранты из стран Центральной Азии в Московском регионе. М., 2010. 178 с.

3. *Коробеев В.А.* Миграционная политика: понятие и сущность. URL: http:// www.rusnauka.com/

[1] Информация к заседанию Консультативного совета по межэтническим отношениям при губернаторе Ростовской области 19 августа 2016 г. в Зимовниковском районе Ростовской области.

ONG_2006/Pravo/16936.doc.htm (дата обращения: 01.11.2016).

4. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М., 2014. 232 с.

5. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/15635 (дата обращения: 01.11.2016).

6. *Трыканова С.А.* Организационно-правовое регулирование миграции в России и Европе: сравнительный анализ. Москва; Воронеж, 2012. 192 с.

7. Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия / под ред. В. Воронкова, Б. Гладарева, Л. Сагитовой. СПб., 2011. 640 с.

8. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В.И. Мукомель. М., 2014. С. 10–18.

9. *Сикевич З.В.* Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе. СПб., 2012. С. 188.

10. *Бедрик А.В., Сериков А.В*. Крупный южнороссийский город как среда межэтнического взаимодействия (на примере г. Ростова-на-Дону) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11.

11. *Малькова В.К.* Этническая тематика в российском информационном пространстве // Коммуникология. 2014. Т. 5, № 3. С. 101–117.

12. Миграция населения в целом по Ростовской области и в разрезе городских округов и муниципальных районов : стат. сб. Ростов н/Д., 2014. 52 с.

13. *Денисова Г.С*. Межэтнические отношения в Южном федеральном округе: основные проблемы в условиях санкционной политики (по материалам этнополитического мониторинга) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 38–42.

References

1. Dmitriev A.V., Zhukov V.I., Pyadukhov G.A. *Migratsiya: konflikt, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Migration: Conflict, Security, Cooperation]. Moscow, 2009, 354 p.

2. Ryazantsev S.V., Khorie N. *Trudovaya migratsiya v litsakh: Rabochie-migranty iz stran Tsentral'noi Azii v Moskvoskom regione* [Labour Migration in the People's Faces: Migrant Workers from Central Asia in the Moscow Region]. Moscow, 2010, 178 p.

3. Korobeev V.A. *Migratsionnaya politika: ponyatie i sushchnost'* [Migration Policy: Concept and Essence]. Available at: http:// www.rusnauka.com/ ONG_2006/Pravo/16936.doc.htm (accessed 01.11.2016).

4. Malakhov V. *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsii* [Cultural Differences and Political Borders in the Era of Global Migration]. Moscow, 2014, 232 p.

5. *Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda* [The Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025.]. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/15635 (accessed 01.11.2016).

6. Trykanova S.A. Organizatsionno-pravovoe regulirovanie migratsii v Rossii i Evrope: sravnitel'nyi analiz [Organizational-legal Regulation of Migration in Russia and Europe: Comparative Analysis]. Moscow; Voronezh, 2012, 192 p.

7. *Militsiya i etnicheskie migranty: praktiki vzaimodeistviya* [Police and Ethnic Migrants: Practice of Interaction]. Eds. V. Voronkov, B. Gladarev, L. Sagitova. Saint Petesburg, 2011, 640 p.

8. *Migranty, migrantofobii i migratsionnaya politika* [Migrants, Migrantophobia and Migration Policy]. Ed. V.I. Mukomel. Moscow, 2014, pp. 10-18.

9. Sikevich Z.V. *Etnicheskie paradoksy i kul'turnye konflikty v rossiiskom obshchestve* [Ethnic Paradoxes and Cultural Conflicts in Russian Society]. Saint Petesburg, 2012, 188 p.

10. Bedrik A.V., Serikov A.V. Krupnyi yuzhnorossiiskii gorod kak sreda mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (na primere g. Rostova-na-Donu) [Large South Russian city as a Place of Ethnic Interaction (on the example of Rostov-on-Don)]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2016, no. 11.

11. Mal'kova V.K. Etnicheskaya tematika v rossiiskom informatsionnom prostranstve [Ethnic Topics in Russian Information Space]. *Kommunikologiya.* 2014, vol. 5, no. 3, pp. 101-117.

12. *Migratsiya naseleniya v tselom po Rostovskoi oblasti i v razreze gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh raionov* [Migration of the Population in Rostov Region in General and in the Context of Urban and Municipal Districts]. Col. art. Rostov-on-Don, 2014, 52 p.

13. Denisova G.S. Mezhetnicheskie otnosheniya v Yuzhnom federal'nom okruge: osnovnye problemy v usloviyakh sanktsionnoi politiki (po materialam etnopoliticheskogo monitoringa) [Interethnic Relations in the Southern Federal District: the Main Problems in the Conditions of Sanctions Policy (based on ethno-political monitoring)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2015, no. 24, pp. 38-42.

Поступила в редакцию / Received ***8 ноября 2016 г. / November 8, 2016***

УДК 331.5 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-65-70

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЗАКРЫТИЯ УГЛЕДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОСТОЧНОГО ДОНБАССА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

© 2016 г. И.А. Жукова

WAYS TO OVERCOME SOCIAL AND ENVIRONMENTAL CONSEQUENCES OF THE EASTERN DONBASS COAL MINING COMPANIES CLOSURE IN NEW ECONOMIC CONDITIONS

I.A. Zhukova

Жукова Ирина Анатольевна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
ул. Шевченко, 147, г. Шахты, 346500.
E-mail: izukova@bk.ru

Irina A. Zhukova –
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Economics,
Institute of Entrepreneurship
and Service Sector (Branch)
of the Don State
Technical University, Shakhty,
Shevchenko St., 147, Shakhty, 346500, Russia.
E-mail: izukova@bk.ru

Рассматриваются негативные экологические последствия закрытия угольных предприятий Восточного Донбасса. Нейтрализация, а также предупреждение вновь возникающих источников экологической опасности требуют больших материальных затрат. Для снижения издержек необходим продуманный, научно обоснованный подход к этой глобальной проблеме. Решение задач по применению сопутствующих природных ресурсов как источников загрязнения биосферы при закрытии шахт в настоящее время является основным резервом для снижения негативного влияния на окружающую среду. Предлагаются реальные меры улучшения экологического состояния предприятий угледобывающей промышленности, в том числе переход на систему экологического менеджмента с последующей их сертификацией на соответствие.

Ключевые слова: *экология, угольная промышленность, реструктуризация, экологические проблемы.*

In the article we consider the negative environmental effects of coal enterprises of the Eastern Donbass closure. Neutralization and preventing the emerging environmental hazards require large material costs. Well-prepared and scientific approach to solving this global problem is necessary for reducing costs. Solving the problem of using of natural resources, which are sources of pollution of the biosphere at the closing of the mines is now the main reserve to reduce the negative impact on the environment. The concrete measures to improve the ecological status of coal mining enterprises, including the transition to ecological management system with subsequent certification for compliance are suggested.

Keywords: *ecology, coal industry, restructuring, environmental problems.*

После завершения основных мероприятий реструктуризации угольной промышленности России прошло уже несколько лет. Для муниципальных образований и регионов, где угледобывающая отрасль являлась доминирующей или градообразующей и которые теперь развиваются в принципиально новых экономических условиях, наступил постреструктуризационный период. Одновременно с проводимыми мерами по стабилизации работы сохранившихся и вновь открытых предприятий необходимо преодолевать целый комплекс социально-экологических последствий рассматриваемого периода.

Одним из приоритетных направлений мониторинга, обусловленного величиной негативного воздействия затопления шахт, является гидромониторинг. Шахтные воды Восточного Донбасса в отличие от большинства других бассейнов страны имеют минерализацию до 13 000 мг/дм^3, содержание растворенных минеральных компонентов (в

том числе до 350 мг/дм^3 железа – одного из основных загрязнителей, угнетающе и губительно воздействующих на флору и фауну), многократно превышающих предельно допустимые нормы. В своем большинстве шахтные воды имеют кислую реакцию, определяющую их агрессивность по отношению к биообъектам и техническим конструкциям и сооружениям [1]. Загрязнение техногенными водами подземных и поверхностных вод ограничивает, а порой и делает невозможным использование их в практической деятельности людей. Кроме того, по ряду шахт в случае непринятия природоохранных мер (поддержания уровня затопления шахт на безопасной для жизнедеятельности населения городов и поселков глубине, посредством погружных насосов и водопонижающих скважин) неизбежно подтопление селитебных территорий на значительных площадях.

Гидравлические режимы ликвидируемых шахт Восточного Донбасса выглядят следующим образом:

– полностью затопленные выработанные пространства с выходом шахтной воды на поверхность – 16 шахт;

– полностью затопленные, с перетоком шахтной воды в выработки смежных шахт – 10 шахт;

– находящиеся в стадии затопления без перетоков шахтной воды – 5 шахт;

– находящиеся в стадии затопления с перетоком техногенной воды в выработки смежных шахт – 8 шахт;

– находящиеся в стадии затопления с перетоком техногенной воды в выработки действующих шахт – 3 шахты;

– с поддержанием уровня затопления техногенных горизонтов на безопасных глубинах – 4 шахты;

– ликвидируемая «сухим способом» – 1 шахта.

Всего на территории Восточного Донбасса затоплено 65 % шахт, большинство оставшихся находится в завершающей стадии затопления (http://www.minprom.donland.ru/).

Продолжает остро стоять вопрос очистки загрязненных шахтных вод и доведение ее качества до требований нормативных документов. Существующие технологии и технические средства очистки минерализованных шахтных вод не позволяют применить экономически целесообразные способы ее деминерализации. Сложными остаются задачи по обеспечению защиты источников питьевого водоснабжения от техногенных загрязнений, обусловленных закрытием шахт, эффективного тушения породных отвалов, предотвращению образования провалов земной поверхности, формированию социально и экономически необходимых функций ландшафта при рекультивации нарушенных горными работами земель.

В настоящее время в области функционируют три комплекса очистных сооружений и водоотливов в пределах г. Шахты, Новошахтинска и Гуково, очищающих шахтную воду. Эксплуатация очистных сооружений позволила сократить в 3,4 раза объем поступления в речную сеть железа, а работа водоотливов предотвратила подтопление территории жилых массивов с более чем 100 домовладениями.

На ряде шахт принятие решения о необходимости строительства очистных сооружений возможно только по результатам многолетнего мониторинга. Для этих целей ежегодно по 335 наблюдательным пунктам специалистами Центра мониторинга осуществляется более 1000 режимных наблюдений, выполняется столько же лабораторных анализов химического состава шахтных, грунтовых и речных вод, проводится 2700 км маршрутных обследований на территориях неблагоприятного влияния. Ведутся работы по реконструкции наблюдательной сети, контролирующей влияние шахтных вод на подземные воды и реки области.

Продолжительность и интенсивность этих процессов можно оценить только приближенно, а уповать на возможности среды к самоочищению не разумно. Уже сейчас шахтная вода, попадая в малые реки региона, увеличивает минерализацию крупнейшей реки страны Дон. Необходима скорейшая разработка эффективных методов очистки высокоминерализированных шахтных вод, способных довести сбрасываемые воды до установленного законодательством качества питьевой воды и использование ее для нужд населения шахтерских территорий.

Негативным фактором, влияющим на экологию региона, являются сточные техногенные воды из-под породных отвалов [2]. Речь идет не только о породных отвалах – терриконах, но и о местах массового складирования углепородного материала в балках, оврагах, впадинах, карьерах. Подверженные воздействию атмосферных осадков, поверхностных вод и особенно контактирующие с грунтовыми водами отвалы способны создавать значительную экологическую нагрузку. Таковы воды, выходящие из-под породных отвалов шахт «Южная», № 26 ШУ «Мирное» ОАО «Ростовуголь» и № 22 ОАО «Шахтуголь» Сравнительно невысокие дебиты таких водопроявлений (от 2 до 15 м^3/ч) сопровождаются, как правило, высокой их минерализацией. Реализуемые

технические мероприятия позволяют свести до минимума неблагоприятное влияние этих объектов на прилегающие территории.

С целью контроля динамики затопления техногенных горизонтов ликвидируемых шахт, определения гидросвязи между ними и действующими предприятиями, контроля качества шахтных и грунтовых вод используются локальные и районные гидрогеологические сети, насчитывающие 214 гидронаблюдательных пунктов, которые представлены скважинами, стволами, колодцами, родниками, выходами шахтной и смешанной воды. На пунктах наблюдений, помимо притоков, замеров уровня, скорости затопления техногенных горизонтов производится отбор проб воды на лабораторный анализ. Для контроля загрязнения шахтными водами водотоков, водоёмов, малых и средних рек в пределах границ горных отводов и прилегающих к ним площадей эксплуатируется гидрологическая сеть, насчитывающая 111 пунктов наблюдения.

По результатам гидромониторинга осуществляются прогнозы о местах выхода шахтной воды на поверхность, дебите и качестве изливающихся вод. Помимо этого осуществляется сбор информации об объектах поверхности, которые могут попасть в зону подтопления или загрязнения грунтовых вод. На основе полученных материалов производится экономическая оценка экологических последствий выхода на поверхность шахтных вод. Таким способом достигается максимальная эффективность финансовых и ресурсных вложений, обеспечивающих полное или частичное устранение неприемлемых с точки зрения государства и общества экологических последствий.

Результаты мониторинга были использованы при проектировании и строительстве шести очистных сооружений шахтных вод. Как свидетельствует практика ликвидации шахт, основным критерием эффективности мероприятий, применяемых при затоплении техногенных горизонтов (в данном случае строительство водоотливных комплексов и очистных сооружений), является величина негативного воздействия последствий выхода на поверхность шахтных вод. Применение указанных природоохранных мероприятий позволило предотвратить:

– подтопление территорий общей площадью 65 га с расположенными на них порядка 300 жилых домов;

– загрязнения грунтовых водоносных горизонтов, в том числе источников питьевого водоснабжения на площади около 280 га;

– загрязнения почв сельхозугодий на площади 220 га;

– образование порядка 40 провалов земной поверхности с ориентировочным объемом в 10–13 тыс. $м^3$.

Несмотря на принимаемые меры, высокоминерализованные шахтные воды поступают в 19 рек области, в том числе и Дон. Эти реки являются основой гидросети Восточного Донбасса, объединяющей реки, ручьи, водохранилища и пруды-отстойники шахтных вод на горных отводах действующих и ликвидируемых шахт. С закрытием угледобывающих предприятий нагрузка на экосистему Восточного Донбасса и гидросеть, в частности в период затопления выработанного пространства (1997–2003 гг.), существенно снизилась.

Пик поступления шахтных вод в гидросеть был в 2008 г. – 40 млн $м^3$/год. Несмотря на то, что количество этой воды меньше того объема, который откачивался шахтами при их работе (около 109 млн $м^3$/год) минерализация и содержание железа более высоки в выходящей шахтной воде затопленных шахт, они более агрессивны, имеют повышенную кислотность.

Наиболее подвержены загрязнению водами ликвидируемых шахт реки Аюта, Гнилуша, Малый Несветай, Лихая, Бургуста, у которых уровень загрязненности воды по кратности ПДК соответствует высокому и очень высокому.

Результаты наблюдений свидетельствуют о необходимости увеличения контролируемых объектов водного бассейна Ростовской области – источника питьевого водоснабжения населения, подверженных загрязнению техногенными водами закрытых шахт.

Другим, не менее важным направлением мониторинга является контроль за проникновением газов с опасными концентрациями CH_4 (> 1 %), CO_2 (> 0,5 %) и воздуха с пониженным содержанием O_2 (<17 %) («мертвым воздухом») в подвалы, погреба, колодцы и другие заглубленные объекты жилых домов и административно-промышленных зданий.

В настоящее время в регионе установлено 235 угрожаемых и 63 опасные зоны общей площадью 4967,4 га на 35 горных отводах ликвидируемых шахт, где расположено свыше 9 тыс. жилых домов и административно-промышленных зданий (таблица).

По результатам периодического контроля газовоздушной смеси (ГВС) в объектах газомониторинга и почвенного воздуха выполняется корректировка зон. В связи с обнаружением опасных концентраций диоксида углерода и пониженного содержания кислорода в подвалах, погребах, водо-

проводных колодцах жилого сектора, расположенных в угрожаемых зонах были введены опасные зоны, ранее не предусмотренные проектной документацией. В результате за пятилетний период наблюдений количество опасных зон возросло почти в шесть раз: с 11 общей площадью 5,5 га до 63 общей площадью 17,3 га [1].

Анализ базы данных многолетних наблюдений позволил выявить закономерность в динамике газовыделения: в большинстве случаев проникновение вредных газов в заглубленные объекты фиксируется в теплое время года при перепадах атмосферного давления.

Количественная характеристика угрожаемых и опасных зон по Восточному Донбассу / Quantitative characteristics of endangered and hazardous areas of the Eastern Donbass

Угольные районы Восточного Донбасса	Газовые зоны							
	Всего		Угрожаемые			Опасные		
	Кол-во	Площадь, га	Кол-во	Площадь, га	Кол-во жил. домов и адм.-пром. зданий	Кол-во	Площадь, га	Кол-во жил. домов и адм.-пром. зд.
Шахтинский	137	1597,37	95	1582,31	3282	42	15,06	153
Новошахтинский	95	864,56	78	863,94	3164	17	0,62	12
Шолоховский	51	213,52	50	213,15	394	1	0,37	4
Гуковский	12	37,18	9	35,9	175	3	1,28	8
Донецкий	3	2254,8	3	2254,8	2427	–	–	–
Итого	**298**	**4967,4**	**235**	**4950**	**9442**	**63**	**17,3**	**177**

Составлено по: http://www.minenergo.gov.ru.

На селитебных территориях шахтерских городов и поселков имеет место проникновение «мертвого воздуха» в заглубленные объекты жилого сектора. «Мертвым» воздух считается в связи с тем, что он не пригоден для дыхания и коварен из-за отсутствия цвета и запаха. Он может быть обнаружен только с помощью газоанализаторов. Для обеспечения безопасной жизнедеятельности населения региона специалисты Центра мониторинга осуществляют контроль за выделением газов на земную поверхность в заглубленных объектах домовладений и административно-промышленных зданий, газодренажных трубах на устьях ликвидированных вскрывающих выработок, в почвенном воздухе угрожаемых и опасных зон на территориях горных отводов ликвидируемых шахт. За период реализации рабочего проекта «Мониторинга...» количество опасных зон увеличено в 6 раз и составляет 63 единицы на площади в 17,3 га. Всего под контролем находится 298 зон, общей площадью 4967 га.

Провалоопасность территорий, прилегающих к вскрывающим выработкам, выходящим на земную поверхность, – одна из основных проблем, связанная с обеспечением безопасной жизнедеятельности населения Восточного Донбасса (Ростовской области). В этой связи Центром мониторинга ведутся работы по ликвидации образовавшихся провалов на земной поверхности и устранение дефектов вскрывающих выработок. За период 2003–2006 гг. ликвидировано более 170 провалов общим объемом более 59 тыс. м^3.

Не менее острой остается проблема породных отвалов. На территории Ростовской области из более чем 600 имеющихся 194 принадлежат ликвидируемым шахтам. Складированная в породных отвалах горная масса является источником выделения в окружающую среду токсичных химических веществ, мигрирующих при горении, выветривании и выщелачивании в окружающий почвенный покров, воду и воздух. С целью разработки эффективных мер по снижению негативного влияния породных отвалов на экологию региона выполнена температурная съёмка 50 породных отвалов. В 25 выявлены очаги горения на площади 215 тыс. м^2.

В соответствии с «Инструкцией о порядке контроля за выделением газов на земную поверхность при ликвидации (консервации) шахт» (Кемерово, 1998 г.) Центром мониторинга ежегодно выполняется свыше 30 тыс. экспресс- и около 1000 лабораторных анализов газовоздушной массы. Суть деятельности Центра состоит не только в систематическом контроле газа, но и в постоянной разъяснительной работе с жителями: им выдаются памятки, где указано, как безопасно эксплуатировать подвалы, погреба, колодцы с учетом времени года, температуры наружного и атмосферного воздуха.

С целью обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения шахтерских городов и поселков Центром мониторинга выполняются технические мероприятия по локализации вредных газовыделений: газоизоляция полов и стен, устрой-

ство вентиляции объектов. Всего обеспечена безопасность проживания населения в 45 объектах г. Шахты, Новошахтинска и хутора Тацин.

С завершением затопления на большинстве шахт активизируется процесс сдвижения горных пород: образование провалов земной поверхности и оседание над многочисленными ранее ликвидированными наклонными и вертикальными стволами. В ходе маршрутных обследований территории промышленных площадок шахт специалисты Центра своевременно выявляют опасные для жизни населения объекты: стволы, полки перекрытий которых разрушены; усадку засыпного материала; выделение из горных выработок «мертвого воздуха»; провалы над наклонными выработками. Организованный Центром мониторинга контроль позволяет оперативно принимать меры по приведению таких объектов в безопасное состояние. Ликвидированы провалы и дефекты изоляции на 178 вскрывающих выработках объемом около 60 тыс.м^3. Нередки случаи рецидивов провалов, где вследствие затопления шахты произошло «стекание» засыпного материала в околоствольные дворы (шахты им. Ленина, «Тацинская», «Майская»).

В ходе затопления выработанного пространства на верхних горизонтах шахт, в том числе и закрытых до 60-х гг. XX в., происходит размывание и выщелачивание горных пород, разрушение крепежного материала выработок и как следствие образование провалов или формирование обширных мульд оседания. Наблюдения показывают, что возможность и опасность проявления воздействия горных работ на поверхность, связанного с разрушением природной крепости пород, может иметь место на каменноугольных месторождениях без ограничения во времени при глубинах разработки до 60 и даже 100 м. Как правило, зафиксированные на выходах пластов провалы земной поверхности приурочены к подготовительным выработкам и краевым частям целиков угля, ориентированным по падению пласта, по границе выработанного пространства. Достаточно быстрое затопление выработанного пространства ликвидируемых шахт привело к упругому расширению массива, следствием чего стали имеющие место деформации земной поверхности и провалы вскрывающих выработок. Имеется ряд примеров, свидетельствующих о потенциальной угрозе, которую несут в себе затапливаемые горные выработки, находящиеся на малых глубинах на селитебных территориях [3, 4].

Экологические проблемы, связанные с массовой ликвидацией шахт и в силу их специфики, невозможно решить за короткий срок. Как показывает мировая практика, на это уходят годы и годы, так как негативные процессы после закрытия шахт могут проявляться даже через десятки лет. А это означает, что комплексный мониторинг за окружающей средой на территориях закрытых шахт, неоднократно подтвердивший свою эколого-экономическую эффективность, необходимо вести постоянно для обеспечения безопасных условий жизнедеятельности населения [5, 6].

Система экологического мониторинга может стать основным элементом комплексных мероприятий по предупреждению неблагоприятных изменений состояния окружающей среды. Эта система позволит не только проводить анализ оценки состояния экологической среды в районе ликвидации шахт, но прогнозировать возможные экологические последствия и принимать технические решения по их предотвращению.

Как отмечено в распоряжении Правительства РФ от 13.11.2009 г. № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России до 2030 г.», в угольной промышленности существует большой ряд невостребованных ресурсосберегающих технологий и способов добычи угля с минимальными воздействиями на окружающую среду, а также способов и средств защиты атмосферы, водной среды, горных и земельных отводов, которые необходимо положить в основу пересмотра природоохранной деятельности горнодобывающих и перерабатывающих предприятий угольной промышленности.

Для эффективного снижения негативного воздействия на природную среду целесообразно создание эколого-технологических процессов, которые будут взаимосвязаны с потреблением электрической и тепловой энергии, а не только с основной технологией добычи угля. Создавая и применяя безотходные и энергосберегающие технологии с учетом нужд энергоснабжения угольного предприятия и его инфраструктуры, данные процессы поспособствуют эффективному использованию природных ресурсов.

Кроме того, необходимо обеспечить коренное изменение отношения собственников действующих горнодобывающих предприятий к проблемам экологии. Стабилизация сокращения негативного воздействия на окружающую среду должна стать обязательным условием наращивания добычи на действующих предприятиях.

Необходимо также широко привлекать угольные компании к переработке углей и отходов угольной промышленности, без чего невозможно решение вопросов развития углехимии и экологических проблем угольной отрасли.

Реальным путем улучшения экологического состояния предприятий является их переход на систему экологического менеджмента с последующей сертификацией на соответствие.

Реализация данного комплекса мер делегирует снижение экологической нагрузки на окружающую среду в сфере угольного производства, окажет содействие по ее сохранению, бережному отношению к природным ресурсам, улучшению условий проживания населения в угледобывающих регионах страны.

Литература

1. *Жукова И.А.* Стратегические ориентиры и особенности реализации эколого-экономической политики в угледобывающем регионе : дис. … канд. экон. наук. Ростов н/Д., 2008. 169 с.

2. *Тяглов С.Г.* Принцип многоуровнего управления устойчивым развитием региональной экономики в части обеспечения эколого-экономических императивов // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 2-3. С. 178–182.

3. *Тяглов С.Г., Богуславский Е.И.* Принятие решений по защите атмосферы городов. Ростов н/Д., 1997. 185 с.

4. *Черкесова Э.Ю., Демидова Н.Е., Скобликов В.В.* Методика материального стимулирования инновационной деятельности в угледобывающем производстве // Вестн. Южн.-Рос. гос. техн. ун-та (Новочерк. политехн. ин-та). 2014. № 3. С. 68–71.

5. *Страданченко С.Г.* Проблемы развития горнодобывающего комплекса Восточного Донбасса и пути их решения. Новочеркасск, 2009. 198 с.

6. *Лопаткина Е.А., Миронова Д.Д., Крутова М.А.* Обострение проблемы экономической безопасности России в условиях геополитического кризиса и санкционного давления западных стран // Инновационные технологии нового тысячелетия. Уфа, 2016. С. 119–123.

References

1. Zhukova I.A. *Strategicheskie orientiry i osobennosti realizatsii ekologo-ekonomicheskoi politiki v ugledobyvayushchem regione* : dis. … kand. ekon. nauk [Strategic Guidelines and Features of the Implementation of Environmental-economic Policy in the Coal Mining Region]. Rostov-on-Don, 2008, 169 p.

2. Tyaglov S.G. Printsip mnogourovnego upravleniya ustoichivym razvitiem regional'noi ekonomiki v chasti obespecheniya ekologo-ekonomicheskikh imperativov [Multi-level Governance Principles of Sustainable Development of Regional Economy in Terms of Ensuring Ecological and Economic Imperatives]. *Terra Economicus.* 2014, vo. 12, no. 2-3, pp. 178-182.

3. Tyaglov S.G., Boguslavskii E.I. *Prinyatie reshenii po zashchite atmosfery gorodov* [Taking Decisions on the Protection of Cities' Atmosphere]. Rostov-on-Don, 1997, 185 p.

4. Cherkesova E.Yu., Demidova N.E., Skoblikov V.V. Metodika material'nogo stimulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti v ugledobyvayushchem proizvodstve [Methods of Material Incentives for Innovation in the Coal Mining Production]. *Vestn. Yuzhn.-Ros. gos. tekhn. un-ta (Novocherk. politekhn. in-ta).* 2014, no. 3, pp. 68-71.

5. Stradanchenko S.G. *Problemy razvitiya gornodobyvayushchego kompleksa Vostochnogo Donbassa i puti ikh resheniya* [Problems of Development of the Mining Complex of the Eastern Donbass and Solutions]. Novocherkassk, 2009, 198 p.

6. Lopatkina E.A., Mironova D.D., Krutova M.A. [Russia's Economic Security Aggravation of Problems in Terms of the Geopolitical Crisis and the Western Countries Sanctions Pressure]. *Innovatsionnye tekhnologii novogo tysyacheletiya* [The Innovative Technology of the New Millennium]. Ufa, 2016, pp. 119-123.

Поступила в редакцию / Received ***16 ноября 2016 г. / November 16, 2016***

УДК 331.5 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-71-74

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ШАХТЕРСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПОСТРЕСТРУКТУРИЗАЦИОННЫЙ ПЕРИОД НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ШАХТЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2016 г. В.С. Лобунец

EMPLOYMENT IN THE MINING AREAS IN THE POST RESTRUCTURING PERIOD ON THE EXAMPLE OF SHAKHTY IN ROSTOV REGION

V.S. Lobunets

Лобунец Вероника Сергеевна –
аспирант,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного технического
университета в г. Шахты,
ул. Шевченко, 147, г. Шахты, 346500.
E-mail: lobunetsveronik@mail.ru

Veronika S. Lobunets –
Postgraduate Student,
Institute of Entrepreneurship
and Service Sector (Branch)
of the Don State
Technical University, Shakhty,
Shevchenko St., 147, Shakhty, 346500, Russia.
E-mail: lobunetsveronik@mail.ru

Рассмотрено состояние сферы занятости населения шахтерских территорий Ростовской области на примере г. Шахты в постреструктуризационный период угольной промышленности. Решение ряда проблем позволило в сложившихся экономических условиях создать в области рентабельные предприятия. Однако, несмотря на принятые меры, по-прежнему существуют проблемы развития угольной отрасли, не позволяющие в полной мере реализовать конкурентные преимущества. Необходим регулярный мониторинг исполнения межведомственного плана по улучшению ситуации в сфере занятости населения шахтерских территорий Ростовской области на период до 2020 г., учитывающий привлечение инвестиций и создание новых рабочих мест.

Ключевые слова: *угольная промышленность, занятость населения, реструктуризация.*

The article considers the state of employment sphere in mining areas after the restructuring coal industry of Rostov region on the example of Shakhty. The solution of some problems during the restructuring of the coal industry has allowed creating cost-effective enterprises in the sphere even in the hard current economic conditions. However, despite the measures taken, there are still problems of development of the coal industry, which do not allow realizing competitive advantages. The author stresses the need in regular monitoring of the implementation of inter-agency plan for improving the situation in the sphere of employment in mining areas of Rostov region for the period up to 2020, taking into account the attraction of investments in Shakhty and the creation of new working places.

Keywords: *coal industry, employment, restructuring.*

Безработица представляет собой макроэкономическую проблему, оказывающую наиболее прямое и сильное социальное воздействие на общество. Полная занятость достигается тогда, когда спрос на рабочую силу совпадает с ее предложением, но это кратковременное явление, нарушающееся из-за изменений потребностей общества, структуры производства.

Интенсивность высвобождения и перераспределения рабочей силы зависит от множества факторов. Поэтому процессы, затрагивающие коренные интересы всех слоев населения, условия их занятости, обязательно должны регулироваться [1]. Необходима активная государственная политика в сфере занятости и трудовых отношений.

Экономисты изучают безработицу для определения ее причин, а также для совершенствования мер государственной политики, влияющих на занятость, поэтому неудивительно, что проблема безработицы часто является предметом политических дискуссий.

В начале 90-х гг. угольная промышленность с её изношенными основными фондами, избыточной численностью занятых и ограниченным рынком сбыта продукции оказалась в тяжёлом положении [2]. Для повышения конкурентоспособности с природным газом было принято решение о реструктуризации угольной промышленности, что позволило в сложившихся экономических условиях создать в области рентабельные предприятия. Однако, несмотря на принятые меры, по-

прежнему существуют проблемы развития угольной отрасли, не дающие в полной мере реализовать конкурентные преимущества.

С закрытием угольных предприятий главной проблемой стало трудоустройство оставшихся без работы шахтеров, имевших низкую профессиональную мобильность и неготовность к самостоятельному поиску работы. Поэтому часть средств господдержки направлялась на организацию профессионального консультирования и переобучение шахтеров [3–5].

На консультирование и переобучение шахтеров было направлено 4,8 млн р., после чего новую профессию получили 1834 чел. (Постановление ПРО от 05.07.2012 г. № 599 «Об утверждении Концепции развития угольной промышленности Ростовской области на период до 2030 г.»). Наиболее популярными стали специальности водителя, электрогазосварщика, мастера отделочных работ, оператора ПЭВМ, аппаратчика мукомольного производства, бухгалтера.

За счет организации общественных работ удалось не только обеспечивать временную занятость бывших угольщиков, но и решать проблемы шахтерских территорий – проводить ремонт и строительство объектов социальной инфраструктуры (монтирование магистральных и разводящих газовых сетей, газификация котельных, ремонт водопровода и т.д.) [6, 7].

Основная часть средств государственной поддержки была использована на создание рабочих мест. Развитие малого предпринимательства и реализация различных инвестиционных проектов позволили создать для бывших шахтеров постоянные рабочие места, в частности в агропромышленной отрасли. Угольщики занялись выращиванием крупного рогатого скота, домашней птицы, кроликов, пчеловодством и растениеводством, направляли инвестиции в сферу услуг и производство товаров массового потребления [8].

Средства государственной поддержки вкладывались в крупные инвестиционные и коммерческие проекты, создающие новые рабочие места с достойной заработной платой.

Так, согласно статистической информации, в 2015 г. на крупных и средних предприятиях открыто свыше 1000 вакансий (Ростовстат, 2015: http://rostov.gks.ru/) за счет реализации в сфере легкой промышленности проектов:

– «Запуск швейного производства», исполнитель – ОАО «БТК групп», единственный поставщик вещевого имущества для Вооруженных Сил РФ. Реализация продукции обеспечена контрактом на поставку обмундирования ВКБО в 2014–2016 гг. В дальнейшем также планируется участие в аукционах на поставку данного вида вещевого имущества. После ввода проекта создано свыше 600 рабочих мест;

– «Запуск производства высокотехнологичных тканей из синтетических волокон» ООО «БТК Текстиль». Проект входит в Перечень «100 губернаторских инвестиционных проектов». Планировалось создать 350 рабочих мест, но фактически на январь 2015 г. на предприятии задействовано 526 чел.

Кроме того, в городе активно развиваются химическая отрасль и металлургия. Ожидается, что до 2018 г. будет создано порядка 1000 рабочих мест (прогноз социально-экономического развития г. Шахты 2016–2018 гг.). Продолжается реализация следующих инвестиционных проектов:

– «Строительство комплекса мелкосортно-проволочного стана объемом производства 530 тыс. тонн в год» ООО «РЭМЗ» (Перечень «100 губернаторских инвестиционных проектов»). В настоящее время прокатный цех находится в режиме горячих испытаний оборудования и освоения проектной мощности с выпуском готовой продукции;

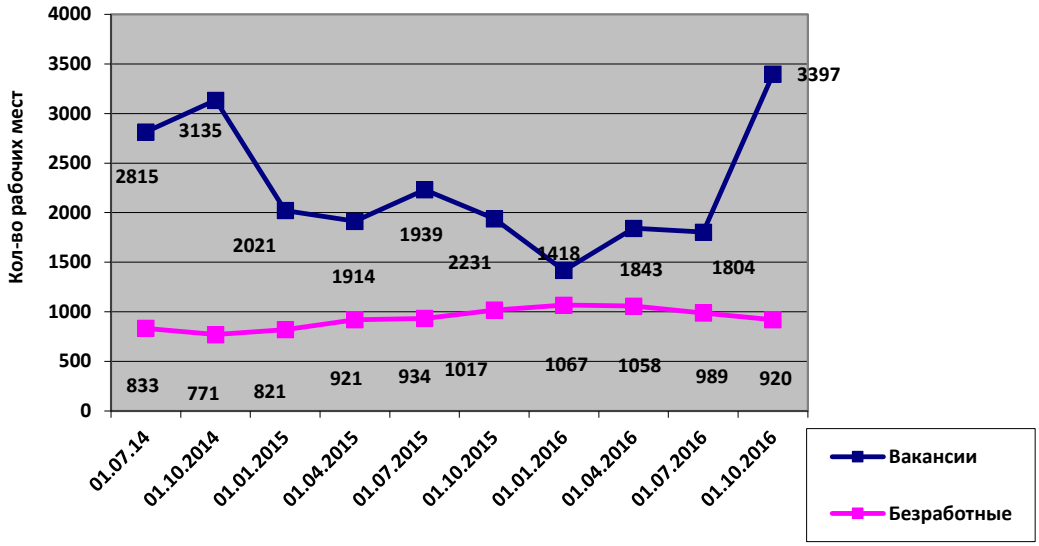
– «Строительство завода по производству биаксиально-ориентированной полипропиленовой пленки (БОПП), 60 тыс. тонн в год» ООО «ВОТЕРФОЛЛ ПРО» (Перечень «100 губернаторских инвестиционных проектов»). Планируется создание 304 рабочих мест. Окончен монтаж 1-й производственной линии с «сухим прогоном», ввод состоялся 23 августа 2016 г., начат монтаж 2-й линии.

Кроме того, на территории г. Шахты предполагается строительство завода по производству тепло-, звукоизоляционных материалов (исполнитель – ООО «ИнвестПромСтрой»), прокатного завода по производству стальных труб (ООО Завод «Техмаш»), гипермаркета «Лента», что в свою очередь создаст новые рабочие места с достойной заработной платой и позволит сократить безработицу.

Также на территории г. Шахты исполняется межведомственный план по улучшению ситуации в сфере занятости населения шахтерских территорий Ростовской области на период до 2020 г. Так, на 01.10.2016 г. число безработных составило 920 чел., что на 9,5 % меньше, чем на ту же дату 2015 г. Уровень регистрируемой безработицы составил по г. Шахты на 01.10.2016 г. 0,8 % к численности экономически активного населения, по Ростовской области – 0,8 % (Ростовстат, 9 мес. 2016). Банк вакансий на 01.10.2016 г. насчитывал 3397 мест, из которых 83 % приходится на заявки по рабочим профессиям. Вакансии с оплатой труда выше прожиточного уровня

достигают 87 % от числа всех предлагаемых вакансий. Напряженность на рынке труда составила 0,3 ищущих работу граждан на 1 вакансию (ГКУ ЦЗН г. Шахты). На рисунке показана напряженность на рынке труда за период 01.07.2014 г. – 01.10.2016 г., диаграмма подготовлена на основе данных, предоставленных Центром занятости населения города Шахты (ГКУ ЦЗН г. Шахты).

В соответствии с вышеупомянутым планом в 2015 г. оказано содействие в трудоустройстве 220 гражданам в другой местности. Проводится организация профессиональной ориентации в целях выбора сферы деятельности (профессии), трудоустройства, прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования. Услуги по профессиональной ориентации получили 6900 чел. Улучшению доступности и повышению качества предоставления услуг по профессиональной ориентации способствует работа мобильного центра занятости, где граждане проходят тестирование и получают консультации по интересующим вопросам.



Напряженность на рынке труда / Tensions in the labor market

Все эти меры направлены на снижение напряженности на рынке труда, в том числе по улучшению ситуации в сфере занятости населения шахтерских территорий Ростовской области.

Администрация города Шахты совместно с Центром занятости на постоянной основе принимает меры по сдерживанию роста безработицы: разработаны меры по обеспечению устойчивого социально-экономического развития города, активно использовались все направления ведомственной целевой программы «Снижение напряженности на рынке труда Ростовской области»: опережающее обучение, общественные работы, организация самозанятости, стажировки выпускников. Все эти меры привели к сдерживанию роста уровня безработицы.

Следует отметить, что регулярный мониторинг исполнения межведомственного плана позволит контролировать приоритетные направления, определенные Стратегией социально-экономического развития г. Шахты на период до 2020 г. «Донбасс NEXT» и федеральной целевой программой «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002–2010 гг. и до 2015 г.)». Достижение данной цели во многом зависит от наращивания собственного промышленного потенциала и создания благоприятных условий для ведения бизнеса в городе.

Литература

1. *Бочарова И.Ю.* Снижение длительной безработицы и программы профилирования // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 25.

2. *Жукова И.А., Лобунец В.С.* Состояние угольной промышленности Ростовской области: проблемы и перспективы ее развития // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 2, ч. 3.

3. *Куликов В.В.* Современная экономика труда. М., 2001. 212 с.

4. *Кутепова Н. И.* Региональные аспекты безработицы и политики занятости // Регионы России: стратегии и механизмы модернизации, инновационного и технологического развития : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2012.

5. *Лобунец В.С.* Перспективы развития угольной промышленности Ростовской области // Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность : V Междунар. науч. конф. НИЦ «Социосфера», март 2015 г. URL: http:// www. sociosphera.com/publication/conference/2015/84/ perspektivy_razvitiya_ugolnoj_promyshlennosti_ rostovskoj_oblasti/ (дата обращения: 09.10.2016).

6. *Рожков А. А.* Проблемы занятости, сохранения и сознания рабочих мест при реформировании угольной промышленности // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 1998. № 2.

7. *Соболева И., Четвернина Т.* Масштабы безработицы в России и способы ее измерения // Вопросы экономики. 1999. № 11.

8. *Фомин А.И., Макаров А.Е.* Обоснование методических подходов к разработке инструкций по охране труда для работников угольных шахт // Вестн. Кузбасского гос. техн. ун-та. 2007. № 1.

References

1. Bocharova I.Yu. Snizhenie dlitel'noi bezrabotitsy i programmy profilirovaniya [Decrease of Long-term Unemployment and Profiling Programs]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2010, no. 25.

2. Zhukova I.A., Lobunets V.S. Sostoyanie ugol'noi promyshlennosti Rostovskoi oblasti: problemy i perspektivy ee razvitiya [State of Coal Industry of Rostov Region: the Problems and Prospects of its Development]. *Terra Economicus*. 2014, vol. 12, no. 2, p. 3.

3. Kulikov V.V. *Sovremennaya ekonomika truda* [Modern Labour Economics]. Moscow, 2001, 212 p.

4. Kutepova N.I. [Regional Aspects of Unemployment and Policy of Employment]. *Regiony Rossii: strategii i mekhanizmy modernizatsii, innovatsionnogo i tekhnologicheskogo razvitiya* [Regions of Russia: Strategy and Modernization of the Mechanisms of Innovation and Technological Development]. Materials of the VIII International scientific-practical conference. Moscow, 2012.

5. Lobunets V.S. [Prospects of Development of the Coal Industry of the Rostov Region]. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie i kachestvo zhizni: istoriya i sovremennost'* [Socio-economic Development and Quality of Life: History and Modernity]. V International Scientific Conference. March, 2015. Available at: http://www.sociosphera.com/publication/conference/ 2015/84/perspektivy_razvitiya_ugolnoj_promyshlennosti _ rostovskoj_oblasti/ (accessed 09.10.2016).

6. Rozhkov A.A. Problemy zanyatosti, sokhraneniya i soznaniya rabochikh mest pri reformirovanii ugol'noi promyshlennosti [Employment Problems, Preserving and Creating Jobs at Reforming the Coal Industry]. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)*. 1998, no. 2.

7. Soboleva I., Chetvernina T. Masshtaby bezrabotitsy v Rossii i sposoby ee izmereniya [The Scale of Unemployment in Russia and Methods of its Measurement]. *Voprosy ekonomiki*. 1999, no. 11.

8. Fomin A.I., Makarov A.E. Obosnovanie metodicheskikh podkhodov k razrabotke instruktsii po okhrane truda dlya rabotnikov ugol'nykh shakht [Justification of Methodical Approaches to the Development of Labour Protection for Coal Mine Workers]. *Vestn. Kuzbasskogo gos. tekhn. un-ta*. 2007, no. 1.

Поступила в редакцию / Received ***16 ноября 2016 г. / November 16, 2016***

УДК 330.15 DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-75-80

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА В РОССИИ

© 2016 г. А.В. Шевелева

DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF ECOLOGICAL AND ECONOMIC POLICY OF OIL AND GAS COMPANIES IN RUSSIA

A.V. Sheveleva

Шевелева Анастасия Викторовна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента, маркетинга
и внешнеэкономической деятельности,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ,
пр. Вернадского, 76, г. Москва, 119454.
E-mail: a_sheveleva@rambler.ru

Anastasia V. Sheveleva –
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Management, Marketing
and Foreign Economic Activity,
Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
Vernadskogo Ave, 76, Moscow, 119454, Russia.
E-mail: a_sheveleva@rambler.ru

Анализируется роль экологизации производственных процессов в экономике страны. В настоящее время она приобретает многоуровневый и социально-экономический характер. Это позволяет увязать интересы предприятий и общества в экологической сфере, обеспечив экономию как финансовых средств, так и природных ресурсов в ходе рационального использования природно-ресурсного потенциала экономики. Показано, что основные причины и факторы техногенного воздействия, влияющего и определяющего состояние экологических объектов, связаны с деятельностью в регионе предприятий нефтегазового комплекса. Подобные регионы нуждаются в срочных радикальных мерах по снижению экологических рисков и негативного воздействия, возникающих в процессе нефте- и газодобычи. В связи с этим нефтегазовыми компаниями должна быть сформирована стратегическая альтернатива традиционному подходу к освоению ими региональных ресурсов, так как сегодня сложилась серьезная асимметрия в распределении эффектов от добычи полезных ископаемых.

Ключевые слова: *экологизация, нефтегазовый комплекс, дефицит сырьевых ресурсов, эколого-экономическая политика.*

The role of cleaner production in the economy is analyzed. Nowadays it acquires the multilevel and socio-economic character. It makes possible to reconcile the interests of business and society in the environmental field, providing savings in both financial assets and natural resources in the rational use of natural resources potential of the economy. It is shown that the main causes and factors of technogenic impact which influence and determine the state of environmental objects are associated with the activities in the region of oil and gas companies. Such regions are in need of urgent radical measures to reduce environmental risks and negative impacts arising during oil and gas production. In this regard, oil and gas companies should form the strategic alternative to the traditional approach to development of regional resources, as nowadays, a serious asymmetry in the distribution of the effects of mining exists.

Keywords: *greening, oil and gas complex, deficit of raw material resources, ecology-economic policy.*

Существуют факторы как ограничивающие экологизацию, так и способствующие ей, но самым важным является замена применяемых технологий производства на инновационные технологии «более чистого производства», минимизирующие эмиссию загрязняющих отходов либо полностью предотвращающие их появление и обеспечивающие их сосредоточение только в месте первоначального образования.

Опыт прошлых лет в рамках регулирования и стимулирования снижения загрязнения показывает, что самый действенный способ достижения этого – осуществление серьезных капиталовложений во внедрение экологически чистых технологий в производственный процесс, позволяющих получить меньший поток загрязнения «на выходе» производственной системы, а также рециклинг ресурсов, что

может быть обеспечено путем внедрения в практику работы компании наилучших доступных технологий (НДТ). Задачам экологически устойчивого развития также будут отвечать задачи экономии не только в производственно-энергетическом, но и в энерго-потребительском секторе, для чего необходимо обеспечить соответствие технологий, используемых в добывающем и перерабатывающем энергетических секторах, с технологиями экономии энергии в потребительском секторе.

В качестве условия успешного экономического стимулирования выступает реформирование системы нормирования на основе интенсивно внедряемых в практику деятельности российских промышленных компаний НДТ. Для стимулирования внедрения новых технологий предполагается использовать финансовые инструменты [1, с. 31–32] – налоги, процентные ставки по банковским кредитам, амортизацию, так как эксперты отмечают, что существующая высокая налоговая нагрузка на российский нефтяной сектор не позволяет разрабатывать большую часть ресурсов нетрадиционных углеводородов без дополнительных мер государственной поддержки и при этом еще обеспечивать рентабельность своего производства. Например, внедрение НДТ станет обязательным условием для получения преференций в рамках закона о промышленной политике, основным требованием, предъявляемым к инвесторам, будет создание новых производств на основе таких технологий. Через Фонд развития промышленности планируется выделять займы на реализацию предбанковской фазы инвестиционных проектов по льготным ставкам. Они будут использованы для модернизации производств с учетом новых требований и разработки оборудования, соответствующего НДТ.

Указана также и возможность введения механизма ускоренной амортизации для оборудования, относящегося к НДТ, зачет платы за негативное воздействие в счет инвестиций, невзимание этой платы после внедрения НДТ, возмещение ставки по кредиту на реализацию таких проектов в счет налога на прибыль. Если же компания не достигает технологических нормативов, ее платежи будут расти за счет применения повышающих коэффициентов до размеров, сопоставимых с затратами на очистку выбросов и сбросов.

Новые инструменты природоохранной политики предполагается вводить постепенно. В 2015–2018 гг. предприятия поставят на учет и подготовят справочники НДТ, в 2019–2022 гг. создадут межведомственные комиссии для рассмотрения программ повышения экологической эффективности [2], после чего начнется процесс отправки разработанных экологических решений 300 специально отобранным компаниям. К 2020 г. предполагается перевести на подобный режим все другие предприятия (рис. 1).

Для повышения эффективности институциональных инструментов, направленных на экологизацию предприятий нефтегазового комплекса, необходимо сформировать комплекс мер регионального характера, которые обеспечат предприятия и регионы всеми необходимыми ресурсами и приведут к снижению отрицательных последствий деятельности предприятий, производящих большие объемы выбросов загрязняющих веществ. Также данные меры должны способствовать установлению таких воспроизводственных и отраслевых пропорций, которые бы развивали производство экологических товаров и услуг и формировали подходящие условия для оптимизации использования природноресурсного потенциала. Решить эту проблему достаточно сложно из-за влияния негативных тенденций мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., кризиса 2011 г., а также в связи с резким обесценением отечественной валюты в 2014–2015 гг., что обострило проблему изыскания финансовых ресурсов инвестиционного характера и направления их на экологические цели для обеспечения устойчивого развития российских регионов и нефтегазовых компаний. Это повлекло за собой проблему высокой изношенности основного капитала (рис. 2), невозможность приобрети новое оборудование, отвечающее экологическим требованиям и способствующее снижению выбросов загрязняющих веществ, что в свою очередь привело к существенному росту аварийных ситуаций на объектах природопользования.

Обратим внимание на тот факт, что ни одна из отраслей экономики России не характеризуется такой высокой степенью износа основных фондов, как добыча полезных ископаемых: ввиду высокой рентабельности отрасли и возможности реализации в связи с этим инвестиционных программ, связанных с обновлением основных фондов, неадекватными выглядят показатели износа в отрасли по сравнению, например, с тем же сельским хозяйством: в 2013 г. степень износа основных средств у сельскохозяйственных предприятий составила 36,0 %, в то время как в добыче полезных ископаемых – 52,3 %.

Эксперты отмечают, что единым действиям мирового сообщества в решении глобальных проблем – изменение климата и защита окружающей среды – мешает санкционная политика Запада.

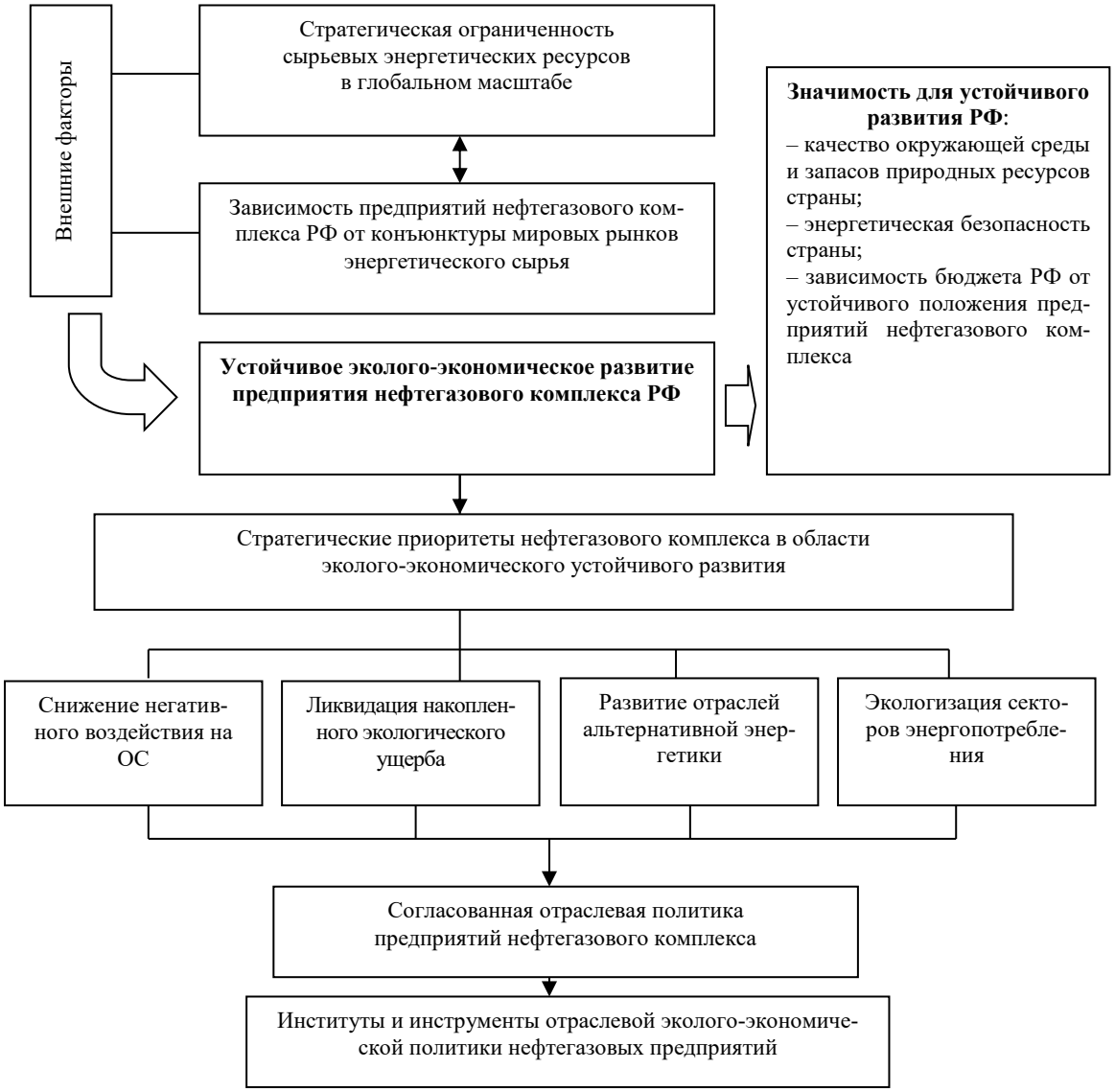


Рис. 1. Концептуальная схема разработки методологии исследования проблематики совершенствования эколого-экономической политики предприятий нефтегазового комплекса / Fig. 1. Conceptual diagram of the development of research methodology issues of improving environmental and economic policy of oil and gas companies

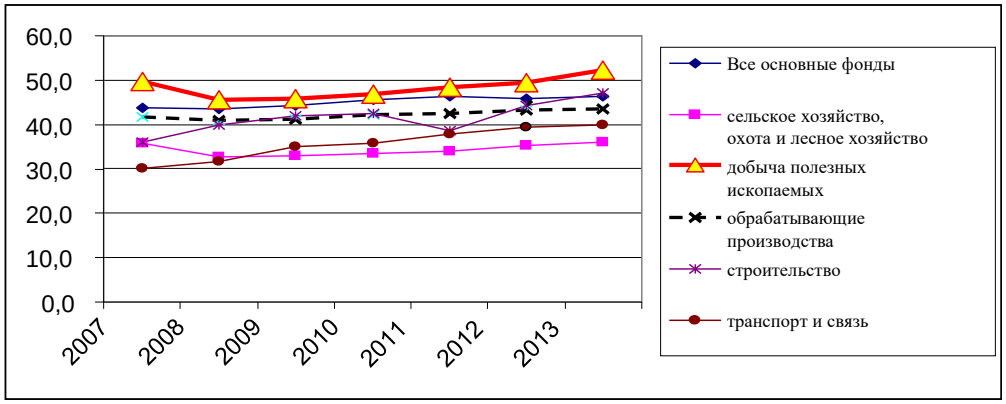


Рис. 2. Степень износа основных фондов коммерческих организаций, %[1] / Fig. 2. Depreciation of fixed assets of commercial organizations

[1] Составлено по данным Росстата: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/fund/#.

Одним из неблагоприятных эффектов с экологической точки зрения введенных санкций стало уменьшение доли бюджетных расходов РФ, направленных на реализацию мероприятий по повышению энергоэффективности и уменьшению выбросов парниковых газов. Если раньше субсидии регионам на реализацию данных мероприятий распределялись регулярно [3, с. 2622], то сейчас доступ к этому источнику финансирования существенно затруднился.

Проблематику устойчивого развития нефтегазового комплекса России как подсистемы экономики, оказывающей существенное воздействие на экономическое развитие социума и качество окружающей среды, можно трактовать как в настоящем времени, так и в стратегической перспективе. Почти весь алгоритм производственной деятельности нефтегазовых предприятий включает в себя операции, отличающиеся различной степенью негативного влияния на окружающую среду и эколого-экономическими последствиями. Все неблагоприятные последствия можно подразделить на четыре основных группы в зависимости от направления причиняемого ущерба: эмиссия загрязняющих веществ в водные объекты, атмосферу, землю; изменение структуры недр и трансформация ландшафта; уменьшение стратегического запаса энергетических ресурсов; образование регионов или областей накопленного экологического ущерба. Данные направления должны стать самыми важными при разработке стратегических ориентиров устойчивого развития предприятий нефтегазового комплекса и могут стать базой для создания долгосрочной эколого-экономической политики предприятий этой отрасли [4, с. 201].

К сожалению, несмотря на то, что в России уже довольно давно разрабатываются различные стратегии как в целом для развития страны, так и отдельных отраслей, комплексов и сфер, все еще существует некоторое недопонимание принципиального отличия стратегического управления от оперативного, ведущей идеей которого является перенос центра внимания на окружение или внешнюю среду объекта управления для того, чтобы соответствующим образом и своевременно реагировать на происходящие в ней изменения. В целом стратегия развития нефтегазового комплекса может рассматриваться как некоторая система принципов его функционирования и отношений с внешней и внутренней средой, перспективных целей развития, а также соответствующих решений по выбору способов достижения этих целей (с определенными запасными вариантами) и ориентации субъектов деловой активности на их реализацию. Это одновременно перспектива развития и образец, модель реагирования на изменения внешней среды, в которой функционирует нефтегазовый комплекс.

Говоря об устойчивом развитии нефтегазового комплекса как его стратегической цели, следует отражать возможные изменения внешней среды на экологические, экономические и социальные показатели предприятий нефтегазового комплекса, а также учитывать при этом межпоколенческий аспект. В рамках последнего необходимо прогнозировать отдаленные последствия функционирования нефтегазового комплекса, среди которых наибольшее значение имеют исчерпание соответствующих энергетических ресурсов и расширение территорий, страдающих от накопленного (прошлого) экологического ущерба.

Формируя стратегические ориентиры устойчивого развития нефтегазового комплекса, необходимо помнить, что экологические, экономические и социальные аспекты деятельности его предприятий взаимосвязаны и взаимоопределены. Это означает, что, решая стратегические экологические проблемы комплекса экономически эффективными методами и заботясь о следующих поколениях и их потребностях в энергоресурсах и продукции переработки нефти и газа, предприятия комплекса обеспечивают себе более высокую конкурентоспособность и экономическую устойчивость. Необходимо также обращать внимание на то, что реализация всех предложенных приоритетов должна осуществляться с учетом экономических и в первую очередь финансовых возможностей предприятий. А высокая экономическая и социальная значимость нефтегазового комплекса для социума России требует активного совместного участия в этих процессах не только частных, но и государственных структур, что предполагает развитие современных форм их государственно-частного взаимодействия.

Стоит помнить также и о том, что в скором будущем такая глобальная проблема, как ограниченность запасов сырьевых энергетических ресурсов, станет чрезвычайно остро. Произойдет это вследствие того, что самые экономически выгодные месторождения истощатся и ставший дефицитным ресурс резко подорожает. Хотя у России достаточно благоприятные прогнозы – разведанных запасов, по оценкам экспертов, хватит от 200 лет и более, тем не менее конъюнктура глобального рынка энергоресурсов демонстрирует их удорожание и умень-

шение запасов в основных местах добычи. Некоторые страны и российские регионы уже ощутили на себе эту проблему (например, Германия, из российских регионов – Ростовская область (уголь) и Краснодарский край (нефть)). В отдаленном будущем наращивание подобных проблем в других регионах только обострит вопросы обеспечения энергетической безопасности. Уже сейчас многими развитыми государствами осознана необходимость развития альтернативных видов энергетики в целях снижения зависимости национальных экономик от внешних поставок энергосырья. Предприятия нефтегазового комплекса могут тотально обанкротиться, что в свое очередь развернет волну кризисов на энергетических рынках как отдельных стран, так и по всему миру. Поэтому следует учитывать еще один приоритет эколого-экономической стратегии развития нефтегазового комплекса – целесообразность осуществления исследований в сфере альтернативной энергетики, так как эти разработки способны будут в будущем переориентировать производство на новые альтернативные энергетические рынки.

Если решить эти масштабные задачи, то это позволит обеспечить долгосрочную стратегическую эколого-экономическую устойчивость не только нефтегазовых предприятий и энергетического сектора, но и всей России. В этих целях следует разработать единую отраслевую стратегию эколого-экономического устойчивого развития.

Для реализации эффективных мероприятий в области эколого-экономической политики необходимо использовать широкий спектр мер, в частности организовать природоохранное регулирование экологически чистого производства, задействовав при этом и государственные инструменты регулирования, и экономические инструменты стимулирования. Кроме того, в совершенствовании нуждаются и сами способы экологического регулирования предприятий [5].

Основным аспектом процессов экологизации являются структурные преобразования в системе права собственности на природные ресурсы и сами добывающие предприятия. Процесс распределения сырьевых ресурсов в условиях дефицита происходит так: если альтернативные затраты больше, чем транзакционные издержки, то необходимо изменение формы собственности и образование частных, коммунальных и государственных прав владения, каждое из которых имеет свои плюсы и минусы.

Причины и факторы техногенного воздействия, обусловливающие состояние экологических объектов того или иного региона, напрямую связаны с работой в регионе предприятий нефтегазового комплекса [6, с. 403]. Многочисленные исследования показывают, что ряд регионов (например, Ханты-Мансийский АО) нуждается в принятии срочных радикальных мер по снижению экологических рисков и негативного влияния, возникающего в процессе нефте- и газодобычи предприятиями региона.

Если проанализировать современные проблемы, связанные с деятельностью отечественных корпораций на определенной территории и выполнением комплекса задач по обеспечению социальной ответственности, то очевидна неэффективность данных мероприятий, так как повсеместно наблюдается все больший отрыв корпораций от региональной среды. Чаще всего это выражается в использовании экспедиционно-вахтовой схемы освоения региональных ресурсов, при которой все, кроме природного сырья, доставляется из-за пределов региона и используется исключительно для целей «проекта».

Нефтегазовый комплекс, безусловно, выполняет большое количество как экономических, так и социальных задач и поэтому определяет масштабы и характер социально-экономического развития территории. Регионы, имеющие запасы нефти и газа, подвергаются масштабному освоению, что приводит к значительным изменениям их жизнедеятельности – совершенствуются производственная, транспортная и социальная инфраструктуры. В связи с этим нефтегазовые компании должны сформировать стратегическую альтернативу традиционному подходу к освоению региональных ресурсов, порождающему сложившуюся на сегодняшней день серьезную асимметрию в распределении эффектов от добычи полезных ископаемых и эффективно реализовывать мероприятия для достижения целей социально ответственной компании.

Литература

1. *Бахтизина Н.В.* Освоение мировых ресурсов нетрадиционной нефти: вызовы для России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 35.

2. *Перечнева И.* Чисто модернизация // Эксперт-Урал. 2014. № 45.

3. *Шевелева А.В.* Повышение энергоэффективности нефтегазового комплекса России как условие его устойчивого развития: возможности восприятия европейского опыта // Фундаментальные исследования. 2014. № 12.

4. *Шевелева А.В.* Комплексный стратегический подход к анализу негативного воздействия на окружающую среду предприятий нефтегазового комплекса // Terra economicus. 2013. Т. 11, № 4, ч. 3.

5. *Шевелева А. В.* Трансформация эколого-экономической политики предприятий нефтегазового комплекса в условиях стратегической ограниченности запасов энергетических ресурсов // Пространство экономики. 2013. № 4-3. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ekologo-ekonomicheskoy-politiki-predpriyatiy-neftegazovogo-kompleksa-v-usloviyah-strategicheskoy-ogranichennosti (дата обращения: 09.06.2016).

6. *Тяглов С.Г., Шевелева А.В.* Стратегические ориентиры устойчивого развития нефтегазового комплекса России // Вестн. Сев.-Осет. гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. 2014. № 3.

References

1. Bakhtizina N.V. Osvoenie mirovykh resursov netraditsionnoi nefti: vyzovy dlya Rossii [Development of World Resources of Nonconventional Oil: Challenges for Russia]. *Natsional'nye interesy: prioritety i bezopasnost'*. 2013, no. 35.

2. Perechneva I. Chisto modernizatsiya [Net Upgrade]. *Ekspert-Ural*. 2014, no. 45.

3. Sheveleva A.V. Povyshenie energoeffektivnosti neftegazovogo kompleksa Rossii kak uslovie ego ustoichivogo razvitiya: vozmozhnosti vospriyatiya evropeiskogo opyta [Increase in Energy Efficiency of Oil and Gas Complex of Russia as Condition of its Sustainable Development: Possibilities of Perception of the European Experience]. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2014, no. 12.

4. Sheveleva A.V. Kompleksnyi strategicheskii podkhod k analizu negativnogo vozdeistviya na okruzhayushchuyu sredu predpriyatii neftegazovogo kompleksa [Comprehensive Strategic Approach to the Analysis of Negative Environmental Impact of Oil and Gas Complex Enterprises]. *Terra Economicus*. 2013, vol. 11, no. 4, part 3.

5. Sheveleva A.V. Transformatsiya ekologo-ekonomicheskoi politiki predpriyatii neftegazovogo kompleksa v usloviyakh strategicheskoi ogranichennosti zapasov energeticheskikh resursov [Transformation of Ecology-economic Policy of the Oil and Gas Companies in the Conditions of Strategic Limitation of Inventories of Energy Resources]. *Prostranstvo ekonomiki*. 2013, no. 4-3. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-ekologo-ekonomicheskoy-politiki-predpriyatiy-neftegazovogo-kompleksa-v-usloviyah-strategicheskoy-ogranichennosti (accessed 09.06.2016).

6. Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. Strategicheskie orientiry ustoichivogo razvitiya neftegazovogo kompleksa Rossii [Strategic Directions of Sustainable Development of Oil and Gas Complex of Russia]. *Vestn. Sev.-Oset. gos. un-ta im. K.L. Khetagurova*. 2014, no. 3.

Поступила в редакцию / Received ***16 ноября 2016 г. / November 16, 2016***

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

TOUCHES TO THE PORTRAIT

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-81-82

Владимиру Ивановичу Колесникову – 75!

Исполнилось 75 лет Владимиру Ивановичу Колесникову – академику РАН, доктору технических наук, профессору, президенту Ростовского государственного университета путей сообщения (РГУПС). Окончив физмат Ростовского государственного университета, он прочно связал свою жизнь с наукой и образованием. Долгие годы, в очень сложный период развития отечественного образования, Владимир Иванович был ректором РГУПСа − одного из системообразующих вузов Юга России, много сил отдал его реконструкции и обновлению.

В.И. Колесников является всемирно известным ученым и организатором науки в области технологии, физики и механики металлополимерных композиционных трибосистем. Основным направлением его научной деятельности являются разработка теоретических основ для создания принципиально новых износостойких композиционных материалов, совершенствование методик и теории синтеза высоких технологий и оптимизации сложных процессов в трибосистемах с целью повышения надежности и ресурса работы машин, механизмов и оборудования.

В рамках этого направления разработаны теоретические и экспериментальные методы определения структуры температурного поля в приграничной области фрикционного контакта, что позволило сформулировать принципы управления физико-химическими процессами при трении и создать целый класс новых высокоэффективных композиционных полимерных материалов фрикционного и антифрикционного назначения, конструкций из них, технологических процессов при их производстве. Полученные результаты научно-исследовательских работ являются универсальными, они используются как на предприятиях транспорта, так и в газовой и химической промышленности, в машиностроении.

Под руководством академика В.И. Колесникова в РГУПСе создана научная школа трибологов, успешно взаимодействующая с другими российскими и зарубежными учеными, работающими в этой области. Под его руководством были выполнены фундаментальные работы более чем по десяти проектам Российского фонда фундаментальных исследований и проекту «Комплексный мониторинг состояния конструкций железнодорожного пути для обеспечения безопасности движения поездов», финансируемому совместно РФФИ и ОАО «РЖД». Особое внимание было уделено научно-исследовательской и опытно-конструкторской работе по заказу ОАО «РЖД» «Исследование влияния физико-химических теплофизических процессов на износ в трибосистеме “колесо – рельс”», что дало значительную экономию средств.

Владимир Иванович широко известен в научной среде не только в нашей стране, но и за ее пределами; он – автор более 650 научных трудов, в том числе 15 монографий, 65 патентов и ряда публикаций в ведущих зарубежных изданиях. Им подготовлены 12 докторов и 26 кандидатов наук. В 2003 г. В.И. Колесников

был удостоен премии Президента РФ за цикл трудов для технических вузов «Научное, учебно-методическое и организационное обеспечение подготовки инженерных и научных кадров в области триботехники (трения, износа и смазки)».

В течение последних лет В.И. Колесников является руководителем гранта Российского научного фонда на тему «Исследование механизма формирования и функционирования поверхностных наноструктур на трибоконтакте для создания антифрикционного слоя с заданными трибофизическими характеристиками». Под его руководством на базе РГУПСа совместно с Институтом проблем механики РАН и Институтом машиноведения им. А.А. Благонравова РАН созданы научно-исследовательские лаборатории «Трибология и материалы» и «Проблемы техногенной безопасности и трибологической надежности транспортных объектов и систем», а также лаборатория «Транспорт, энергетика и новые композиционные материалы» при Южном научном центре РАН.

В.И. Колесников успешно совмещает научно-педагогическую работу с общественной и политической деятельностью. В 1989 г. он был избран народным депутатом − председателем подкомитета «Железнодорожный транспорт» Верховного Совета СССР. В настоящее время − член Экспертного совета при Правительстве РФ, член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России, председатель трёх диссертационных советов, член редакционной коллегии журнала «Трение и износ», главный редактор журналов «Вестник Ростовского государственного университета путей сообщения», «Известия вузов. Северо-Кавказский регион», член бюро Межведомственного научного совета по трибологии РАН, член бюро научного совета РАН по проблемам машиноведения и технологических процессов, председатель Российского национального комитета по трибологии.

Владимир Иванович·– инициатор и организатор проведения многих всероссийских и международных конференций.

Под руководством и при непосредственном участии В.И. Колесникова в РГУПСе создана лаборатория «Нанотехнологии и новые материалы», где в рамках межвузовских и федеральных научно-технических программ «Ресурсосберегающие технологии» и «Новые материалы» созданы новые полимерные и смазочные материалы для узлов трения путевых, строительных, грузоподъемных, транспортных и сельскохозяйственных машин. Внедрение таких материалов в тяжелонагруженных узлах трения подвижного состава на предприятиях железнодорожного транспорта позволило снизить эксплуатационные расходы и ремонт трибосопряжений, вдвое уменьшить энергозатраты. Разработан принципиально новый способ лубрикации трибосистемы «колесо – рельс» путем нанесения на боковую грань головки рельса многослойного антифрикционного наноструктурированного покрытия.

Наряду с выдающимися научно-исследовательскими и организаторскими качествами Владимир Иванович обладает потрясающей энергетикой, позволяющей ему на протяжении многих лет трудиться на благо Родины. Для окружающих он не только академик РАН, президент крупного вуза на Юге России, но и добрый и отзывчивый, простой в общении человек. Он и верный товарищ, и чуткий руководитель, помогающий решать различные проблемы окружающим его сотрудникам и студентам, благодарный и внимательный ученый, помнящий о своих учителях.

Поздравляем Владимира Ивановича с юбилеем, желаем здоровья, исполнения желаний, талантливых учеников и учениц!

А.О. Ватульян,
доктор физико-математических наук, профессор,
Южный федеральный университет

П.Г. Иваночкин,
доктор физико-математических наук, профессор,
Ростовский государственный университет путей сообщения

М.И. Чебаков,
доктор физико-математических наук, профессор,
Южный федеральный университет

Редколлегия и редакция журнала сердечно поздравляют своего главного редактора с юбилеем, отмечая бесконечную мудрость и терпимость Владимира Ивановича в решении сложных управленческих задач, желают ему крепкого здоровья и покорения новых творческих вершин!

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-83-85

Генрих Стродс (1925–2012). Очерк жизни и деятельности латышского историка

В апреле 2016 г. исполнилось четыре года, как ушел из жизни выдающийся советский и латвийский историк Генрих Стродс (Heinrihs Strods). Его без всякого преувеличения можно назвать одним из самых плодотворных ученых-историков Латвийской ССР и Латвии. Стродс опубликовал более 800 научных статей и 32 монографии на латышском, русском, польском, немецком и английском языках[1]. Он был успешным и востребованным историком как во времена СССР, так и в постсоветский период. До 1991 г. он относил себя к советским исследователям-марксистам, а после распада Советского Союза выступал как историк-националист, что, безусловно, отразилось в его научных трудах.

Стродс родился в 1925 г. в Двиетской волости Латвии в семье крестьян. Раннее знакомство с тяжелым трудом пахарей, по всей видимости, предопределило его дальнейшую специализацию – аграрную историю. Интерес к истории он проявлял, еще когда учился в Двиетской школе и гуманитарной гимназии в Илуксте. Именно тогда он написал свои первые статьи для газеты «Даугавпилский вестник» об истории родного края – Селии[2].

С 1945 по 1950 г. он был студентом Латвийского университета. С 1949 г. работает в Центральном музее истории Латвийской ССР. Женитьба на антисоветской активистке в 1950 г. не поставила крест на карьере молодого ученого.

Специализацией Стродс выбрал аграрную историю Латвии XVIII–XIX вв., вопросы генезиса капитализма в деревне и истоки национально-освободительного движения латышей.

В 1953 г. он благополучно защищает диссертацию на тему «Курземские казенные поместья в период распада барщинного хозяйства первой половины XIX века» [1]. Это серьезное исследование развития капитализма на землях Курляндии с опорой на документы помещичьих усадеб остзейского дворянства. Поражает обилие статистического материала, который ученый аккуратно обрабатывает и систематизирует.

С опорой на постулаты марксизма-ленинизма Стродс утверждает, что в землях Курляндии к моменту отмены там крепостного права в 1816–1819 гг. уже произошло разложение феодального способа производства и вовсю развивался капитализм [1, с. 213]. Таким образом, им высказывалось предположение, что отмена крепостного права в этих землях была определена объективно сложившимися экономическими условиями, а не только политической волей императора Александра I. По мнению Стродса, именно новый способ производства и стал причиной формирования национального латышского движения в середине – конце XIX в. Эти выводы историк будет отстаивать в течение всей своей долгой карьеры.

С 1954 по 1970 г. Стродс трудился в Институте истории АН Латвийской ССР, где занимал пост заместителя директора музея по научной работе. Под его руководством проводились этнографические исследования и раскопки в разных уголках Латвии, составлялись пособия по проведению экспедиций вузов ЛССР [2, с. 98–112].

С 1970 по 1982 г. Стродс возглавляет лабораторию истории феодализма Института истории АН ЛССР. На этом посту он проявляет себя как талантливый руководитель и организатор научной деятельности. Его докторская диссертация на тему «Сельскохозяйственная Латвия конца XVIII – середины XIX века» была благосклонно принята диссертационным советом Института истории АН СССР и степень доктора исторических наук была присуждена.

После получения степени доктора наук карьера Стродса идет стремительно вверх: в 1982 г. он стал заведующим кафедрой истории СССР на историческом факультете ЛатвГУ. На этом посту он трудился до 1993 г. Многими современниками отмечались его успехи в организаторской работе на факультете, актуализации учебных программ и привлечении к преподавательской работе лучших историков Латвийской ССР.

В советское время работы Стродса публиковались в журналах союзных республик и СССР, он участвовал в конференциях в Москве, Ленинграде и других крупных городах страны. Его работы получали

[1] Список публикаций Стродса доступен на сайте Латвийского университета. URL: http://www.biblioteka.lu.lv/par-biblioteku/izstades/virtualas-izstades/strods/h-stroda-bibliografija/; http://www.lu.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/zinas/Strods_Izstade_izvietotie_ izdevumi.pdf.

[2] Се́лия (Село́ния, Áугшземе; латыш. Sēlija, лит. Aukšzemė, латгал. Selonia) – одна из пяти культурных областей Латвии. Берет свое название от племени селов, обитавшего в средние века на этой территории.

положительные отзывы от разных историков, в том числе И.Д. Ковальченко[1], Н.М. Дружинина[2], В.К. Яцунского[3]. Принадлежность к советской школе аграрной истории часто высказывалась и самим Стродсом [3, с. 230–235].

В постсоветской Латвии профессор стал ярым проповедником национализма, занимаясь активной политической агитацией. Начиная с 90-х гг. XX в. тон публикаций резко изменился. Прежде лояльный коммунистической идеологии партийный ученый-атеист [4, с. 125] быстро изменил свои взгляды и стал антисоветским агитатором. Своим пером Стродс стал служить новому Латвийскому государству и клеймить «оккупационную державу СССР», в которой когда-то делал карьеру. До самой смерти профессор читал лекции в Латвийском университете по истории Латвии.

С 1998 по 2012 г. Стродс был главой научно-исследовательской группы Музея оккупации Латвии, являлся руководителем комиссии историков при канцелярии Президента Латвии. Стродс переключился с аграрной истории на исследования широкого спектра от политики до религиоведения.

В своих исследованиях он касается периода «советской оккупации Латвии» [5]: депортации латышей при Сталине [6, с. 130–135], проблем нацистской оккупации Латвии [7], борьбы «лесных братьев» против коммунистов в 1940–1950-е гг. [8]. Не забывает он об этнографии, в 2011 г. издает историю родной Селии [9].

В качестве примера политизированности стоит проанализировать работу Стродса «История католической церкви Латвии 1095–1995» [10], ставшей первой в исторической науке попыткой осмысления 900 лет истории католицизма в этой прибалтийской стране. В ней подробно рассматриваются источники со всей Европы, приводится большое количество статистического материала. Все разделы, кроме относящихся к XX в., являются качественным исследованием истории римско-католической церкви в Латвии. Главы по истории XX в. не выдерживают никакой критики, явственно просматривается тенденциозность изложения материалов. К примеру, совершенно не отражены противоречия католического духовенства Латвии и президента Латвии К. Улманиса, насаждавшего лютеранство в 1934–1940 гг. [10, с. 234–243]. Освещение советского периода в истории Латвийской католической церкви представлено весьма однобоко, отсутствуют ссылки на советские источники[4]. Приводятся только факты гонений на веру в СССР, притом, что католическое духовенство довольно активно само сотрудничало с уполномоченным по религиозным делам СССР.

Преклонный возраст не влиял на работоспособность профессора, ему могли позавидовать многие молодые исследователи. Некоторые коллеги по цеху в шутку зачастую называли Стродса «кроликом» за большую «плодовитость». До самого последнего дня он издавал множество книг по истории и этнографии Латвии.

Несмотря на излишнюю политизированность работы в последние годы, нет никаких сомнений в том, что наследие Стродса будет актуальным еще долгие годы для научного сообщества Латвии и сопредельных стран.

Литература

1. *Strods H.* Kurzemes kroņa muižas klaušu saimniecības sairšanas periodā 19. gs. 1.pusē. Disertācija vēstures zinātņu kandidāta grāda iegūšanai; zin. vadītājs J. Zutis. Rīga, 1953.
2. *Стродс Г.П.* Полевые этнографические источники в историческом исследовании // Источниковедение отечественной истории. М., 1972.
3. *Strods H.* Zur Erforschung der baltischen Agrargeschichte vom Ende des 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts in den Jahren 1945 - bis 1980 // Forschungen zur Geschichte und internationalen Wirksamkeit der sowjetischen Historiographie. Halle (Saale), 1984.
4. Католицизм в СССР и современность. Вильнюс, 1991.
5. *Strods H.* PSRS politiskā cenzūra Latvijā, 1940-1990. 2 daļas. Rīga, 2010.

[1] Ковальченко Иван Дмитриевич (1923–1995) – видный советский и российский историк, академик АН СССР. Один из основоположников советской школы клиометрии и количественных методов в исторических исследованиях. Основатель Комиссии по применению ЭВМ в исторических исследованиях при Институте истории АН СССР.
[2] Дружинин Николай Михайлович (1886–1986) – советский историк, специалист по социально-экономической и политической истории XIX века. Академик АН СССР (1953), лауреат Ленинской и Сталинской премии второй степени.
[3] Яцунский Виктор Корнельевич (1893–1966) – российский историк, специалист в области исторической географии и экономической истории России, а также в области генезиса капитализма.
[4] ГАРФ Ф. 6991; Latvijas Valtsts Archivs. F.1419, F. 1448.

6. *Стродс Г.П.* Депортация населения Прибалтийских стран в 1949 году // Вопросы истории. 1999. № 9. С. 130–135.
7. *Strods H.* Zem melnbrūnā zobena: Vācijas politika Latvijā 1939-1945. Rīga, 1994.
8. *Strods H.* Latvijas nacionālo partizānu karš. 1944-1956. Rīga, 1996.
9. *Strods H.* Sēlija senāk un tagad. Rīga, 2011.
10. *Strods H.* Latvijas Katoļu baznīcas vēsture, 1095-1995. Rīga, 1996.

References

1. Strods H. *Kurzemes kroņa muižas klaušu saimniecības sairšanas periodā 19. gs. 1.pusē*. Disertācija vēstures zinātņu kandidāta grāda iegūšanai; zin. vadītājs J. Zutis. Rīga, 1953.
2. Strods G.P. [Field Ethnographic Sources in Historical Research]. *Istochnikovedenie otechestvennoi istorii* [Chronology of national history]. Moscow, 1972.
3. Strods H. Zur Erforschung der baltischen Agrargeschichte vom Ende des 18. bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts in den Jahren 1945 - bis 1980. *Forschungen zur Geschichte und internationalen Wirksamkeit der sowjetischen Historiographie*. Halle (Saale), 1984.
4. *Katolitsizm v SSSR i sovremennost'* [Catholicism in the Soviet Union and Modernity]. Vilnius, 1991.
5. Strods H. *PSRS politiskā cenzūra Latvijā, 1940-1990*. 2 daļas. Rīga, 2010.
6. Strods G.P. Deportatsiya naseleniya Pribaltiiskikh stran v 1949 godu [The Deportation of the Baltic Countries Population in 1949].*Voprosy istorii*. 1999, no. 9, pp. 130-135.
7. Strods H. *Zem melnbrūnā zobena: Vācijas politika Latvijā 1939-1945*. Rīga, 1994.
8. Strods H. *Latvijas nacionālo partizānu karš. 1944-1956*. Rīga, 1996.
9. Strods H. *Sēlija senāk un tagad*. Rīga, 2011.
10. Strods H. *Latvijas Katoļu baznīcas vēsture, 1095-1995*. Rīga, 1996.

С.Г. Извеков,
соискатель кафедры новейшей истории России
факультета истории, политологии и права
Московского государственного областного
университета

DOI 10.18522/0321-3056-2016-3-86-89

Фронтовик, историограф революции М. С. Чигринский

В ряде номеров журнала уже были опубликованы биографические очерки о видных донских историках П.В. Семернине, Е.Н. Осколкове, Э.Д. Осколковой, Г.А. Иноземцеве, Г.Г. Баумане [1–5]. Расскажем еще об одном известном преподавателе общественных наук, оставившем яркий след в истории Ростовского государственного университета (РГУ).

Михаил Семенович Чигринский родился 29 сентября 1920 г. в украинском городе Кременчуге в семье служащего. С 1927 г. он жил в Ростове-на-Дону, где закончил сначала семилетнюю школу, а затем педучилище. В 1938 г. поступил на исторический факультет Ростовского педагогического института. Когда началась война, М. Чигринский пошел добровольцем на фронт. Будучи пулеметчиком, он одновременно выполнял обязанности политбойца, или внештатного взводного замполита. Это возлагало на него особые обязанности, главная из которых заключалась в том, чтобы первым вставать в атаку и увлекать за собой рядовых бойцов.

Сейчас много различных точек зрения, умаляющих роль компартии в войне, предлагающих считать в качестве источников победы и роль православной церкви, и древнерусский патриотизм... Но в бой первыми шли, как правило, коммунисты с лозунгом «За Родину, за Сталина». Причем данный слоган не означал особой любви к личности вождя (хотя у кого-то и это было). Был некий феномен отождествления образа Верховного главнокомандующего с Отечеством. Сталинский лозунг был синтезом всего – преодолением страха смерти, клятвой верности, верой в грядущую Победу, выражением смысла жизни солдата в этом бою... Это сейчас всем известно о массовых репрессиях, о ГУЛАГе, о паранойе Сталина и т.д., а тогда все это было для большинства граждан не просто тайной, а невозможным явлением. М. Чигринский был именно таким – преданным советским патриотом, интернационалистом, коммунистом по убеждениям.

На фронте он был принят кандидатом в члены ВКП(б). В бою получил тяжелое ранение, из-за сильно изувеченной руки ему пришлось демобилизоваться. Он вернулся в Ростов-на-Дону, и здесь 16 июля 1942 г., буквально за неделю до начала второй оккупации, ему выдали диплом с отличием об окончании исторического факультета. Через Нальчик и Баку он добрался в Сталинабад – столицу Таджикистана. Там работал преподавателем средней школы и вечернего университета марксизма-ленинизма. Одновременно участвовал в общественно-политической жизни города, печатался в местной прессе. В июле 1946 г. возвратился в Ростов-на-Дону и стал работать в системе партийного просвещения. С 1951 г. работал в Ростовском инженерно-строительном институте, сначала ассистентом, затем старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма. В декабре 1958 г. перешел в Ростовский госуниверситет, с которым была связана вся его дальнейшая жизнь.

В М.С. Чигринском удачно сочеталось две ипостаси – блестящего лектора и глубокого исследователя-историка. Это в принципе не очень частое явление. Нередко крупный исследователь является скучным лектором, а блестящий лектор и талантливый методист не имеет серьезных научных трудов. М.С. Чигринский обладал импульсивным холерическим характером, что делало его лекции маленькими спектаклями. Рассказывая о буржуазии, которая крадется к власти, он выходил из-за трибуны и, полусогнувшись, показывал, как она «крадется к власти». Таких примеров было множество. Он был совершенно удивительным преподавателем-артистом. Математик А.В. Абанин вспоминал: «Читал он блестяще, умел найти неординарное объяснение какому-либо историческому событию и нас учил тому же. Задавая по ходу чтения лекции вопрос, он резко поднимал вверх свой единственный указательный палец (остальные оторвало в войну, а этот остался из-за того, что лежал на спусковом крючке) и эмоционально восклицал: “Ищущие, алчущие, жаждущие – где вы?”. Это значило, что ответивший получал дополнительный балл на экзамене, а иногда и автомат по экзамену. Такое было крайне редко, поскольку его вопросы были очень нестандартными, а ответов на них в канонических учебниках не было. Мне, кстати, это так и не удалось сделать ни разу» [6].

Автору этой статьи лично довелось слушать спецкурсы М.С. Чигринского на истфаке РГУ и ИППК при РГУ, много с ним лично общаться и слушать его рассказы, оценки и суждения. Нашу студенческую

группу он любовно называл «мерзопакостниками» и иногда норовил ткнуть понравившегося ему студента своим оставшимся единственным пальцем в живот с какой-нибудь прибауткой. Это означало доверие и удовольствие от общения с ним.

Научная работа доц. М.С. Чигринского была связана с изучением дореволюционного периода истории партии в историографическом ключе. В центре его внимания была теория социалистической революции, включая так называемый национальный вопрос. Его кандидатская диссертация называлась «Из истории борьбы большевиков за пролетарский интернационализм (1914–1916)». (Горький, 1962). Познания в этой сфере были просто исключительными. Он всю жизнь собирал библиотеку по этой теме, и она была, без сомнений, одним из лучших книжных собраний по общественно-политической проблематике в городе. Наиболее интересные и крамольные места на страницах книг ученый выделял фломастерами и цветными карандашами, причем делал это с безбожной силой. Когда у него просили драгоценные для него книги, он отвечал: «Не шарь по полкам жадным взглядом. Здесь книги не даются на дом. Только последний идиот на дом книги выдает». Думается, что дело заключалось не в примитивной жадности, а в нежелании, чтобы посторонние люди увидели, что он подчеркивает, что он думает, что действительно важно для него. Его исторические познания простирались фантастически дальше программы курса истории КПСС. Он знал такие факты из истории большевистской партии, которые иногда переворачивали ее общепринятую концепцию буквально с точностью до наоборот. Он помнил, кто что сказал и почему, четко фиксировал, где это было написано, мотивы поведения вождей…. При этом он категорически не считал себя инакомыслящим, но сам жил в кругу своих книг и знаний, как в «башне из слоновой кости».

М.С. Чигринский не только никогда не позволял себе публичную критику власти, но активно работал в методическом совете Дома политпросвещения при Ростовском обкоме КПСС. Он всегда помнил о требованиях руководства партии, которые воспринимал как абсолютно необходимые в данных условиях. То, что он думал и рассказывал в узком кругу близких ему людей, и то, что он печатал, были достаточно разные по содержанию вещи. Это была латентная фронда шолоховского типа, которая выражалась в необыкновенной эмоциональности изложения, намеках и аллюзиях… Двойственность и противоречивость такой ситуации иногда ставила его в неловкое положение.

Особенно тяжело ему пришлось в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда была развернута кампания против космополитизма, которая приобрела в конечном счете антисемитский характер. М.С. Чигринский был евреем по национальности и болезненно воспринимал эту грязную кампанию. Он рассказывал автору этой статьи о неловких и просто оскорбительных ситуациях, в которые попадал в то время. При этом как фронтовик он априори посчитал себя обязанным, несмотря ни на что, поддержать политику партии, которую возглавлял Верховный Главнокомандующий, что имело негативные последствия для отношений с некоторыми его коллегами.

Вероятно, вышеописанная история обусловила выбор главной темы последующего научного исследования – соотношения классового и национального в теории и практике социализма. Этой проблеме он посвятил целый цикл статей и брошюр. Итогом его исследований стала монография «Борьба за ленинскую теорию социалистической революции (1914–1917 гг.)» [7]. Докторскую диссертацию он не успел защитить, так как начались перестроечные процессы, пошел поток публикаций с новыми документами, и он просто не успевал осмыслить новации. Его ученица Г.И. Краславская защитила в 1989 г. диссертацию на тему: «В.И. Ленин об укреплении и развитии революционной традиции в годы реакции (1907–1910 гг.)» Через год М.С. Чигринский умер, не дожив года до распада СССР и запрета КПСС.

Как оценить его труды сегодня? Выскажем свое личное мнение. В современных условиях социализм вспоминается в прошедшем времени, проблема ленинской теории социалистической революции выглядит *плюсквамперфектом* (от лат. **plus quam perfectum** – «больше, чем перфект», давнопрошедшее время в немецком языке), а перипетии борьбы Ленина в этом направлении вообще никого интересуют. Но надо иметь в виду, что Октябрьская революция и ее подготовка партией большевиков – это факт реально состоявшейся истории. В то время было множество теорий революционного процесса оппонентов Ленина, но прав оказался именно он. М.С. Чигринский аргументированно показал, что Ленин сначала доказал теоретически возможность революции в России, как в слабом звене империализма, а только затем возглавил этот процесс. Плеханов, Мартов, Чернов, Церетели и другие проиграли, не поняв сущность новой эпохи, не освоив новую методологию анализа империализма.

Сегодня ситуация в мировой политике доказывает, что эпоха войн и революций не закончилась. Современные политики отказались от ленинской методологии анализа, занимаясь геополитическими и этнополитическими расчетами, утверждая, что большевики «предали» Россию, которая якобы «победила» в Первой мировой войне… Отдельные лидеры КПРФ заявили, что Россия исчерпала лимит на революции. «Национал-большевики» Лимонова, наоборот, звали к немедленной революции. М. Чигринский пророчески писал, что извращения ленинской теории идут с двух сторон. Со стороны буржуазных социологов, уверяющих, что марксистско-ленинское учение о революции в настоящее время устарело, так как капитализм трансформировался, стал народным, и в революции теперь нет необходимости. И со стороны ревизионистов всех оттенков, вынашивающих теории экспорта, подталкивания революции [7].

М.С. Чигринский постоянно подчеркивал, что противопоставлять национальные задачи пролетариев той или другой страны задачам интернациональным, значит допускать грубейшее искажение марксистско-ленинской теории. Кажется, сейчас эти слова выглядят анахронизмом. Но для подготовленного историка марксизм остается одним из реальных инструментов познания социального мира. В конце концов никто не отменил ни социальную дифференциацию при капитализме, ни социально-классовую борьбу, ни стремления людей к социальной справедливости. И яркое научное творчество М.С. Чигринского, одного из крупных исследователей теории и практики революции в России, найдет свое место в исторической науке.

Литература

1. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* Видный историк, мужественный солдат, участник движения Сопротивления в Нидерландах Г.Г. Бауман // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 1.

2. *Казарова Н.А., Кислицын С.А.* Ученый-историк, исследователь, педагог Эмма Дмитриевна Осколкова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 2.

3. *Кислицын С.А., Кислицына И.Г.* Воин, археолог, декан Г.А. Иноземцев // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 2.

4. *Матвеев Г.А.* Ученый, педагог, руководитель, человек (к 90-летию со дня рождения Евгения Николаевича Осколкова) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 2.

5. *Кислицын С.А., Нарежный А.В.* П.В. Семернин – основатель кафедры политической истории РГУ // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2016. № 3.

6. *Абанин А.В.* С благодарностью о тех, кто помог мне стать математиком и помогает им быть. URL: math.rsu.ru/mexmat/ma/nalb/abanin.doc (дата обращения: 10.08.2016).

7. *Чигринский М.С.* Борьба за ленинскую теорию социалистической революции (1914–1917 гг.). Ростов н/Д., 1979.

References

1. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. Vidnyi istorik, muzhestvennyi soldat, uchastnik dvizheniya Soprotivleniya v Niderlandakh G.G. Bauman [Prominent Historian, Courageous Soldier, Member of the Resistance Movement in the Netherlands G.G. Bauman]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshhestv. nauki.* 2015, no. 1.

2. Kazarova N.A., Kislitsyn S.A. Uchenyi-istorik, issledovatel', pedagog Emma Dmitrievna Oskolkova [The Scientist, Historian, Researcher, Teacher Emma Dmitrievna Oskolkova]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshhestv. nauki*. 2015, no. 2.

3. Kislitsyn S.A., Kislitsyna I.G. Voin, arkheolog, dekan G.A. Inozemtsev [Soldier, Archaeologist, Dean G.A. Inozemtsev]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshhestv. nauki*. 2015, no. 2.

4. Matveev G.A. Uchenyi, pedagog, rukovoditel', chelovek (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Evgeniya Nikolaevicha Oskolkova) [Scientist, Teacher, Leader, Person (to the 90th Anniversary of Yevgeny Nikolayevich Oskolkov)]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshhestv. nauki.* 2015, no. 2.

5. Kislitsyn S.A., Narezhnyi A.V. P.V. Semernin - osnovatel' kafedry politicheskoi istorii RGU [P.V. Semernin - the Founder of the Department of Political History RSU]. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshhestv. nauki.* 2016, no 3.

6. Abanin A.V. *S blagodarnost'yu o tekh, kto pomog mne stat' matematikom i pomogaet im byt'* [With Gratitude to Those Who Helped Me to Become a Mathematician, and Help to Stay Him]. Available at: math.rsu.ru/mexmat/ma/nalb/abanin.doc (accessed 10.08.2016).

7. Chigrinskii M.S. *Bor'ba za leninskuyu teoriyu sotsialisticheskoi revolyutsii (1914-1917 gg.)* [Fight for Lenin's Theory of Socialist Revolution (1914-1917)]. Rostov-on-Don, 1979.

С.А. Кислицын,
профессор, заместитель заведующего
кафедрой политологии и этнополитики
Южно-Российского института управления
РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-90-92

Кислицын С.А., Петрова С.В., Репинская О.В. Проблемы прикладной геополитики Евразии / под общ. ред. С.А. Кислицына. М., 2016. 416 с.

Современная политология постоянно углубляет традиционные исследовательские ниши, как равно и определяет новые. Их разнообразие обусловлено современным политическим процессом в его разновеликих выражениях – от местного до международного.

С одной стороны, в мире политики и политического не происходит ничего нового со дня создания первых политологических трактатов Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса.

С другой стороны, современная политика и современный мир политики отмечены разнообразием содержания и формы, которые вызывают все новый исследовательский интерес и стремление как можно скорее найти убедительные детерминанты и объяснительные аргументы.

Современная политология действует в реальности, составляющие которой отягощены приставкой «пост» – посмодернизм, постдемократия, постсекулярность, постсоветскость, постбиполярность и др. В этих условиях не только оправданы, но и необходимы перманентные исследовательские усилия политологов по осмыслению политики в ее самом широком выражении – геополитики, которая материализуется во внутри- и межстрановых, внутри- и межрегиональных, внутри- и межлокальных моделях.

Убедительным примером таких усилий является рецензируемая нами книга С.А. Кислицына, С.В. Петровой. О.В. Репинской. Ее название свидетельствует об актуальности научного поиска авторов и о его очевидном масштабе. Он зафиксирован в географическом, а по факту в геополитическом пространстве авторского интереса – Евразии. Обращает на себя внимание практический характер исследования, которое презентуется именно как прикладное, что крайне важно в современных условиях, обусловленных сложностью множества сущностно-функциональных вопросов, которые неустанно задают сегодня себе политологи и геополитики всего мира.

Проблемы прикладной геополитики очевидны для политологов Юга России, чему способствует «геополитичность» и «этнополитичность» самого региона и геополитические интересы международных игр вокруг Большого Кавказа. Авторы монографии стремятся расширить исследовательский горизонт геополитических исследований за счет изучения пространственных факторов политического процесса, а также за счет разработки *«целенаправленной стратегии управления политическим пространством»* (с. 8–10).

Они исходят из того, что многоуровневость, многосубъектность, многопроектность современной геополитики (как реального процесса) рождает многоуровневость, многосубъектность, многопроектность современной геополитики (как научного знания). Монография включает теоретический раздел, который посвящен теоретико-методологическим основам прикладной геополитики, а также раздел, в котором определяются принципы детерминации и идентификации геоэтнополитических процессов. Отсылки к методологическому наследию и владение интегративными методологическими приемами позволяют авторам глубоко проникнуть в глобальное противостояние современного мира – «*геополитическое противостояние двух типов цивилизаций: талассократии и теллурократии»* (с. 31–33).

Исследователи базируются на концепции евразийской ментальности, которая ориентирована на континентальную ментальность. Это, по их мнению, способствует эффективному осмыслению проекций современной геополитики в регионе Большого Кавказа (с. 45–48). В монографии неоднократно артикулируются геополитические интересы России на Большом Кавказе, на Российском Кавказе, что позволяет авторам как экспертам с выраженной гражданской позицией определить магистральные проявления геополитики в Кавказском регионе.

Несомненной заслугой авторов является уход от примитивного понимания политического и геополитического процессов, которые не ограничены только очевидной борьбой за власть, влияние и доминирование. Исследователи поднимают проблему контроля за геополитическим пространством и вскрывают детерминанты, факторы и техники и технологии такого контроля применительно к интересам России на Большом Кавказе. Заслуживает исключительной поддержки идея авторов о том, что «*самостоятельным объектом геополитических исследований должен стать каждый естественно-географический регион современной России*», а также о внимании к системе «*геополитических взглядов оппозиции*», а мы бы добавили, и всего общества (с. 47–50).

В условиях новых и новационных геполитических и геостратегических реалий, прежде всего вхождения Крыма в состав РФ, политологи всего мирового научного сообщества признают такие тенденции, как этнизация геополитики и геополитизация этнической идентичности и этнической идентификации – индивидуальной и групповой. В ситуации острого международного полилога с участием таких крупных игроков, как Россия, США, Китай, Германия, Турция, а также и Армении, Азербайджана, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Киргизии, Украины и др., народы и этнические группы неизбежно тяготеют не только к этнополитическому, но и геополитическому самоопределению.

В этом смысле чрезвычайно интересны тезисы о современном геополитическом позиционировании этнокультурных, этноконфессиональных сообществ Большого Кавказа. Авторы проводят несколько профессиональных кейсов, посвященных конкретным ситуациям в северокавказских регионах России, а также в Абхазии, Южной Осетии, Нагорном Карабахе, Армении, Азербайджане, Грузии.

Несмотря на широкий исследовательский фронт, им удается уйти от «экспертного верхоглядства» за счет выделения в каждом кейсе доминанты экспертного интереса. Вслед за этой доминантой применительно к каждому обозначенному сюжету выделяется содержательный стержень, на который логично нанизываются авторские идеи, гипотезы, обобщения.

Сильной стороной исследования является то, что ученые не ограничились формальными методами политологии, которые, впрочем, вполне самодостаточны, равно как и самодостаточна политика, геполитика как объекты исследования. Они прибегают к широкой политосоциальной, политокультурной экспертизе обозначенных пространств и сообществ. Это позволяет рассмотреть евразийские геополитические проекции в конкретных регионах (макрорегионах, субрегионах), в частности в Северо-Кавказском, в широком социальном, социокультурном контексте (с. 84–110). Акцентирование прикладных аспектов евразийских геполитических проекций на Юге России авторы подтверждают исследованием формирования и функционирования политико-управленческих, электорально-избирательных, государственно-гражданских систем в ряде республик РФ.

Данные системы имеют собственное содержание, глубоко связанное с социальной, в том числе и в первую очередь с этнокультурной и этноконфессиональной традицией северокавказских сообществ. В этом плане понятны идеи авторов о проблематичности сочетания данных традиций в их современном воплощении (в нашем понимании – в этноконфессиональной архаизации) с дальнейшим развитием демократии, с модернизацией политической системы и всех сторон жизни российского общества, с реализацией важнейшего политико-управленческого проекта – упрочение российской гражданской идентичности.

Убедительность исследования обеспечивается отсылками к истории этнополитических и геополитических процессов, к историческим фактам в национально-государственной биографии народов Большого Кавказа – как Северного, так и Южного (с. 150–190). При этом историко-политические, этнополитические и геополитические реалии рассматриваются в соотнесении с государственными интересами России, прежде всего в части обеспечения национальной безопасности и борьбы с международным терроризмом (с. 306–350).

Монография характеризуется достойным уровнем обобщений, в которых фиксируются важнейшие проблемы геополитических перспектив Евразии: безопасность, борьба с терроризмом, новые форматы международных договорённостей, идеология международного сотрудничества, учет национально-государственных и этнополитических интересов сообществ.

В заключении даются разносторонние рекомендации, без которых, на наш взгляд, политологическое исследование не является полноценным.

В качестве замечаний хочется выразить сожаление, что в анализе предпосылочного знания и в научном аппарате не нашли своего места ряд исследований по соответствующим проблемам. Авторы не обратились

к значимым трудам ученых Северного Кавказа – В. Авксентьева, В. Акаева, С. Аккиевой, М. Аствацатуровой, А. Вартумяна, З. Жаде, Г. Косова, Н. Медведева, В. Панина, М. Юсупова и многих других, проживающих непосредственно в республиках Северного Кавказа, а также в Ставропольском крае и имеющих значительный экспертный теоретический и практический опыт в сфере рассматриваемых проблем.

Также не совсем оправданно рассмотрение проблем прикладной геополитики Евразии без обращения к системе политико-управленческих усилий, которые реализуются по обеспечению геополитических интересов, национальной безопасности и по борьбе с террористической угрозой России на Северном Кавказе полномочными представителями Президента РФ с 2000 г. в Южном и с 2010 г. в Северо-Кавказском федеральных округах.

К сожалению, в исследовании не нашли отражение и коллективные идеи по рассматриваемым проблемам, которые в качестве политических и геополитических деклараций сформулированы в 2014–2016 гг. на таких значимых форумах, как «Российский Кавказ» (Дагестан), «Архыз – XXI» (Карачаево-Черкесия), Ставропольский форум Русского народного собора (Ставропольский край), и рекомендации, которые предлагаются в рамках проектов Распределенного центра межнациональных и межрелигиозных проблем Министерства образования и науки РФ, реализуемых в 2013–2016 гг. в ЮФО и СКФО.

Эти замечания отражают не столько недостатки представленной книги, сколько объективные сложности реализации любого исследовательского проекта.

Исследование демонстрирует высокий профессионализм авторского коллектива, а также очевидный социальный интеллект его членов, их гражданскую и политико-правовую компетентность в избранной нише научного интереса.

Монография, несомненно, представляет большой интерес для специалистов в сфере геополитики, этнополитики, этнологии и может рассматриваться как база для развития дальнейших исследовательских усилий в обозначенном проблемно-тематическом поле.

М.А. Аствацатурова,
директор Центра этнополитических исследований
Пятигорского государственного университета,
член Общественного совета СКФО,
член Комиссии по миграционным вопросам
Совета при Президенте РФ
по межнациональным отношениям,
доктор политических наук, профессор

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-93-94

Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I 1722–1723 гг. Махачкала, 2015. 111 с. (лучшая научная книга 2015 года по итогам Всероссийского конкурса)

По итогам Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2015 г., проводимого Фондом развития отечественного образования среди преподавателей высших учебных заведений и научных сотрудников научно- исследовательских учреждений, лауреатом стал заведующий кафедрой истории Даггоспедуниверситета, заслуженный деятель науки РФ и РД, проф. М.Р. Гасанов.

Он является известным кавказоведом, соавтором многотомных академических изданий, автором десятков крупных научных исследований, сотен статей, получивших высокое признание в России и во многих странах мира.

Существуют разные критерии оценки научных работ. Они представляют ценность прежде всего тогда, когда прокладывают новые дороги в науке, будят мысль, заставляют по-иному взглянуть на многие проблемы. Книги проф. М.Р. Гасанова полностью отвечают этим требованиям. Его работы внесли существенный вклад не только в кавказскую и российскую, но и мировую историческую науку.

Научная и педагогическая деятельность М.Р. Гасанова отмечена грантами Президента РФ, Министерства образования и науки РФ, Республики Дагестан, дипломами международных, российских, республиканских фондов.

И вот очередная оценка его труда, посвященного актуальной проблеме – Каспийскому походу Петра I 1722–1723 гг. С этим походом связан один из этапов в истории русско-дагестанских взаимоотношений. Их объективное освещение имеет важное значение в дальнейшем сближении и укреплении дружбы между русским и дагестанским народами. Раскрытие исторической роли России в судьбах Дагестана – задача для историка почетная, хотя и нелегкая. Эта тема представляет не только научный, но и широкий общественный интерес.

В книге «Каспийский поход Петра I 1722–1723 гг.» отмечается, что накануне этого похода Дагестан был раздроблен на различные феодальные владения и десятки союзов сельских обществ, говорится о внешнеполитическом положении, об интересах, планах и противоречиях России, Ирана и Турции из-за влияния в Дагестане. Достаточно подробно сказано о причинах и поводе Каспийского похода Петра I, о прохождении войска по территории Утамышского султаната, Кайтагского уцмийства и вступлении в Дербент, где к Петру I стали обращаться феодальные владетели Дагестана, а также представители различных слоев населения Баку, Шемахи, Сальяна, Решта, Тифлиса, Еревана с просьбой о принятии в подданство России и присылке русских войск.

В результате Каспийского похода 1722 г. к России были присоединены Аграханский полуостров, развилка рек Сулака и Аграхани и весь приморский Дагестан, включая Дербент.

В работе говорится о планах Петра I в отношении Грузии, Азербайджана и Армении.

Приводится материал о происках Турции в Дагестане. В связи с усилившейся угрозой захвата Турцией западного побережья Каспия, Петр I предпринял дипломатические шаги и наметил кампанию на 1723 г. и план на последующие годы. Благодаря предпринятым Петром I мерам вслед за городом Баку в 1723 г. были заняты Гилян и Мазандеран. Султанская Турция, поддерживаемая Англией и Францией, вторглась на Кавказ.

В сентябре 1723 г. по предложению шахского Ирана, напуганного вторжением турецких войск на Кавказ, в Петербурге между Россией и Персией был подписан договор, по условиям которого Иран признавал за Россией прикаспийские области Кавказа.

Утверждение русского влияния на берегах Каспийского моря имело важное значение для укрепления внешнеполитического положения и экономической мощи Российской империи.

Итоги Каспийского похода Петра I создавали предпосылки для дальнейшего укрепления военно-политических отношений России с народами Кавказа и усилению здесь прорусской внешнеполитической ориентации.

Каспийский поход Петра I – одно из важных звеньев в цепи русско-дагестанских взаимоотношений, приведших к Гюлистанскому договору 1813 г., согласно которому Дагестан был присоединен к России.

Труд «Каспийский поход Петра I 1722–1723 гг.» по итогам Всероссийского конкурса заслуженно признан лучшей научной книгой, а его автор проф. М.Р. Гасанов достоин звания лауреата этого конкурса.

З.В. Атаев,
проректор Дагестанского государственного педагогического университета, профессор

В.В. Черноус,
директор Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН, заместитель директора ИППК ЮФУ по науке, профессор

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-95-98

Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.) / науч. ред. Т.А. Ачугба. Сухум, 2016. 544 с.

Еще в XVIII в. в одной из работ немецкого философа Х. Гарве (1742–1798 гг.) отмечались коренные недостатки современной ему историографии: «Первый недостаток тот, что у нас мало обширных исторических сочинений, обнимающих значительный период времени, которые были бы написаны умными людьми и крупными учеными» [1]. Также большим просчетом европейской историографии, согласно мыслителям XIX в., считалось стремление делить народы на «исторические» и «неисторические» в связи с присутствием или отсутствием у них в прошлом письменной исторической традиции.

В этом плане подлинно академическая монография известного историка из Абхазии Г.Д. Гумба относится к числу немногих на сегодня «обширных исторических сочинений» и продолжает лучшие традиции кавказских и российских историков, посвящавших десятилетия своей жизни изучению разнообразных этнических процессов на территории больших регионов на протяжении исторически долгого времени.

Тематически рецензируемое исследование посвящено историческим судьбам нахского этномассива на огромном географическом пространстве. Монография Г. Гумба охватывает Северную Месопотамию, Малую Азию, Закавказье и Северный Кавказ. Она является своеобразным итогом многолетних (начиная с 80-х гг. XX в.) исследовательских усилий подлинно талантливого и профессионального специалиста. В историческом плане им изучается этнокультурная история нахских племен и народов, расселившихся в указанных регионах с глубокой древности. Большое место занимают вопросы взаимоотношений древних нахов с другими этносами и государствами по всему периметру расположения нахского этномассива.

При таком широком и углубленном подходе приходит понимание того, что, помимо отдельных «озарений» по нахской проблематике ряда ученых прошлого и современности, история целого этномира, соединявшего тысячелетиями по существу всю Переднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу оставалась практически не только не исследованной, но и даже не обозначенной. Бесписьменные нахи, чьим природным ареалом обитания являлись преимущественно горы, именно в течение I тыс. до н.э. и начале новой эры еще не успели размыться под напором новых культур, государств и народов. Они, как выясняется, сыграли позже для многих народов Кавказа известную роль исторического субстрата.

Наряду с ограниченными письменными источниками (главным образом античными, армянскими и грузинскими) автором широко и разумно использованы лингвистические данные и топонимическая номенклатура. При этом он отмечает: «Нахский язык – один из древнейших языков мира. Вместе с абхазским, адыгским и дагестанскими языками он образует единую кавказскую (или т.н. северокавказскую) языковую семью. Абхазов, адыгов, нахов и дагестанцев объединяют общее происхождение, генеалогическое родство языков, близость материальной и духовной культуры» (с. 7). Вместе с тем Г. Гумба полагает, что рассмотрение «вопросов ранних этапов истории нахских народов было, …неполным без учета переднеазиатских связей нахов и привлечения хуррито-урартских материалов» (с. 7). В силу этого процесс выявления происхождения отдельных нахских племенных групп привел автора «к необходимости рассмотрения нахско-переднеазиатских или, точнее, нахско-хуррито-урартских этнокультурных связей и их конкретизации на фоне общей этноязыковой ситуации Кавказа и Передней Азии» (с. 8).

Примечательно, что исследователем при решении своих задач использована практически вся база известной на сегодня историографии вопроса во всей ее многоаспектности и богатстве, включая специальные труды по источниковедению, исторической географии, археологии, языкознанию и в том числе на языке оригинала (древнеармянский и древнегрузинский).

Монография состоит из 10 глав, развернутой библиографии, указателя географических и этнических наименований и авторских карт (что представляет собой отдельную ценность).

Причем первая глава «Нахские племена Центрального Кавказа (I тыс. до н.э.)» представляется нам ключевой. Сюжеты и положения этой главы дополняются и расширяются в последующих главах. Подобная архитектоника порождает иной раз повторяемость, но в целом усиливает раскрытие темы.

Вследствие того, что «Ашхарацуйц» (письменная Армянская география V–VII вв.) содержит первое упоминание о древних нахах и картину расселения горских и кочевых народов в античное время, автор начинает свое исследование именно с указанного труда. И здесь нас ждут первые открытия. Так, анализ

важнейшего этнонима «нахчематы/нахчематианк/ нахаматеаны» (в разных переводах) такого важного труда, как «Ашхарацуйц», приводит Г. Гумба к убеждению, что помещение древними армянскими авторами нахаматеанов не на Северном Кавказе, а в Приазовье, а то и в устье Дона является результатом смещения заданной еще античными авторами системы географических координат. Когда она приводится в соответствие с реальными южными границами Азиатской Сарматии, то все становится на свои места. Нахаматеаны и сопутствующие ему другие этнотопонимы «укладываются» на горных склонах Кавказа от Приэльбрусья до Андийского хребта (с. 17–24).

Ссылаясь на тексты Армянской географии, Страбона и Птолемея, автор показывает в первой главе, что во 2-й половине I тыс. до н.э. нахские племена присутствуют не только на Северном Кавказе, но и в Закавказье. Причем не только на территории исторической Картли и Кахети, что было достаточно известно, но и в Имерети, где они граничили со сванами и абхазами. Таким образом, граница «Азиатской Сарматии» античных трудов с отрогов Северного Кавказа переносится в Закавказье по линии проходящих параллельно Главному Кавказскому хребту Эгрисского и Рачинского хребтов, а затем и восточнее по левобережью Куры до впадения Алазани. Это делает понятной и логичной границу проведенную античными авторами между миром варваров (Азиатской Сарматии) и земледельческими племенами Кавказа (с. 30–35).

Пожалуй, впервые именно Г. Гумба внес ясность в расположение известных дарьяльских укреплений – «ворота цилкан» (крепость Дарубал, Кавказские ворота), расположенных в районе Жинвала, и Сарматских (позже Аланских) ворот, расположенных у северного выхода Терека из Кавказских гор (с. 36–39).

В современную историографию автор также вносит поправку, касающуюся границ собственно Картли (Картлийского царства), иранского марзпанства Картли – Варджан (с включением горских земель Закавказья) кустака Капкох-Кавказ Сасанидской империи, в которую входили земли Великой Армении, Албании, Картли и земли горцев-«кавкасиан» (с. 40–41). Единственно, на наш взгляд, интерпретация сообщения Птолемея о «санареях» Закавказья, которых Гумба сопоставляет с нахами-цанарами раннего средневековья, нуждается в специальном обосновании. Птолемеевские «санареи», толкуемые иранистом О.Н. Трубачевым как «старые арии», в различных переводах читаются как располагающиеся либо севернее, либо юго-восточнее закавказской Албании.

Следующий источник, тщательное исследование которого на основе последних достижений кавказоведения проделано Г. Гумба, представляет собой великий труд Леонтия Мровели (XI в.) «Жизнь картлийских царей». Гумба убедительно показывает, что труд грузинского писателя «фиксирует итог сложных этнических и политических процессов, происходивших на протяжении многих столетий, и отражает этнополитическую ситуацию, сложившуюся в районах Центрального и Восточного Кавказа в раннем средневековье» (с. 55). Вместе с тем он делает полный критический разбор произведения Л. Мровели в той его части, где речь идет об участии дзурдзуков/дурзуков в образовании первого картлийского государства на рубеже IV–III вв. до н.э. Продолжая анализировать высказанные научные доводы автора, можно предположить, что соотношение дзурзукского (нахского) мира Закавказья и скромного картлийского государственного образования вокруг Мцхеты было примерно таким, каким в позднем средневековье было положение Элисуйского султанства и Джаро-Белоканского союза обществ, когда первое являлось вассалом крестьянского полиса-государства.

Оттого-то и произошло выступление дзурдзуков на Картли в III в. до н.э., когда приглашенный картлийской знатью персидский выходец царь Мирван попытался изменить старую систему взаимоотношений с горским миром. Об этом и многом другом автор говорит не только в первой главе, но и в главе 10-й (с. 356–370).

Отметим также, что заявленная Г. Гумба в первой главе тема племенных названий древних и раннесредневековых нахов весьма актуальна. Нельзя не согласиться, что огромный по масштабам Кавказа нахский мир давал по географическому периметру своего расположения в зависимости от языковой принадлежности соседей и исторической ситуации большой разброс (например, дзурдзуки, кавкасианы, цанары, малхи/махли, мушки/мосхи, диаухи, цаны, махелоны, гугары, хоны, бунтурки). Были также помимо общих названий и частные, связанные с отдельными ущельями или районами – двалы, туски/туши, гудамакары, пхови (пшавы), нахчой, хевсуры, кистинцы, маьлхи, и т.д. Все это развернуто изучено в III–IV главах монографии на основе сравнительно-сопоставительного изучения наличных источников и литературы под углом серьезного критического анализа и ревизии.

Большим достоинством работы можно считать попытку своеобразного «возвращения» нахским народам исторического прошлого в так называемую «скифо-сармато-аланскую» эпоху, целенаправленно предпринятую Г. Гумба в главе VII «Нахи и скифы», а также в главе IX «Нахское государственное объединение на рубеже IV–III вв.». Изучив на основе огромного пласта фактического материала не только расселение, но и археологические памятники нахского мира, хозяйство, торговлю, общественные отношения, автор пришел к выводу, что нашествию варварских пастушеских племен с севера (скифов, сарматов, алан, гуннов и хазаров) противопоставлялось серьезное организованное сопротивление на большом пространстве вплоть до строительства некоей протяженной оборонительной линии. Все это требовало на взгляд автора и некоей организации нахского этномассива.

Потому Г. Гумба полагает, что в пределах районов Центрального Кавказа (по автору это территория от Андийского хребта до истоков Большой Лабы в западной части Приэльбрусья) на обоих склонах Кавказского хребта и на севере, включая Ставропольскую возвышенность, по крайней мере к середине I тыс. до н.э. образовалось нахское раннегосударственное объединение (гл. VI, VIII, IX). Считая данное соображение по целому ряду причин небесспорным, мы не можем не согласиться с Г. Гумба в нескольких пунктах. Так, к примеру автор абсолютно прав, называя целый ряд северокавказских городищ и поселений кобанского времени городами. А это уже серьезная предпосылка к крупным объединениям.

Так, еще в 2001 г. российский археолог В.И. Козенкова излишне осторожно называла Сержень-Юртовское городище на р. Хулхилау (Чечня) городом. Между тем «Сержень-Юртовское поселение, …предстает перед нами как относительно крупный производственный и культовый центр Чечни эпохи поздней бронзы. Наличие мостовых, храма, крупных мастерских (предназначенных отнюдь не для нужд одного поселка) говорит и об определенной степени самоорганизации общества, о наличии системы управления и регулирования (встречающейся и в ранних городах Древнего Востока)» [2, с. 99].

Также мы не можем отрицать наличия в истории человечества бесписьменных государственных образований, в том числе и в горных районах хотя понимаем, что такой союз не мог быть долог и основывался исключительно на необходимости ведения борьбы с общенациональным бедствием – например длительным нашествием кочевников. Создать же государство как систему, отражающую некое классовое расслоение и представляющую некий аппарат насилия в условиях гор и высоко рискованного хозяйства, было весьма сложным делом. Объективных законов логистики и синергетики никто не отменял. Тем более что зримым высшим достижением традиционного общества горцев на том же Северном Кавказе стало не государство, а массовое образование так называемых вольных обществ (полис, полития) и их союзов.

Северокавказские ученые отмечали, что древние общинно-родовые формы горцев, пережив качественно новые изменения в отношениях собственности, поднялись на уровень самоуправляемых политических образований (республики, вольные общества, суперсоюзы и федерации вольных обществ и т.д.) и в таком качестве встали вровень с феодальными образованиями. Самоуправляемая гражданская община (полис) – одно из самых высоких достижений социального и политического развития – основан на частной собственности на землю при коллективном владении территориями.

В целом рассматриваемое нами исследование Г. Гумба не просто заполнит существующую лакуну в кавказоведении, но и поднимет такой огромный пласт вопросов, после решения которых история горских народов, безусловно, станет качественно иной. Там, где еще порой по сей день господствуют досадные стереотипы, голый нарратив, «война памяти» и скороспелые «истории-хотелки», мы увидим место научным подходам и конкретным знаниям, которые проверяются в рамках научной методологии.

Пройдет еще немало времени, пока историческая наука Кавказа по достоинству оценит и впитает все то новое, что внесено Г.Гумба как в фактическую, так и методическую составляющую истории кавказского мира в античное и раннесредневековое время. И не важно, что какие-то выводы автора подлинно академической монографии представляются либо промежуточными, неокончательными, а то и сугубо гипотетическими. Самое главное, рассмотренный текст высвобождает исследователя-кавказоведа от массы устоявшихся стереотипов и порождает в каждом, даже через несогласие, некое новое направление мыслей и подходов.

Ведь до данного исследования Г. Гумба казалось, что научное кавказоведение «заклинило» на одних и тех же текстах источников и авторитетных соображений, представлялось, что научная мысль относительно древней и раннесредневековой истории горских народов идет, к сожалению, по некоему замкнутому кругу. И вот благодаря рецензируемому труду обнаружилось, что мы все в целом еще и не начи-

нали собственно настоящей работы! Очень возможно, что всем кавказоведам предстоит стать участниками того явления, что в научном мире Западной Европы XX в. получило название ревизионизма. Отметим, что лично для нас ревизионист в науке – это исследователь, который пытается по-новому осмыслить проблемы на основе более глубокого прочтения исторических документов и свидетельств, подвергая при этом ревизии (пересмотру) устоявшиеся или господствующие взгляды.

Литература

1. Цит. по: *Колер И., Ранке И., Ратцель Ф.* (Введение Г. Гельмольта). История человечества. Доисторический период. СПб., 2003.

2. *Ахмадов Я.З.* История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. М., 2001.

References

1. Quoted. by: Koler I., Ranke I., Rattsel' F. [Introduction by G. Gelmolt]. *Istoriya chelovechestva. Doistoricheskii period* [The History of Mankind. Prehistory]. Saint Petersburg, 2003.

2. Akhmadov Ya.Z. *Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka* [History of Chechnya from Ancient Times to the End of the XVIII Century]. Moscow, 2001.

Я.З. Ахмадов,
доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

В.Х. Акаев,
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Комплексный НИИ РАН, г. Грозный

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-99-100

Великая победа. 70 лет: материалы конференции 6 мая 2015 года / отв. ред. В.В. Денисов. Новороссийск, 2016. 62 с.

Юбилей события, конечно, не причина, но нравственный повод проникнуть в дела минувших дней, пересмотреть какие-то позиции, высказать новые взгляды на проблему.

На конференции, по материалам которой составлено представляемое издание, выступили историки – Г.Н. Бондарева, А.В. Воробьев, В.В. Денисов, Л.А. Уманская, М.В. Яцкевич; политолог – В.В. Воробьев; культуролог – А.Г. Заседателева; педагоги – А.Н. и С.Н. Томилины; философы – Е.Б. Ерина и Н.В. Серова; инженер-судоводитель – А.Б. Крючков. Почти все выступавшие – преподаватели Государственного морского университета им. адм. Ф.Ф. Ушакова, А.Б. Крючков – соискатель; А.В. Воробьев представлял Управление Роскомнадзора по Центральному федеральному округу (г. Москва).

Материал выступлений разделен на две части: «Организация военных действий» и «Сила народного духа». В докладе В.В. Денисова и А.Б. Крючкова «Изучение отечественной войны и подготовка курсантов-ушаковцев к защите Родины» кратко освещена основная историография войны, историографам сделано терминологическое замечание: в энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945» Красная Армия названа Советской Армией.

В докладе приведены сюжеты исследователей Государственного морского университета им. адм. Ф.Ф. Ушакова – В.В. Денисова, А.Т. Шишацкого, М.В. Денисовой, А.Б. Крючкова, А.В Остюка и др., указаны работы курсантов-ушаковцев, написанные о прадедах – участниках войны и опубликованные в издании, подготовленном правительством Тульской области и Центром общественных наук МГУ им. М.В. Ломоносова. В этом же докладе дан краткий обзор подготовки в «Ушаковке» офицеров запаса ВМФ и список тех курсантов, кто добровольно пошел на службу в Военно-Морской Флот.

Источниковедческий доклад «Воспоминания участников Великой Отечественной войны как исторический источник» был сделан Г.Н. Бондаревой. Со ссылкой на английского советолога Дж. Хоскинга, который считает, что «такого количества разного рода воспоминаний и мемуаров не дал ни один другой период советской истории...» (с. 25), Г.Н. Бондарева уточнила, что это выказывание сделано четверть века назад, а ныне в воспоминаниях отсутствует традиционное каноническое описание героизма и стойкости, описание, вошедшее в привычку и потому уже «не берущее за душу». Мы слышим живые голоса, с беспощадной откровенностью рассказывающие о мужестве и жертвах, о повседневности долгого пути к великой победе, «интервью позволяют получить сведения о мотивах действий, поступков из первоисточников» (с. 25). Курсанты морского университета проинтервьюировали десятки родственников о ратных деяниях прадедов (к сожалению, многих прадедов уже нет).

Попытку осмысления предвоенной ситуации Г.Н. Бондарева сделала во втором докладе «Прибалтийская проблема во внешней политике СССР накануне Великой Отечественной войны». Она пришла к выводу, что «...пренебрежительное отношение Сталина, Молотова... к международно-правовым нормам и элементарным требованиям цивилизованности в межгосударственном общении оказало немалое влияние на внешнюю политику» (с. 9).

М.В. Яцкевич, обобщая материал шести новейших монографий 2007–2014 гг. изданий, показал динамику и состояние бронетанковых войск РККА накануне войны.

А.Н. Томилин в своем выступлении рассказал о действии первых морских десантов. Уже 24 июня в 02 ч 05 мин после артподготовки десантники Дунайской флотилии стали высаживаться в прибрежную воду на румынский берег, что явилось для румын полной неожиданностью. Около 70 румынских солдат и пограничников сдались в плен. Это был первый в Великой Отечественной войне десант наших войск на вражескую территорию. Килия-Веке стал первым городом, взятым штурмом нашими войсками на территории противника 26 июня 1941 г. (с. 20).

Транспортный флот является резервом ВМФ. В случае войны он мобилизуется, подчиняясь командованию ВМФ. В докладе С.Н. Томилиной на примере боевой деятельности судов Черноморско-Азовского бассейна по обеспечению войск Закавказского фронта показан героизм моряков торгового флота. Так, в период обороны Одессы, с 1 июля по 16 октября 1941 г. морским транспортом было доставлено 58 тыс. военнослужащих, 27 тыс. т боеприпасов, 340 орудий, 47 танков и 13 тыс. т продовольствия. В обратном направлении было вывезено 40 паровозов, 20 тендеров, 190 тыс. чел., 200 тыс. т различных грузов (с. 54).

За годы войны 82 транспортных судна Черноморского пароходства погибло. Их экипажи погибли частично или полностью. Советское государство оценило ратный подвиг моряков-транспортников, наградив 1015 наиболее отличившихся членов экипажей судов орденами и медалями (с.58).

В докладе В.В. Денисова и А.Б. Крючкова «Переориентация судостроительных программ во второй половине 1941-го года» освещены изменения довоенных планов военного кораблестроения, героическая, можно сказать, экстремальная работа кораблестроителей в первые месяцы войны. Они обратили внимание участников конференции на то, что в 5-томнике «История отечественного судостроения» недостаточно точно излагаются партийные и государственные документы начала войны.

В докладе Е.Б. Ериной «О деятельности русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны» подчеркивается противоречивый характер некоторых источников и утверждается необходимость дальнейшего исследования этой проблемы. Обосновывается значимость вклада РПЦ в дело великой победы.

Л.А. Уманская на основе интервьюирования пожилых болгарок показала трагическую судьбу крымских болгар при немецко-фашистской оккупации.

В выступлении Н.В. Серовой «Национализм в оценках русских философов» отражены причины становления национал-социализма в Германии и фашизма в Италии в период между мировыми войнами.

Война с врагом велась не только в форме боевых действий. Война была и информационная. А.В. Воробьев в докладе «Информационная борьба в Великой Отечественной войне» отметил: «Секретным постановлением Совета Народных Комисаров СССР от 19 апреля 1943 года создается Смерш (сокращение от “Смерть шпионам!”) – Главное управление контрразведки Смерш Народного Комисариата Обороны (НКО) СССР, иначе – военная контрразведка.

21 апреля И. Сталин подписал Положение о Смерше, в котором был такой пункт: “Начальник Главного управления контрразведки НКО ("Смерш") является заместителем народного комиссара обороны (НКО), подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его решения”.

Таким образом, именно Сталину как наркому обороны стал подчиняться Смерш. ...Именно по каналам Смерша Ставка получала достоверную информацию о планах информационной войны против СССР, что помогло победить фашизм...» (с. 13).

В докладе А.Г. Заседателевой рассматривается тема «забытого» парада 7 сентября 1945 г. в Берлине, участником которого был отец автора. Но парад оказался «забытым», потому что сразу после окончания войны бывшие союзники начали принижать роль нашего народа, его вооруженных сил в разгроме германской и японской военных машин.

Подводящим итог конференции стало выступление В.В. Воробьева «Величие победы СССР в войне 1941–1945 годов». В частности, докладчик обратил внимание на кампанию по обесцениванию победы СССР: «Особенно усердствуют “элиты” тех стран, которые были освобождены от фашистского нашествия советскими войсками...». Автор подвергает критике историческую мысль на Украине, которая потеряла признаки объективной науки и превратилась в раздел националистической антирусской идеологии.

Полагаем, что доклады конференции стали скромным вкладом обществоведов города-героя Новороссийска в историографию великой войны, в которой победили наши отцы и деды.

В.В. Денисов,
кандидат исторических наук, доцент,
и. о. начальника кафедры истории и философии
Государственного морского университета
им. адм. Ф.Ф. Ушакова

А.Б. Крючков,
ведущий инженер лаборатории автоматизации и суовождения
Государственного морского университета
им. адм. Ф.Ф. Ушакова

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-101-103

Халилова Д.Г. Дагестан в составе России: эволюция государственного устройства и права (1860 г. – нач. XXI в.). Махачкала, 2014. 190 с.

Представляемая книга посвящена анализу вопросов развития государственного устройства и права Дагестана. В исследовании рассматриваются историко-правовые особенности и закономерности развития и совершенствования русско-дагестанских взаимоотношений начиная со второй половины XIX в. до наших дней. Интерес к различным вопросам истории Дагестана и коренных народов Северного Кавказа стал традиционным для отечественной гуманитарной науки. Объясняется это несколькими объективными причинами. Например, многонациональный регион традиционно является самым проблемным для федерального центра, где на протяжении долгого времени зарождались особенности и закономерности сепаратизма, терроризма, экстремизма, других негативных процессов. Кроме того, социально-политическое развитие Дагестана и в целом Северного Кавказа по разным причинам отстает от такового по сравнению со страной, что становится побудительным мотивом для ученых Северного Кавказа, России и даже зарубежных авторов для объективного изучения истории многонационального региона. Кроме того, в постсоветские годы заметно расширился доступ в различные архивы, исчезли ограничения, существовавшие ранее и влиявшие на выбор тем монографических и диссертационных исследований, а также архивного материала. Исследование Д.Г. Халиловой следует рассматривать в качестве заново осмысливаемых тем.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений. Все главы и параграфы взаимосвязаны и представляют солидное научное исследование, которое должно быть оценено коллегами-специалистами по достоинству.

В первой главе «Дагестанская область» сосредоточено внимание на глубоком научном анализе историко-правовых условий присоединения Дагестана к Российской империи и его государственно-правовому развитию до 1860 г. Здесь же рассматриваются российское законодательство, адат и шариат в системе национальной политики царизма в Дагестане. Конечно, вышеперечисленные проблемы частично уже изучались, но в данном случае привлечены архивные документы, внесшие элемент новизны в освещение даже тех вопросов, которые, казалось бы, уже были рассмотрены.

Во второй главе «Дагестанская Автономная Советская Социалистическая Республика: становление, развитие, уроки» анализируются государственное устройство Дагестана в составе России (1917–1920 гг.), развитие государственного устройства Дагестана в советский период (1920 – середина 1980-х гг.), становление и совершенствование права Дагестана в советский период (1917 – середина 1980-х гг.), трансформация государственного статуса Дагестанской АССР в 1985–1991 гг., а также отдельные страницы истории и права Дагестана, связанные с Союзом объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана, Гражданской войной, революционными комитетами (ревкомами), установлением и упрочением советской власти, которая в 1920 г. предоставила автономию народам Дагестана. Приводятся интересные данные о Гражданской войне и деятельности Н. Гоцинского, который вел антисоветскую вооруженную борьбу в Дагестане и Чечне до августа 1925 г.

Большое внимание уделяется «независимой» Горской Республике, которая провозгласила свою «независимость» в 1918 г. и участвовала даже в Парижской мирной конференции. Пребывание Дагестана в составе Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана фактически рассматривается как проблема геополитики Советской России на Кавказе. Этот анализ представлен на высоком уровне. Специалисты-правоведы непременно обратят внимание на острые разногласия, которые проявились при обсуждении вопроса о предоставлении автономии Дагестану в 1920 г. В архивах страны, особенно Дагестана, имеются документы, свидетельствующие, что противников автономии Дагестана было достаточно много – в основном приезжие русские и евреи. Они всячески пытались обосновать, что Дагестан «пока не созрел» для того, чтобы советская власть предоставляла ему статус автономной республики. Понадобилось вмешательство самого Сталина и тех, кто его поддерживал, чтобы переломить остроту проблемы. Таким образом, в ноябре 1920 г. незначительным большинством голосов партийных и советских чиновников была принята резолюция о признании необходимости провозглашения автономии Дагестана. В рецензируемой монографии борьба между сторонниками и противниками автономии показана весьма убедительно, приводятся конкретные примеры. Названы принципы государственного устройства, сформированные в

РСФСР: национально-территориальный, административно-территориальный и национально-государственный. У каждого из них были как несомненные положительные аспекты, так и недостатки.

Обоснованной критике подвергается федеративный принцип устройства Советского государства, где уже в 30-е гг. XX в. наблюдается усиление централизации власти. Федеративными государствами ни РСФСР, ни СССР нельзя было назвать, особенно в довоенный период. Впрочем, по этому вопросу до сих пор идут споры не только между отечественными специалистами, но и зарубежными.

Серьезное внимание обращается на Конституцию Дагестана 1921, 1927, 1937, 1978, 1994, 2003 гг. Трудно анализировать эволюцию государственного устройства и права любого субъекта Российской Федерации, в том числе и Дагестана, без глубокого и всестороннего анализа конституционных основ. Понимая это, Халилова внимательно изучает конституции своей республики и приходит к выводу, что Конституция Дагестанской АССР 1927 г. впервые в законодательном порядке зафиксировала государственный характер Дагестана. Она была составлена в полном соответствии с Конституциями РСФСР и СССР, учитывала и конкретные особенности Дагестана. В ст. 1 говорилось, что Дагестанская АССР является социалистическим государством рабочих и крестьян. Государственное устройство республики было закреплено во второй главе Конституции. Автор подвергает критике разработчиков Конституции за некоторые политико-правовые понятия, например «автономные начала». Так, в соответствии со ст. 13 Дагестанская АССР входила в состав РСФСР на правах автономной республики. Вне пределов ст. 14 Конституции СССР и ст. 19 Конституции РСФСР Дагестанская АССР осуществляла государственную власть на автономных началах. В этой связи подчеркивается: «Это конституционное положение по существу делало непонятным правовой статус республики, так как Дагестан, будучи автономной республикой, мог входить и входил в состав РСФСР именно на правах автономной республики. Не было смысла констатировать это названным положением. Из Конституции было не ясно, считалась ли республика суверенным государством или субъектом РСФСР» (с. 74). И далее на должном уровне анализируются другие политико-правовые коллизии, содержащиеся в конституциях Дагестанской АССР.

Большое внимание уделено и упразднению Чечено-Ингушской АССР в марте 1944 г., когда чеченцы и ингуши были сосланы как «наказанные народы» в республики Средней Азии. Части территории Чечено-Ингушской АССР были переданы Северо-Осетинской АССР и Дагестанской АССР, а вместо Чечено-Ингушской АССР была образована Грозненская область. В связи с перекраиванием карты Северного Кавказа советская власть допустила немало ошибок, которые отмечаются в рецензируемой монографии. Хотя самой большой ошибкой следует признавать сам факт выселения целых народов со своей исторической родины.

Анализируется трансформация государственного статуса Дагестанской АССР накануне распада СССР. Завершая вторую главу, автор подчеркивает: «С середины 80-х годов XX в. процесс национально-государственного строительства в СССР, соответственно в РСФСР и ДАССР, приобрел качественно новый характер. На законодательном уровне союзного центра предпринимались шаги по выравниванию правового статуса автономных и союзных республик. В сфере федеративных отношений проявилась неустойчивость государственной власти, возникла проблема сохранения единства и государственной целостности СССР. В 1990 г. РСФСР приняла Декларацию о государственном суверенитете, после чего в автономных республиках начался свой парад суверенитетов» (с. 98). Граждане нашей страны хорошо помнят и «цену» государственному суверенитету РСФСР, и многочисленные проблемы, ставшие результатом парада суверенитетов отдельно взятых республик.

Интересные примеры и факты приводятся и в третьей главе «Государственное устройство и правовое развитие Республики Дагестан в составе Российской Федерации: современное состояние и перспективы совершенствования». Здесь рассматриваются правовые документы постсоветского периода начиная с Федеративного договора 1992 г. и заканчивая решениями Съездов народных депутатов РСФСР (Российской Федерации). Убедительно и обоснованно показан новый вариант формирования федеративной системы в нашей стране. В отличие от прежней, советской, субъектами современной демократической Российской Федерации стали и отдельные части территории государства, созданные не только на основе национального признака. Если в советские годы РСФСР выступала как федеративное государство во взаимоотношениях с автономными республиками и другими автономными образованиями и как унитарное во взаимоотношениях с краями, областями и приравненными к ним Москве и Ленинграду, то в нынешних условиях федеративные отношения распространяются на всю территорию РФ. В советские времена взаимоотношения некоторых территорий нашей страны, например краев и областей, а также Москвы и Ленинграда

(Санкт-Петербурга), с федеральным центром можно было бы характеризовать как полуфедерацию. В монографии приводятся интересные факты из истории становления полноценных федеративных отношений в России. В частности, характеризуются шесть видов субъектов Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа. В отличие от других субъектов Федерации республики, в том числе и Дагестан, признаются государствами (ч. 2, ст. 5 Конституции РФ).

Автор проанализировала две Конституции Республики Дагестан постсоветского периода (1994 и 2003 гг.) и высказала свое отношение к суверенитету Республики Дагестан, других республик в составе РФ, в конституциях которых в начале 90-х гг. XX в. были прописаны положения о суверенитете. В последующем из них были изъяты статьи, предусматривавшие суверенитет. В этой связи автор отмечает, что в области конституционного права проблема государственного суверенитета в федеративном государстве до сих пор остается дискуссионной, и излагает несколько концептуальных подходов к пониманию данной проблемы. Интересной представляется дискуссия между учеными, которая приводится на с. 102–105.

Представленная монография является интересной и актуальной. Разумеется, в рецензии невозможно остановится на всех положительных аспектах, которых в монографии большое количество. Автор проделала большую и полезную работу. Тем не менее необходимо высказать некоторые пожелания и замечания. Следовало бы перечислить все несоответствия Конституции Республики Дагестан 1994 г. по отношению к Конституции Российской Федерации. Этих несоответствий было достаточно много, а автор ограничивается лишь «суверенитетом», который по понятным причинам не попал в федеральную Конституцию. В этой связи интересно было бы узнать мнение автора о том, почему суверенитет республик в отличие от Федеративного договора 1992 г. не был закреплен в Конституции РФ. Халилова не сочла нужным и перечисление федеральных законов, которые, по ее мнению, были направлены «на обеспечение верховенства Конституции РФ и федеральных законов, обеспечение единства правового пространства России» (с. 120). В монографии на с. 116–117 имеется упоминание о Законе РД от 20 июля 2011 г. «Об изменении наименования должности высшего должностного лица РД», в соответствии с которым высшее должностное лицо республики именуется не Президентом, а Главой Республики Дагестан. Интересно бы было услышать автора и относительно этого новшества. На с. 114 говорится о повышении статуса Правительства РД. Хотелось бы и здесь прочитать более подробное обоснование, в каких сферах и где повышается его статус. Халилова должна была уделить значительно больше внимания деятельности Конституционного суда РД как органа, играющего большую роль в повышении статуса правовой республики, поддержании уровня демократизма и гласности. Тем не менее высказанные замечания и пожелания не влияют на значение проделанной научной работы, которая будет востребована научным сообществом не только Северного Кавказа, но в целом и Российской Федерации в большом позитивном ключе.

В.Д. Дзидзоев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства
и права и политологии юридического факультета,
Горский государственный аграрный университет

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-104-105

Толочко А.П. Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015. 336 с.

Проблема образования Древнерусского государства, начала Руси – одна из «вечных проблем» исторической науки. Ей всегда уделялось пристальное внимание. Не является исключением и современная наука, свидетельством чему могут служить опубликованные в последние годы работы Е.А. Шинакова, В.В. Пузанова, В.Я. Петрухина, В.М. Рычки, А.Ю. Дворниченко, А.А. Горского, С.Н. Темушева, А.П. Толочко, П.П. Толочко. Самыми последними по времени в этом ряду являются книги члена-корреспондента НАН Украины, ведущего научного сотрудника института истории НАН Украины А.П. Толочко «Очерки начальной руси» [1] и его отца, директора института археологии НАН Украины, академика П.П. Толочко «Откуда пошла Руская земля» [2]. Работы эти, несмотря на одну и ту же тематику и близкий круг рассматриваемых сюжетов, абсолютно разные. Если книга последнего довольно традиционна, то первого – известного критикой так называемых «татищевских известий» и древности Краткой редакции Правды руской – в некотором смысле революционна. Рассмотрим поэтому её подробнее.

Автор, как правило, пишет слово «русь» с маленькой буквы – в центре его внимания не государство Русь, а общность русов, в которых он видит обитавших в Восточной Европе выходцев из Скандинавии. Анализируя их деятельность, А.П. Толочко пересматривает основанную на показаниях летописи раннюю историю Киевской Руси до правления князя Владимира Святославича, являющуюся, по его мнению, совершенно недостоверной. Главная его цель – показать, как могла бы выглядеть начальная история Руси без «Повести временных лет». Сознательно отказываясь от неё как достоверного источника, А.П. Толочко основывает своё изложение на трёх византийско-руских договорах 911, 944 и 971 гг. (которые, заметим, читаются лишь в летописном тексте «Повести…») и двух сочинениях византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «О церемониях византийского двора».

В свое время к выводу об «искусственности и малонадёжности» «Повести временных лет» пришел М.Д. Присёлков [3]. Идя по его пути, развивая идеи о роли торговли в становлении Руси В.О. Ключевского, О. Прицака и наблюдения ряда других историков, А.П. Толочко формирует собственный взгляд на историю начальной Руси. Книга его поэтому является не только смелой, но и до известной степени новаторской.

Она состоит из предисловия, трёх глав и эпилога. В этой формальной структуре в свою очередь можно выделить две части – «критическую» и «позитивную». В первой из них, представленной соответственно первой главой, автор подвергает деконструкции ставшую канонической концепцию возникновения летописания А.А. Шахматова и саму начальную летопись – «Повесть временных лет», демонстрируя, что она была «первым опытом создания русской истории», «придумыванием» Руси IX–X вв. летописцем начала XII в., почти ничего о ней не знавшим и опиравшимся на византийские хроники, тексты византийско-русских договоров и неясные исторические предания.

А.П. Толочко по сути на новом витке развития исторического знания модернизирует скептическую концепцию М.Т. Каченовского, выделявшего «баснословный период» русской истории, каким ему представлялась эпоха Киевской Руси [4, с. 237]. Развенчав таким образом «Повесть временных лет», историк переходит к критике некоторых из существующих в науке тем и гипотез, имеющих отношение к начальной истории Руси. Достаточно просто им решается мифологизированная проблема «руского каганата»: упоминаемые в Бертинских анналах русы – послы хазарского кагана, его подданные. Убедительны и параллели между нападениями русов на Византию, в частности, походом на Константинополь в 860 г. и «великими флотами» викингов в Западной Европе – не всегда за военной активностью следует искать государство Русь.

Само раннее Киевское государство А.П. Толочко сравнивает с колониальными компаниями Нового времени – «Компанией Гудзонова залива», британской и голландской Ост-Индскими компаниями – особыми, квазигосударственными структурами, существовавшими несколько столетий, имевшими собственные армии, выстраивавшими систему администрации туземных территорий, при этом оставаясь чисто коммерческими предприятиями. Аналогии достаточно смелые. В Восточной Европе, по мнению исследователя, в IX–X вв. действовало несколько таких «компаний» или групп скандинавских купцов-воинов, занимавшихся дальней торговлей. Одна из них – «волжская» – вела торговлю со странами арабского востока, Хазарией, а другая – «днепровская» – с Византией. Первая из них, возникнув в середине VIII в., обеспечивала Восточную Европу колоссальным количеством арабского серебра. Эквивалентом ему служила пушнина, но главным образом – рабы. Процветание «волжских» русов было, однако, прервано так называемым «первым серебряным

кризисом» 880–890-х гг., реакцией на который стал поиск новых торговых путей, в результате чего часть русов оказалась на Днепре, открыв новый рынок для своих рабов и пушнины – Константинополь.

Невольников «днепровские» русы накапливали, как полагает А.П. Толочко, исходя из данных Константина Багрянородного, во время своего зимнего «кружения» по славянским территориям, т. е. полюдья. «Живой товар» они не столько захватывали, сколько приобретали у местных элит в результате обмена на предметы престижного потребления. Полученных таким образом рабов русы обменивали в Константинополе на шёлк и шёлковые одежды, часть которых вследствие последующего обмена оседала у славянских правителей, а часть обменивалась на арабское серебро.

По версии А.П. Толочко, в связи со «вторым серебряным кризисом» 950-х гг. начинается упадок дальней торговли русов. Это, в частности, проявилось в военной активности руси: в 968 г. глава киевской руси Святослав напал на Дунайскую Болгарию, а другая русь пошла войной на Волжскую Булгарию и Хазарию, что привело к падению Хазарского каганата. Нападения на регионы, прежде служившие источником благосостояния, поправить ситуацию, однако, не могли. В итоге сообщество волжских русов распалось, а киевские русы, не порывавшие торговых связей с Византией, смогли выйти из кризиса. Подчинив северные скандинавские торговые центры (Новгород и др.) и союзные славянские земли, они трансформировались около 1000 г. в политическую организацию с наследственной властью в Киеве, которую без особых оговорок А.П. Толочко признаёт государством. Падение доходов от угасающей дальней торговли было компенсировано русами за счёт эксплуатации других, внутренних, ресурсов. Политическая власть в Восточной Европе возникает тем самым, согласно автору, не путём эволюции традиционных институтов в государство, а в результате преобразования экономического и организационного доминирования одного из торговых сообществ в политическое господство.

Рассмотренная книга, таким образом, требует кардинального пересмотра всего основанного на летописной традиции знания. Отличаясь смелой постановкой вопросов, новаторскими подходами и своеобразным эстетизмом подачи материала, она вместе с тем является в какой-то мере спорной и не лишена недостатков. Весьма неубедительно, в частности, выглядит отсутствие письменной традиции до начала XII в.; некоторой модернизацией можно признать прямые аналогии между военно-торговыми сообществами русов и европейскими торговыми компаниями колониального времени; наконец, автором игнорируются многочисленные труды предшественников, как противоречащие его точке зрения, так и «работающие» на неё. Въедливые рецензенты наверняка найдут в книге и другие недостатки, например стремление (вполне в духе М.С. Грушевского) утвердить примат украинского юга (Киев) над российским севером (Новгород) в деле создания древнерусской государственности. Но главное, вряд ли будет принят взгляд автора на «Повесть временных лет» как источник по истории начальной Руси совершенно недостоверный. Как и во времена «школы скептиков» во главе с М.Т. Каченовским, наука, очевидно, преодолеет этот гиперкритицизм. Но в любом случае нельзя не признать, что новая книга А.П. Толочко является серьёзным шагом вперед, избавляющим нас от многих иллюзий в изучении древнейшего прошлого Руси, возникающих при буквальном понимании летописного текста.

Литература

1. *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015.
2. *Толочко П.П.* Откуда пошла Руская земля. Киев, 2016.
3. *Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XIV вв. СПб., 1996.
4. *Рубинштейн Л.Н.* Русская историография. М., 1941.

References

1. Tolochko A.P. *Ocherki nachal'noy rusi* [Essays on Initial Rus]. Kiev; Saint Petersburg, 2015.
2. Tolochko P.P. *Otkuda poshla Ruskaya zemlya* [Where did the Russian Land Start From]. Kiev, 2016.
3. Prisyolkov M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI-XIV vv.* [The History of Russian Chronicles of XI-XV cent]. Saint Petersburg, 1996.
4. Rubinshteyn L.N. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow, 1941.

А.С. Ищенко,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории и социальных технологий,
Новочеркасский инженерно-мелиоративный
институт Донского государственного аграрного университета

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-106-108

Каштанов С.М. Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. 472 с.

Новая книга выдающегося российского историка С.М. Каштанова посвящена комплексному анализу ряда историографических сюжетов, относящихся к проблемам историографии феодального иммунитета в России. Она имеет приложения, в которых освещается историография ряда вопросов отечественной и европейской истории средних веков и Нового времени. В виде своеобразного итога исследования содержится авторский взгляд на исторический тип Русского государства в XIV–XVI вв., его характер и особенности. Таким образом, в монографии подняты актуальные вопросы, относящиеся к истории, историографии и дипломатике феодальной России, к особенностям исторического развития русского средневековья.

В центре исследовательского внимания историка стоят отношения иммунитета, выраженные в актовом материале, и его историография. Эта проблема, как и русские актовые источники, является для С.М. Каштанова традиционной, которую он начинал исследовать еще в своей дипломной работе, защищенной в 1954 г. под руководством А.А.Зимина. Прослеживая изучение вопросов русского иммунитета в отечественной историографии начиная с XVIII в. вплоть до 60-х гг. XX в., автор с большой глубиной, полнотой и определенностью выявил, во-первых, принципиальную значимость их для понимания характера развития страны в средние века и для решения вопроса об общем и особенном в историческом развитии России по сравнению со странами средневековой Европы, где отношения иммунитета были ярко выраженными. Во-вторых, он показал, что исследования иммунитета, включавшие публикации относящегося к нему актового материала, имели самую тесную связь с развивавшимися в стране социально-политическими процессами и были глубоко обусловлены актуальными потребностями того времени, к которым относились исследования. И, наконец, он подчеркнул особенности подхода к изучению этого исторического явления и связь с вопросом о русском феодализме, который по-разному решался и решается в отечественной и зарубежной исторической науке. Как представляется, значительный интерес вызывает авторская характеристика исследований советского времени, когда был окончательно преодолен как формально-юридический подход к изучению русских иммунитетных грамот, так и подход с позиций преувеличения экономической роли иммунитетных грамот при отсутствии учета их политической роли, а сами иммунитетные отношения рассматривались в рамках социально-политических отношений феодального общества.

Сделанный С.М. Каштановым теоретический анализ важнейших категорий права и экономики феодального общества, самой феодальной собственности, на которых основывались рентные отношения, позволяют более полно и глубоко уяснить сущность отношений иммунитета. Историк правомерно не принял распространенную в ранней советской историографии точку зрения на тождественность между иммунитетом и феодальной земельной рентой. Это не случайно, поскольку феодальная земельная рента вовсе не обязательно была связана с феодальным иммунитетом, и существовала в России вплоть до отмены крепостного права, когда иммунитетные отношения давно ушли в прошлое. Отсюда представляют значительный теоретический интерес данные автором определения понятий собственности, владения и пользования, которые имели место в феодальном обществе и которые позволяют раскрыть сущность рентных отношений и отношений иммунитета, самой социально-политической структуры общества при феодализме. То же самое относится к разъяснению С.М. Каштановым понятий о праве собственности, владения и пользования. В частности, земля на поместном праве также представляет собой не пользование, но собственность, как и земля на правах вотчины. Эти теоретические положения необходимо учитывать при анализе процессов, связанных с эволюцией форм феодального землевладения, с событиями в ходе присоединения земель Великого Новгорода к Московскому государству, в период опричнины и в некоторые другие периоды, когда ранее существовавшие на вотчинном праве земли стали даваться другим землевладельцам на поместном праве. Также их необходимо учитывать при анализе процессов сближения в положении поместий и вотчин, боярства и дворянства, что находило отражение в русском праве. С.М. Каштанов не соглашается с характеристикой собственности К. Марксом как совокупности общественных отношений, поскольку, как он указывал, было бы невозможно свести собственность к понятию общественных отношений.

Как показывает С.М. Каштанов, еще одной сложной теоретической категорией феодальных отношений являлось внеэкономическое принуждение. В нем он видел сочетание экономического и политического элемента, когда первый состоял в принуждении к бесплатной отдаче крестьянином своей рабочей силы, а

второй – в частичном подданстве крестьянина феодалу. Он указывает на специфику внеэкономического принуждения при рабстве и при феодально-крепостнической системе.

Затрагивает С.М. Каштанов еще один дискуссионный вопрос русского средневековья, который касается отношений сюзеренитета-вассалитета на Руси. Он связывает возникновение этого явления в раннем западном средневековье с потребностями обороны государства, когда майордом Карл Мартелл в 732 г. победил арабов при Пуатье с помощью войска вассалов, служивших с пожалованных земель на правах бенефиция. Как указывает он, подобная же бенефициарная система позволила Ивану III создать такое поместное войско, благодаря которому хану Большой Орды Ахмату не удалось в 1480 г. восстановить власть над русскими землями. Впрочем, признаки сюзеренитета-вассалитета С.М. Каштанов прослеживает и для более ранних периодов русской истории, в том числе и в отношениях между ордынскими ханами и русскими князьями, для которых ханы выступали в качестве сюзеренов. Он не отрицает также наличия определенных признаков сюзеренитета-вассалитета в киевский период русской истории, на существование которых еще в 1965 г. четко указывал В.Т. Пашуто, а в 1980 г. – И.Я. Фроянов.

Одним из направлений научных исследований С.М.Каштанова является отечественная региональная история периода феодализма, а Среднее Поволжье было регионом, находящимся в центре его внимания. В приложении к монографии содержится историографический анализ отечественной литературы до 1967 г., относящейся к истории этого региона в XVI – первой половине XIX в., по преимуществу касающийся его экономической и социальной истории. Этот анализ свидетельствует о значимости исследований по истории Среднего Поволжья, как и других регионов обширного государства, для уяснения общей ситуации в истории хозяйственного развития и социальных отношений в стране в целом.

Монография содержит анализ воззрений, сложившихся в западноевропейской историографии на русский феодализм в ряде трудов на французском, немецком, английском и русском языках. Как показывает С.М. Каштанов, западные исследователи находились в значительной степени под влиянием положений и выводов, высказывавшихся российскими историками. Не случайно поэтому он считает возможным представить развитие западной историографии по вопросу о русском феодализме в виде трех этапов, от его отрицания, через признание возможности существования феодальных отношений на русской почве, к новому отрицанию. Как отмечает С.М. Каштанов, по существу все зарубежные авторы начиная с первой половины XIX в. стремились подчеркнуть историческую специфику средневековой России по сравнению с положением в странах Запада.

Исключительный интерес представляет заключительная часть монографии с общей характеристикой исторического типа Русского государства в XIV–XVI вв. В ней четко представлена аргументация в пользу авторской точки зрения об отставании России от западноевропейских стран на 7–8 веков. Как подчеркивает С.М.Каштанов, Киевское государство совершенно не соответствовало в типологическом отношении близкой к ней по времени Каролингской монархии. Используя метод диахронного анализа, он в то же время выделил целый ряд общих черт в экономике, социальных отношениях и в духовной культуре между государством Меровингов и Каролингов, с одной стороны, и Русью периода объединения земель вокруг Москвы и формирования Московского государства – с другой.

Вместе с тем С.М. Каштанов высказал некоторые дополнительные интересные соображения. Во-первых, по его мнению, на русской почве складывался вообще более чистый тип феодальных отношений, чем в Западной Европе, что он объяснял отсутствием на Руси старых римских институтов с их специфическими экономическими и политическими чертами, при влиянии которых развивался процесс феодализации среди явившихся в Галлию германских варваров. Таким образом, более чистым типом феодализма он считает тот, который не был связан с синтезом разлагавшихся рабовладельческих отношений на территории римской Галлии и разлагавшихся отношений у германцев-франков, завоевавших Галлию. Во-вторых, он показывает, что как при Меровингах и Каролингах во Франкском государстве, так и при Иване III на Руси имел место объединительный процесс.

Но и в одном, и в другом случае центром объединения стали земли, отставшие по уровню развития феодальных отношений. У франков это была Австразия, отставшая от Нейстрии и Аквитании, на Руси – Московское великое княжество, отставшее от Твери. Впрочем, близкую точку зрения высказывал А.А. Зимин, когда подчеркивал отставание Москвы от городских центров Северо-Восточной Руси во время феодальной (династической) войны при Василии Темном. С.М. Каштанов подчеркивает, что такая особенность объединения накладывала на этот процесс негативный отпечаток. В-третьих, как он указывает, такое государство имело тенденцию к распаду, что определялось процессом развития феодализма.

Это и привело к распаду Франкской империи. В России же при Иване Грозном, обращает внимание С.М. Каштанов, подозрительность царя и его готовность постоянно видеть крамолу и измену определялись также ощутимыми тенденциями к распаду государства, причем опричнина была способом предотвратить этот распад, который все равно произошел в условиях Смутного времени. Но в отличие от Франкского государства в России имела место противоположная тенденция, связанная с усилением государства и самодержавия и перехода, как он пишет, к абсолютизму, которая в конечном счете и стала преобладающей. Что же касается развития России в XVIII – первой половине XIX в., то этот период в истории страны напоминал, как он пишет, по целому ряду признаков западноевропейскую ситуацию XI–XII вв. с ростом городской культуры, с возникновением городской геральдики и с первыми университетами.

Таким образом, в дискуссионном вопросе о феодальной стадии в России, который прослеживается еще с историографии XVIII в. вплоть до настоящего времени, С.М. Каштанов приводит целый ряд аргументов в пользу прохождения страной этой стадии в своем историческом развитии, только со значительным опозданием по сравнению с рядом стран Западной Европы. В этом он видит одну из наиболее существенных исторических особенностей России. Он критически отнесся к представленной во французской историографии в 60-е гг. концепции отсутствия не только русского феодализма, но и русского средневековья. Эта концепция, с которой выступал Г. Вельтер, стала популярной в отечественной историографии с конца прошлого века.

Новая монография выдающегося ученого представит несомненный интерес для исследователей отечественной истории, поскольку содержит обобщающие сведения о развитии историографии ряда важнейших проблем и дает наглядное представление об общем взгляде автора на российский исторический процесс на протяжении длительного периода от раннего средневековья до середины XIX в.

Л.В. Мининкова,
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории и международных
отношений Южного федерального университета

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.18522/0321-3056-2016-4-109-111

Аристотелевские чтения
(г. Ростов-на-Дону, 25–28 мая 2016 г.)

Институтом философии и социально-политических наук ЮФУ совместно с Федеральной национально-культурной автономией греков России и культурно-просветительским обществом «Танаис» была проведена международная научная конференция «Аристотелевские чтения. Философия и культура Древней Греции: история и современность». Аристотелевские чтения имеют более чем 30-летнюю историю, а в 2016 г. они удачно вписались в программу научных мероприятий, посвященных 2400-летию со дня рождения великого греческого мыслителя.

Обращение к Аристотелю всегда актуально, по масштабу влияния на последующее развитие философской мысли он не имеет себе равных. Учение Аристотеля включает в себя критику древних «мнений» и Платона, логико-методологическую проблематику, вопросы социальной философии и естественно-научные исследования, философию языка и философию природы, этику и, конечно, знаменитую «метафизику». На конференции Аристотель как раз и был представлен с разных сторон, в различии тематик и интерпретаций, и работа конференции, если говорить в целом, уводила участников от создания упрощенного, схематического образа учения Аристотеля. Когда мы начинаем читать «Метафизику» Аристотеля, то осознаем, что это не просто построение системы онтологии, но и попытка выйти за пределы прежнего мышления «фисиологов», которые использовали аналогии и метафоры.

Разнообразие тем, поднятых Аристотелем, широта диапазона его учения сами по себе могут стать темой для отдельного исследования. Например, у Аристотеля можно получить ответ на вопрос о том, как сделать свою жизнь длиннее (пленарный доклад М.А. Солоповой «Аристотель и Гиппократ о долготе и краткости жизни: два подхода к одной теме»). На секции «Основные проблемы и достижения сквозь призму философии Аристотеля» работа велась в историко-философском ключе. Обращение к природе самой философии, как ее понимал Аристотель, влечет обязательно вопрос о природе первопричины, перводвигателя, Абсолюта. Такая глобальная задача приобретает вид метафизического исследования в контексте христианской теологии и «всеобщей диалектики мышления и бытия» (доклад П.Е. Бойко «Аристотелевская концепция “философской теологии” как методологический принцип познания всеобщего в природе Бога и Человека»).

Сравнение Аристотеля и Гегеля проводится по многим аспектам. Можно обратиться к «истории философии» Аристотеля, представленной в трактатах «Метафизика» и «О душе». Философы, попавшие в обзор к Аристотелю, не достигли с его точки зрения полного и адекватного выражения Начала, но не говорить о Начале они не могли. Обзор философии предшественников является произведением его онтологии. Аристотель не обладает отвлечённым, претендующим на объективность, ни в чём не заинтересованным представлением учений. Его анализ учений предполагает проблематику, затрагивающую уже учение самого анализирующего; а это значит, что история философии (как обзор мнений) уступает место философской разработке какой-либо проблемы, где мнения предшественников необходимы для подкрепления своих взглядов. Этот анализ был задуман Аристотелем не для отвлеченного обозрения, а для решения тех задач, которые он сам себе ставит. Ту же картину мы встречаем и в «Лекциях по истории философии» Г. Гегеля. Он считает Аристотеля спекулятивным философом: обращаясь в своем учении к «существующему», всю силу своей спекуляции Аристотель обращает на изучение одних частных вещей, свойственных «существующему», выступая таким образом, можно добавить, в качестве философа-позитивиста. В этом смысле, по Гегелю, он отличается от Платона, хотя частности его учения пропитаны «идеей Бога», и в этом смысле Аристотель – платоник. Более того, Гегель высоко оценивает учение Аристотеля о душе, развивающего

собственную философию Духа (доклад А.В. Вавилова «Рационализация иррационального: отступление от мифа в философии Аристотеля»).

Соотношение божественного и человеческого у Аристотеля обязательно несет в себе этический аспект. Практическая философия выступает следствием метафизических установок, этическое учение всегда заключает в себе призыв, программу, указания на должное и, наоборот, на то, что противоречит космо-онтологическим схемам. Аристотель создает такое этическое учение, которое, ориентируясь на благо и добродетель, одновременно «реалистично» (обращается к непосредственной жизни), и при этом ориентирует на «идеал»; только идеал этот не экстатического свойства (доклад А.В. Тихонова «Аристотель о подобии человека богам»). Дискуссия по Аристотелю невозможна без развернутых представлений об интеллектуальном историческом фоне восприятия его идей и без реконструкции его возможных диалогов с другими философами. Аристотель сопоставлялся с Сократом (пленарный доклад С.А. Мельникова «Аристотель и Сократ»), с Августином (доклад А.А. Крапеницкого «Историко-философские аспекты трактата Аврелия Августина “Против академиков”»), с византийской традицией в целом (доклад А.А. Кириллова «Аристотелевская проблематика в византийской философии»), с Анри Бергсоном (пленарный доклад А.А. Кротова «Аристотель и Бергсон»).

Секция «Аристотель в контексте современной философии, логики и методологии науки» открывала один из наиболее актуальных пластов наследия Аристотеля. Рассматриваемая проблематика напрямую затрагивала влияние работ Аристотеля на современную логику, теорию познания, а также на науку в целом. Были доклады, посвящённые и применению Аристотелевской системы в образовании (сообщение С.А. Мищика «Аристотель в контексте формирования целостно-системных циклов учебной жизнедеятельности студентов при освоении логики и методологии современной науки» и доклад Ю.А. Ротенфельда «Аристотелевская мудрость как основа современной научной философии», из которого следовало, что древний спор между Платоном и Аристотелем привёл к расколу культуры на естественно-научную и гуманитарную). Аристотеля принято считать философом, строящим философскую систему научного характера, доктрина научного знания оформляется и развивается именно в его философии (доклад А.Т. Юнусова «Источники формирования эпистемологии Аристотеля»).

Онтология и теория познания Аристотеля включает в себя проблему бесконечности, которая развивается в различных программах в философии математики XX в. (доклад К.А. Родина «Аристотель после Витгенштейна: проблема бесконечного»). Также было показано, что категория сущности у Аристотеля может мыслиться различными способами, и каждый из этих способов («обладать качеством», «состоять в отношениях», «длиться во времени», «находиться в пространстве», «воздействовать и испытывать воздействие», «проявлять состояния») может быть формализован (доклад С.М. Кусковой «Многомерность Аристотелевских объектов»).

Логические проблемы, присущие философии Аристотеля, были представлены и далее, что позволяет проблематизировать темы, затронутые на данной секции, в первую очередь как логические с большим уклоном в семиотику, плавно сужающиеся до логико-семантических и в итоге перетекающие в рассмотрение проблемы истины у Аристотеля. Философ предлагает различные определения знака. Можно произвести детальный разбор ключевых понятий логико-семиотических идей Аристотеля, демонстрируя роль знаков в силлогизмах, построенных по различным фигурам, и в риторических силлогизмах – энтимемах (доклад К.Д. Скрипника «Семиотические идеи Аристотеля»). Отмечая, что для Аристотеля различия в знаках есть различие лишь в плане выражения, но не в плане содержания, К.Д. Скрипник делает вывод, что теория знаков занимает у Аристотеля промежуточное место между логикой и риторикой. Проводя во второй части доклада сравнение различных определений знака, предлагаемых Аристотелем в «Аналитиках» и в «Риторике», докладчик продемонстрировал влияние аристотелевских исследований на последующее развитие семиотических идей в стоической и эпикурейской философских школах, а также влияние, оказанное на раннесредневековых авторов.

«Первая Аналитика» Аристотеля предлагает материал для анализа нахождения способа обобщенного представления предложений, используемых в рассуждениях (доклад Т.А. Шияна «Об одной логико-семиотической новации Аристотеля»). Это обобщенное представление, согласно Шияну, осуществлялось путем замены терминов, фигурирующих в атрибутивных высказываниях, буквами древнегреческого алфавита, которые понимались как некоторые известные, хоть и произвольные термины. Семиотический прием, использованный в «Первой Аналитике» и послуживший семиотическим фундаментом построения

логики как науки, был новацией Аристотеля. Данное сообщение перемещает акцент с семиотической системы Аристотеля в целом на конкретные её части, уникальные по своему характеру и присущие только его учению. Первую философию Аристотеля можно рассматривать и в контексте современных логико-семантических концепций, исследуя возможность для её формализации (доклад С.А. Павлова «О первой теории первой философии Аристотеля»).

Продолжая логико-семантическую линию рассмотрения учения Аристотеля, можно рассмотреть проблемы того, откуда изначально черпает Аристотель само понятие истины, как приходит к двум собственным подходам в понимании данного вопроса – онтологическому и гносеологическому, почему не стоит именовать такую позицию эклектизмом, и на чём основывается его понимание истины как конечной цели философии или понимание, которое мы сейчас именуем классической концепцией истины (доклад В.Х. Акаева «Концепция истины Аристотеля и возможности ее развития»). Логико-семантический горизонт рассмотрения концепции истины можно и расширить. Философия истины перемещается в широкие историко-философские рамки от античных философов до постмодернистов (доклад М.И. Билалова «Аристотель в контексте современной философии истины»). Ключевая проблематика данного секционного заседания развивалась в движении от подробного рассмотрения К.Д. Скрипником семиотических идей Аристотеля через раскрытие Т.А. Шияном новаторских семантических приёмов в корпусе этих идей, через выявление С.А. Павловым теории, основывающейся на логико-семантических идеях, в первой философии Аристотеля, к взгляду В.Х. Акаева на весьма конкретную деталь семантики Аристотеля – концепцию истины и возможность её развития, и была завершена М.И. Билаловым с концептуальным перемещением в историко-философский контекст.

Таким образом, на конференции «ожили» и активно дискутировались фундаментальные вопросы основоположника европейской философии и науки. В рамках дискурса, заданного Аристотелем более 2000 лет назад, был рассмотрен целый спектр и историко-философских проблем, и современных логико-семиотических вопросов. После каждого доклада следовали вопросы из зала, каждый доклад вызывал активный отклик аудитории и воспринимался с живым интересом. Организаторы конференции особую признательность и благодарность выражают Президенту федеральной автономии греков России И.И. Саввиди, без помощи и поддержки которого конференция не была бы возможна, и Культурно-просветительскому обществу донских и приазовских греков «Танаис».

Г.В. Драч,
профессор, кандидат философских наук,
Южный федеральный университет

А.В. Тихонов,
доцент,
Южный федеральный университет

М.Г. Подгорная,
преподаватель,
Южный федеральный университет

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки» в 2016 г.

Index of Materials, published in the Journal "Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences" in 2016

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Абиева Э.Г., Халиков А.С., Рамазанов М.Р., Дибраев А.Д. Роль философии в гуманитаризации современного образования…… 2
Антипова И.Г. Субъект принятия решения: между фактом и закономерностью…… 4
Моисеев А.В. Самоописание сознания и проблема самоопределения современной философии…… 4
Прокопович Ю.В. Значение философии непосредственного знания как предпосылки формирования предметного поля современной философии…… 2
Сарикек Г.Р. Метафизические основания понятий «комфорт» и «счастье»…… 4
Соблирова З.Х., Хоконов М.А., Абидова И.З. Типология модных девичьих образов в локальной городской культуре (на материале анкетирования молодежи г. Нальчик)…… 2
Суханов Р.Е. Интуиция и самосознание: проблема выражения абсолютного в концепциях Н.О. Лосского и С.Л. Франка…… 1
Суханов Р.Е. Пространство и время в опыте сознания: критика науки в интуитивизме Н.О. Лосского…… 3
Суханов Р.Е. Трансцендентализм и интуитивизм в оценке мифа: диалог Н. О. Лосского и Э. Кассирера…… 2
Устименко Д.Л. Методологическое значение историографии при феноменологическом познании антропогенеза… 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Аверьянов А.В. Основные направления национальной политики в Ростовской области во второй половине 1980-х годов: теоретические и практические аспекты…… 4
Агафонов А.И. Донская артиллерия (XVIII – первая половина XIX века)…… 3
Агафонов А.И. Пушкарское дело на Дону (конец XVI – начало XVIII века)…… 2
Акиева П.Х. Мифология и нартский эпос ингушей о творении человека…… 1
Акимова Т.М. Земство Владимирской губернии и продовольственный кризис 1917 года…… 1
Блейх Н.О. Система просветизма Северного Кавказа конца XIX – начала XX века…… 3
Бойко А.Л., Скирда И.Н. Участие Донского отделения Предварительного комитета в подготовке и работе XII Археологического съезда 1902 года в Харькове…… 1
Бородин С.В. Современное россиеведение в Японии…… 4
Булгаков А.О. Планы послевоенного политического и территориального переустройства Польского государства 1944–1945 годов…… 1
Булгаков А.О. Проблема обеспечения безопасности СССР и польский вопрос в 1939 году…… 2
Венков А.В. Исторические реалии и прототипы одного из Донских рассказов М.А. Шолохова…… 2
Гаврицков Д.Ю. Изменение вероисповедной политики партийно-государственных органов в связи с юбилеем введения христианства на Руси (по материалам Ростовской области)…… 3
Го Ян. Политика ВКП(б) и Коминтерна по отношению к китайской революции (вторая половина 20-х годов XX века)…… 3
Егоров А.А. Уильям Питт Младший и судебный процесс над Гастингсом…… 3
Ибрагимов А.С. Негосударственный сектор высшего образования Республики Дагестан и особенности его функционирования на рубеже XX–XXI веков…… 4
Исакова М.А. С Украины на Дон. Тайная эвакуация эшелонов авиационного имущества в 1918 году под руководством В.Г. Баранова…… 1
Ковалева О.А., Подольников В.П., Волошина Е.Е. Регентский кризис и вигская оппозиция в Англии 1788–1789 годов…… 3
Курмансеитова А.Х. Об организации цензуры национальной книги в Северо-Кавказском крае в годы культурного строительства…… 2
Курмансеитова А.Х. О становлении полиграфической базы Черкесского областного национального издательства (1928–1940)…… 4
Курмансеитова А.Х. Цензура ногайской книги Даггосиздата в годы культурного строительства (1930–1938 гг.)…… 1
Лисюченко И.В. Княжеская власть и «Сказание о призвании варягов»: «портрет» института на фоне явлений культуры…… 1
Лысенко Д.В. Станичные рапорты как источник по истории массового движения донских казаков 1792–1794 годов…… 2
Матагова Х.А. Преподаватели Чечено-Ингушского государственного педагогического / учительского института из числа чеченцев и ингушей в годы выселения (1944–1957)…… 1
Мининков Н.А. Евлампий Кательников в событиях 1792–1794 годов на Дону…… 3
Мининкова Л.В. Владимир Григорьевич Мирзоев об исторической мысли Киевской Руси…… 2
Надолинская А.И. Предвыборные манифесты консервативной партии Великобритании с 1945 по 1987 год: подходы к ольстерской проблеме…… 1

Нурдыгин Е.А. Использование массового физкультурно-спортивного движения в советской политической жизни в начале 1950-х годов (по материалам Пензенской области)…….. 2
Османова М.Н. Некоторые аспекты общественной и духовной жизни мусульман Дагестана конца XIX – начала XX века……. 3
Османова М.Н. Рукописные и старопечатные Кораны в некоторых книжных коллекциях Дагестана…….. 1
Подольников В.П. Народная война 1870–1871 годов во Франции в исторической и художественной литературе 2
Пономарева М.А. Власть и сельско-городские сообщества в контексте формирования условий для развития постурбанистических поселений в новейшей истории России: к постановке проблемы…….. 4
Попенков О.Н. Арабский социализм лидера ливийской революции. Феномен Муаммара Каддафи……. 2
Попенков О.Н. Идеологические аспекты «третьей мировой теории» М. Каддафи и революционные преобразования в Ливии на рубеже 70–80-х годов XX века……. 4
Попенков О.Н. Краткий анализ причин крушения ливийского режима М. Каддафи в контексте исторического развития Ливии…….. 3
Сабанчиев Х.-М.А. Походы монголов на Северный Кавказ в 20–30-х годах XIII века…… 2
Сень Д.В. Международное положение Османской империи и эволюция крымско-османских отношений на рубеже XVII–XVIII веков…….. 3
Сербинович Л.Ю., Абраменко В.А. Организация документационного обеспечения управления и архивного хранения документов российских общественных объединений…… 2
Стегленко Е.В. Е.П. Савельев о взаимоотношениях русских властей и войска Донского и инкорпорации казачества в состав России……. 1
Узнародов Д.И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки…… 3
Юшина С.В. Исторический аспект сирийского кризиса как одного из источников и причин террористической активности в современном мире…… 4

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баташев Р.В. Статистический подход к оцениванию влияния кредитов на уровень потребления российских семей 3
Бедрик А.В., Сериков А.В. Риски реализации государственной миграционной политики России на современном этапе…….. 4
Брюханова Н.В., Керопян М.А. Диагностика и прогнозирование кадровых потребностей процессов социально-экономического развития региона…….. 1
Евграфова О.В. К вопросу о методологии гуманизации экономической теории: потенциал философии хозяйства 1
Евграфова О.В. Парадигма институционализма и постсоветская экономическая теория…….. 4
Жукова И.А. Пути преодоления социально-экологических последствий закрытия угледобывающих предприятий Восточного Донбасса в новых экономических условиях……. 4
Косарев Р.В. Экономико-математическая модель согласованного развития сферы коммерческой недвижимости и инфраструктуры региона…….. 2
Кузьминов А.Н., Хохлов А.А. Повышение капиталоемкости производства, импортозамещение и экономический рост…….. 1
Лобунец В.С. Занятость населения шахтерских территорий в постреструктуризационный период на примере города Шахты Ростовской области…… 4
Мартиросян Т.Р. Ключевые подходы к оценке показателей инновационного производства в коммерческой деятельности…… 3
Неделин М.Д. Приоритетные направления развития кластерного взаимодействия в сфере ЖКХ муниципальных образований…….. 1
Нургазина Г.Е., Яковлев В.А., Искакова М.К. Роль малых предприятий в обеспечении продовольственной безопасности Республики Казахстан……. 3
Полякова Е.М. К вопросу о социальных рисках развития человеческого капитала…… 2
Фоменко Н.М., Павлюкова А.В. Тенденции развития сетевых механизмов управления в электронной среде организации…… 3
Хади Р.А. Анализ движущих сил и методов экспертизы молодёжных инновационных проектов……. 1
Шевелева А.В. Задачи государственно-частного партнерства в нефтегазовом комплексе в целях реализации отраслевых экологических инициатив…….. 1
Шевелева А.В. Направления совершенствования эколого-экономической политики предприятий нефтегазового комплекса в России……. 4
Щербинин Т.А. Стратегия развития региональной банковской системы в условиях спада экономики современной России……. 1

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

Неклюдова Т.П. Обучение рисунку в архитектурно-художественном образовании (из опыта работы кафедры рисунка ААИ ЮФУ)…….. 1
Парубец А.С. Взаимосвязь стилистики и функций в кубизме и футуризме……. 3

В ПОРЯДКЕ ДИСКУССИИ

Гасанов М. Какими должны быть учебники по истории Дагестана? …… 1

СПОРИМ, ОБСУЖДАЕМ

Кислицын С.А., Кумов К.Г. Новый этап дискуссий вокруг творчества М.А. Шолохова…….. 2

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Ватульян А.О., Иваночкин П.Г., Чебаков М.И. Владимиру Ивановичу Колесникову – 75! …….. 4
Гасанов М. Патриарх исторической науки Кавказа (к 140-летию со дня рождения академика И.А. Джавахишвили) 3
Извеков С.Г. Генрих Стродс (1925–2012). Очерк жизни и деятельности латышского историка…… 4
Кислицын С.А. Фронтовик, историограф революции М.С. Чигринский……. 4
Кислицын С.А., Нарежный А.И. П.В. Семернин – основатель кафедры политической истории РГУ……. 3
Шинкаренко Е.А. Педагог, наставник и добросовестный научный исследователь (к юбилею Г.Ф. Карповой)... 1

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Аникеев А.А. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. М., 2014. 372 с. 1
Аствацатурова М.А. *Кислицын С.А., Петрова С.В., Репинская О.В.* Проблемы прикладной геополитики Евразии / под общ. ред. С.А. Кислицына. М., 2016. 416 с. …… 4
Атаев З.В., Черноус В.В. *Гасанов М.Р.* Каспийский поход Петра I 1722–1723 гг. Махачкала, 2015. 111 с. (лучшая научная книга 2015 года по итогам Всероссийского конкурса)…… 4
Ахмадов Я.З., Акаев В.Х. *Гумба Г.Д.* Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.) / науч. ред. Т.А. Ачугба. Сухум, 2016. 544 с. …… 4
Денисов В.В., Крючков А.Б. Великая победа. 70 лет: материалы конференции 6 мая 2015 года / отв. ред. В.В. Денисов. Новороссийск, 2016. 62 с. …….. 4
Денисов В.В., Крючков А.Б. Уроки Первой мировой войны (к 100-летию начала войны) : материалы конференции 10 декабря 2014 года / под ред. Е.Б. Ериной. Новороссийск, 2015. 106 с. …….. 1
Дзидзоев В.Д. Анализ региональных процессов в Российской Федерации (на примере восстановления культуры чеченского народа). В.А. Асталов и И.С. Хамурзаев «Музейная сеть Чеченской Республики в конце XX – начале XXI века» (Махачкала; Грозный, 2014. 196 с.)…… 1
Дзидзоев В.Д. *Халилова Д.Г.* Дагестан в составе России: эволюция государственного устройства и права (1860 г. – нач. XXI в.). Махачкала, 2014. 190 с. …… 4
Дзидзоев В.Д. *Цалиев А.М., Хаматова С.Х.* Конституционные обязанности: их соблюдение и реализация. На примере Республики Северная Осетия – Алания. Владикавказ, 2016. 242 с. …… 3
Дудайти А.К., Бетеева М.М. *Дзидзоев В.Д., Никаев Р.М.* Национальная безопасность России в условиях признания суверенитета Абхазии и Южной Осетии и гражданской войны в Украине (исторические и политико-правовые аспекты). Владикавказ, 2015. 330 с. …… 2
Ищенко А.С. *Ричка В.М.* Лицар Духу: Володимир Великий в історії та пам'яті. Київ, 2015. 132 с. (Бібліотека «Українського історичного журналу»)…….. 1
Ищенко А.С. *Толочко А.П.* Очерки начальной руси. Киев; Санкт-Петербург, 2015. 336 с. …… 4
Копылов В.П. Историческое место и роль города Дербента в российской и мировой истории (Кудрявцев А.А. Дербент – древнейший город России. Махачкала, 2015. 342 с.)…….. 2
Магомедов М.Г. Социальная ответственность российского бизнеса в сфере культуры (Крамарова Е.Н. Меценатство на Юге России: форма реализации социальной ответственности бизнеса / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2015. 156 с.)……. 2
Мининков Н.А., Мининкова Л.В. *Нарежный А.И.* Проблемы модернизации самодержавия в русской общественной мысли XIX века. Ростов н/Д., 2014. 204 с. …… 1
Мининкова Л.В. *Каштанов С.М.* Московское царство и Запад: Историографические очерки. М., 2015. 472 с. 4
Покасов В.Ф. *Аникеев А.А., Линц И.И.* Развитие образования на Ставрополье: конец XVIII – начало XXI в. Пятигорск; Ставрополь, 2016. 446 с. …… 2
Томилин А.Н., Крючков А.Б. *Шаталова Н.П., Фоменко С.И., Денисов В.В.* Формирование патриотизма у курсантов на основе конструктивного подхода к воспитанию (на примере исторического опыта 1960-х годов). Новороссийск, 2016. 144 с. …… 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вдовченков Е.В., Кияшко А.В. X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (Ростов-на-Дону, 29–31 октября 2015 г.)……... 1
Воронина Т.В., Евченко Н.Н. II Международная научно-практическая конференция «Конкурентоспособность национальных экономик и регионов в контексте глобальных вызовов мировой экономики» (г. Ростов-на-Дону, 14–15 апреля 2016 г.)……... 2
Гусейнова О.И., Магранов А.С., Филоненко В.И. Всероссийская научная конференция «Комплексный подход к исследованию исторической памяти о Великой Отечественной войне: гуманитарный и естественнонаучный вклад» (Ростов-на-Дону, 23–26 октября 2015 г.)…….. 1
Дзидзоев В.Д. Международная научно-практическая конференция «Кавказ в условиях глобальных вызовов и угроз» (Республика Южная Осетия, г. Цхинвал, 6–7 июня 2016 г.)…… 3
Дзидзоев В.Д. Международная научная конференция «Кавказ на протяжении веков – аспекты и обусловленности многообразия края» (Жешув, Польша, 17–19 октября 2015 г.)……. 1
Драч Г.В., Тихонов А.В., Подгорная М.Г. Аристотелевские чтения (г. Ростов-на-Дону, 25–28 мая 2016 г.)….. 4
Ивлиева О.В., Сухов Р.И. V Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам туризмоведения (г. Ростов-на-Дону, 7–8 апреля 2016 г.)…… 3
Карпова Г.Ф. Архитектурное образование как интегративная образовательная область. Региональный научно-методический семинар ЮФУ «Инновации в начальном (1–2 курсы) архитектурном образовании» (г. Ростов-на-Дону, 24 февраля 2016 г.)……. 2

Максименко А.Г., Долженко Г.П. IV Международная научно-практическая конференция «Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы» (Республика Абхазия, г. Пицунда, 13–16 апреля 2016 г.)…….. 3
Савченко Л.А., Вялых Н.А. III межрегиональная научно-практическая видеоконференция «Воспитание этнической толерантности в высшей школе» (г. Ростов-на-Дону – г. Краснодар, 7 апреля 2016 г.)……. 3
Савченко Л.А., Вялых Н.А. Тринадцатые Международные гендерные чтения «Гендерные ценности в XXI веке» (г. Ростов-на-Дону, 25 марта 2016 г.)…….. 2
Сень Д.В. I научно-практический семинар «Церковная история Дона: актуальные вопросы и перспективы междисциплинарного изучения» (Ростов-на-Дону, 28 сентября 2015 г.)……... 1

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Непосредственно транслитерацию можно сделать на сайте http://translit.net/, выбрав вкладку Варианты – BSI. Примеры для ее оформления даны ниже.

Монографии, книги целиком

Naimark M.A. *Lineinye differentsial'nye operatory* [Linear differential operators]. Moscow, 1969, 526 p.

Flora Nizhnego Dona [Flora of the Lower Don]. Ed. G.M. Zozulin, V.V. Fedyaeva. Rostov-on-Don, 1984, Ch. 1; 1985, Ch. 2.

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Kraevye zadachi dlya differentsial'nykh uravnenii, soderzhashchikh parametr, s kratnymi kornyami kharakteristicheskogo uravneniya [Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation]. *Dif. uravneniya*, 1984, vol. 20, no 2, pp. 263-273.

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Kraevye zadachi dlya differentsial'nogo uravneniya chetvertogo poryadka v sluchae kratnykh kornei kharakteristicheskogo uravneniya*: dis. ... kand. fiz.-mat. nauk [Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation]. Baku, 1985, 135 p.

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadlyi V.A. *Programmnoe sredstvo avtomaticheskogo opredeleniya vozrasta uchastnika sotsial'noi seti Ageception. Versiya 1.1* [The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception. Version 1.1]. Certificate, no 2014614425, 24.04.2013.

Электронные источники, интернет-сайты

Available at: www.ecoternopil.gov.ua (accessed 11.10.2014).

Ivanov S.E. *Morskaya industriya i global'nyi krizis - nablyudeniya sudobrokera* [Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker]. Available at: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html (accessed 11.12.2013).

Нормативные и архивные документы

Ob utverzhdenii normativov kachestva vody vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya, v tom chisle normativov predel'no dopustimykh kontsentratsii vrednykh veshchestv v vodakh vodnykh ob'ektov rybokhozyaistvennogo znacheniya [On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies]: prikaz Rosrybolovstva № 20 ot 18.01.2010. Moscow, 2010.

GAVO (Gosudarstvennyi arkhiv Vladimirskoi oblasti) [SAVR (State Archive of Vladimir Region)]. Fund R-359. In. 1. File 1.

GOST 10444.9-88. Produkty pishchevye. Metod opredeleniya Clostridium perfringens [GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of Clostridium perfringens]. Moscow, 2010.

Материалы конференций, семинаров, сборники

Nazar'ko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. [Deformation and deformed stochastic basis]. *Matematicheskie metody v sovremennykh i klassicheskikh modelyakh ekonomiki i estestvoznaniya: materialy region. nauch.-prakt. konf. professorsko-prepodavatel'skogo sostava i molodykh uchenykh* [Mathematical methods in modern and classic models of economics and science: proceedings of the region. scientific and practical. conf.]. Rostov-on-Don, 2012, pp. 37-54.

Цена свободная

Индекс 70414

Научно-образовательный и прикладной журнал

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки и археология.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– заметки о книгах;
– научная жизнь;
– штрихи к портрету.

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. Помимо основных номеров выходят специальные тематические выпуски, посвященные разным научным направлениям, работам отдельных организаций, а также научные труды вузов, приуроченные к юбилейным датам. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Публикация материалов, на которые получена положительная рецензия, оплачивается лично автором или организацией. Стоимость работ − договорная.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Печатный и электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке − через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс − 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.
E-mail: **izvestiya@sfedu.ru**.
Адрес в Интернете: **www.izvestiya.sfedu.ru**.

ISSN 0321-3056. DOI 10.18522/0321-3056-2016-4.
Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2016. № 4